

Ирина Касаткина

Одинокая
звезда

«Для нас, женщин, любовь —
самое главное, главнее ничего
нет. Поэтому жди ее
и не торопись».

Ирина Леонидовна Касаткина

Одинокая звезда

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666605

*И.Л. Касаткина «Одинокая звезда». Серия «Любовный роман»: Изд-во «Книжкин Дом»; Изд-во «Астрель»; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-054956-6, 978-5-271-21517-9*

Аннотация

Две подружки приезжают на море, знакомятся с молодыми людьми, – и ни к чему не обязывающий курортный роман становится их судьбой. Эта книга о бессмертной любви и смертельной ненависти – о страстях человеческих. Перед вами сага о жизни нескольких семей, объединенных настоящими и искренними чувствами, духовностью и традициями, желанием правильно воспитать детей и служением любимому делу, – словом, всем тем, чего так не хватает сейчас нам и нашим детям.

Содержание

Часть 1. «Золотая рыбка»	6
Глава 1. Мальчик и девочка	6
Глава 2. В одном доме, в одном подъезде	17
Глава 3. Грустные воспоминания	21
Глава 4. Преображение мира	32
Глава 5. Дом творчества	49
Глава 6. Скажи «Да»	57
Глава 7. Десять дней	63
Глава 8. Разлука	77
Глава 9. Дома	83
Глава 10. Расплата	96
Глава 11. Серго вернулся	103
Глава 12. Начало новой жизни	115
Часть 2. Воспитание чувств	127
Глава 13. Братик и сестричка	127
Глава 14. В детском саду	135
Глава 15. Бой местного значения	143
Глава 16. Первые трудности	151
Глава 17. Тучи сгущаются	163
Глава 18. Крутые перемены	169
Глава 19. На подъеме	177
Глава 20. Сессия	187
Глава 21. Вступительные экзамены	206

Ирина Касаткина

Одинокая звезда

Читатель мой!

Эта книга – о великой любви. Веришь ли ты в такую любовь? И каким надо быть, чтобы тебя так любили? И можно ли так любить? И нужно ли?

Столько вопросов!

Желаю тебе счастья, Читатель!

Автор

Часть 1. «Золотая рыбка»

Глава 1. Мальчик и девочка

После сиротливой южнорусской зимы, после сырого и ветреного марта с его пыльными бурями и поздними снегопадами небеса ниспослали людям весенний подарок – апрель.

В его второй половине на донских просторах уже вовсю хозяйничала весна. Ощутив устойчивое тепло, из земли весело полезла молодая трава, набухли и порозовели на жерде-лах почки, а кое-где на самых верхних ветках они лопнули, явив миру прелестные белые бутончики. Небо, долгое время скрытое грязно-серыми облаками, умылось проливным дождиком, открыв взорам радостную синеву.

Пережившие очередную гололедную и слякотную зиму бледные горожане дружно высыпали на улицы. Невзирая на середину рабочей недели, городской парк среди бела дня был полон народу. С лотков бойко торговали сахарной ватой, мороженым и сладостями. Гремела музыка.

По центральной аллее празднично шатались сбежавшие с занятий студенты и старшеклассники. На скамейках грелся на солнышке люд постарше. Здесь со знанием дела обсуждали – и осуждали современную молодежь, политиков и действия городских властей. Шум, смех, звуки лопающихся воздуш-

ных шаров и разные вкусные запахи плыли над аллеями парка и выплескивались на окружающие улицы.

На детской площадке было потише. В школах еще шли уроки, и на горках-качелях под наблюдением мам и бабушек резвилась, в основном, малышня.

Маленький мальчик, стоя на коленях в песочнице, старательно сгребал влажный песок в большую кучу. Мальчика звали Гена Гнилицкий. Гена был некрасив. На его худеньком личике выделялся тонкий длинный нос, которым он непрерывно шмыгал. Губы у Гены тоже были тонкими, а круглые серые глаза близко посаженными, из-за чего он немножко смахивал на обезьянку. Часто вытирая рукой в песке струйку под носом, Гена растер кожу над верхней губой – она покраснелась, но мальчик не обращал на это внимания. Его беременная мама вязала неподалеку на скамеечке. Время от времени она отрывалась от вязания и укоризненно говорила:

– Гена, возьми платок, высморкайся!

Но сын только отмахивался. Ему было некогда. Дело в том, что Гена строил тоннель. Он давно мечтал построить тоннель под песочной горой. Но то песочница оказывалась занятой, то какой-нибудь хулиган разрушал его постройку, а то она сама рассыпалась, когда Гена принимался проковыривать отверстие – но только ему никак не удавалось довести дело до конца. И вот сегодня, кажется, все складывалось удачно. Во-первых, с ним была мама и, значит, хулиганов можно было не бояться. Во-вторых, песок был достаточно

влажен и хорошо уплотнялся под ударами его ладоней. Значит, можно было не беспокоиться за прочность горки.

Гена спешил. Он по опыту знал, что в самый ответственный, самый захватывающий момент его могут внезапно прервать и увести домой или в какой-нибудь скучный магазин.

Горка была почти готова. Точнее, это была не горка, а настоящая гора – большая, хорошо уплотненная и оглаженная Гениными ладонями. Теперь предстояло самое главное: прорытие самого тоннеля.

– Мальчик, а что это вы строите? – Тоненький голосок внезапно пролился на него откуда-то сверху, как струйка прохладной воды. Увлеченный своим занятием, Гена забыл обо всем на свете и не слышал, как к песочнице подошли. Он поднял голову.

Солнечный свет бил ему прямо в глаза. В его блеске Гена не сразу разглядел девочку, стоявшую у песочницы. У девочки были темные, почти черные, глаза и светлые локоны, сиявшие вокруг ее личика, как ореол.

– Это будет тоннель под горой, – нарочито грубым голосом ответил Гена. Он не любил девчонок и даже немного побаивался их. В детском саду девочки постоянно дразнились и не хотели сидеть с ним рядом из-за его скверной привычки облизывать все время губы и шмыгать носом.

– Меня тошнит от него! – брезгливо заявила хорошенькая Ирочка Соколова, когда ее посадили за один стол с Геной. И демонстративно пересела к кудрявому, похожему на анге-

лочка, Сашеньке Оленину. После этого Гена возненавидел всех девчонок. А Сашеньку незаметно так ущипнул за мягкое место, что тот отчаянно завопил и стал быстро-быстро вертеть головой в поисках своего обидчика. Но Гена успел спрятаться за толстого Васю Реп-кина, которому и досталось от воспитательницы.

Гена ждал, когда и эта любопытная девчонка уйдет, чтобы продолжить свое занятие. Но девочка не уходила. Наоборот, она проявила явный интерес к его замыслу. Склонив головку к плечу, незнакомка медленно обошла вокруг песочницы, чтобы разглядеть горку со всех сторон. Затем подняла с земли несколько сухих веточек и протянула мальчику.

– Воткни их сверху, – предложила она. – Это будет как будто лес на горе.

Гена послушно воткнул. И правда, горка еще больше стала похожа на настоящую гору, поросшую лесом.

– Мальчик, а можно я тоже буду играть с тобой в тоннель? – вежливо попросила девочка. – Ты будешь с той стороны делать отверстие, а я с этой. Можно, а?

– Ты же выпачкаешься. – Гена с сомнением посмотрел на ее светлый плащик и белые колготки.

– Ничего, я потом почищу. Мама, можно? – Девочка просительно взглянула на красивую даму, с улыбкой наблюдавшую за ними.

– Можно, доченька, – разрешила дама. – Только сними плащик, а то запаришься. Солнышко уже припекает.

Девочка отдала маме плащик и осталась в синем бархатном платьице, украшенном кружевным воротничком и такими же манже-тиками. Она забралась в песочницу, встала на колени и выжидающе взглянула на Гену. И тут он увидел, что глаза у девочки не черные, как ему показалось вначале, а синие-синие, словно небо над далекими вершинами деревьев. И какие-то... переливчатые.

– Мама, мама! – воскликнул Гена. – Смотри, какие у девочки глазки – как синенькие стеклышки.

– Худа у вас дочка, худа, – заметила мама Гены, любуясь девочкой. – Но какая же она красавица!

– Красавица? – Гена уставился на незнакомку. Он никогда не видел настоящих красавиц. Девочек, которых он знал, никто не называл красавицами. Гена думал, что красавицы бывают только в сказках или кино.

– Ты красавица? – удивленно спросил он, глядя на нее во все глаза.

– Так говорят, – кивнула девочка. – Но мама говорит, что это не главное.

– Как это?

– Она говорит, что главное – быть хорошей. Чтобы тебя любили за то, что ты хорошая, а не за красоту.

– Красивой тоже быть хорошо, – не согласился Гена. – Красивых больше любят, я знаю. Вот я некрасивый, и меня в садике никто не любит.

– Почему это ты некрасивый? – удивилась девочка. – Ты

очень даже славный. И такой умный! Вон какую горку построил и тоннель придумал.

Гена не верил своим ушам. Значит, он не хуже всех? Раз такая замечательная девочка назвала его славным. Какое у нее необыкновенное личико! На него хотелось смотреть и смотреть. Губки у девочки были маленькие и сложены так, будто она только что проглотила что-то очень вкусное. И носик такой... аккуратненький. А глаза! Он никогда не видел таких глаз. Опущенные длинными тяжелыми ресницами, они казались то черными, то синими, то темно-голубыми, когда на них падал свет. И они так ласково глядели на него. Никто на него так хорошо не глядел, кроме мамы. Что там Ирочка Соколова – да она тьфу по сравнению с этой девочкой.

– Как тебя зовут? – робко спросил он.

– Лена, – ответила девочка, – а тебя?

– А меня Гена.

– Гена и Лена – вот здорово! – засмеялась девочка. – Прямо в рифму. Ну, давай рыть тоннель. Ты начинай со своей стороны, а я – со своей. Посмотрим, кто быстрее будет рыть.

– А как?

– Это же просто! С чьей стороны тоннель будет длиннее, когда наши пальцы соединятся, тот и рыл быстрее. Понимаешь?

– Понимаю. Ты тоже очень умная. Сколько тебе лет?

– Шесть. Но скоро будет семь.

– Ой, и мне шесть! И тоже скоро семь исполнится.

Гене стало хорошо и весело. Он азартно принялся выгребать песок из горки, время от времени украдкой поглядывая на девочку. Закусив нижнюю губку, она старательно выбирала песок обеими ладошками и, сложив их лодочкой, ссыпала в сторонку.

Работа спорилась. Генина рука уже почти по локоть погружалась в отверстие. Он с нетерпением ждал, когда сможет прикоснуться к девочкиным пальчикам.

Вдруг на вершине горки появилась извилистая трещина, а изнутри посыпался песок. Казалось, сейчас все сооружение рухнет. Дети замерли. Положение спасла Леночкина мама. В ближайшей палатке она купила стаканчик ситро и полила сладким напитком горку. Ребята быстро загладили трещинку, и ее совсем не стало видно.

Но вот последние сантиметры были пройдены, и Генины пальцы коснулись пальчиков девочки. Какое это было замечательное ощущение! Дети сцепились ладошками и радостно закричали: «Ура! Ура-а!». Затем осторожно расширили отверстие и одновременно заглянули в него. Далеко-далеко по ту сторону загадочной темноты на Гену весело глядел глаз его новой подружки. Его мечта сбылась – тоннель был построен.

– Давай, – предложила Лена, – пусть наш тоннель будет как будто на берегу моря. Там много тоннелей. Ты когда-нибудь был на море?

– Нет, – грустно ответил Гена, – но я его видел по телевизору. А ты была?

– Да, меня мама возила прошлым летом.

– Расскажи про море.

– Море? – Девочка задумалась. – Оно такое... необъятное.

А когда ветер, на нем белые барашки.

– Барашки?

– Ну да, на волнах такая белая пена, как белые барашки.

А на берегу песок и камешки – называются галька.

Лена выбралась из песочницы, набрала горсть мелких камней, рассыпанных по детской площадке, и обложила ими низ горки. Затем тонким пальчиком провела несколько волнистых линий.

– Пусть это будет как будто волны, – сказала она.

Дети сели на край песочницы и стали любоваться делом своих рук. Гена видел гору на берегу моря, прорезанную построенным ими тоннелем. В тоннель уходили две параллельные веточки – это были рельсы. Казалось, вот-вот загудит вынырнувший из тоннеля поезд. Под горой был пляж, усеянный галькой и омываемый волнами. Душа мальчика наполнилась незнакомой ему доселе радостью – радостью общения с отзывчивой душой милого ему человека.

– Ну, Леночка, попрощайся с мальчиком, нам пора, – услышал он. Но не сразу понял услышанное.

А когда понял, похолодел. Как? Сейчас эту чудесную девочку уведут от него навсегда? И он ее больше никогда не

увидит? И снова останется совсем один? Правда, у него есть бабушка и мама – но бабушка вечно возится на кухне, а мама думает только о своих будущих детях.

И в детском саду с ним никто не дружит. А во дворе он вообще боится гулять. Там его всегда подстерегает этот Борька-верзила, который так и норовит подставить Гене ножку или ударить. Как он недавно вывернул ему руку! Так было больно! А Борька только смеялся и еще сильнее выкручивал. А потом пригрозил – мол, если Гена кому пожалуется, так и не жить ему на белом свете. А что, он может и убить, ведь у него есть финка в кармане, – он сам хвастался.

Ну почему, почему он, Гена, такой невезучий? Почему у него всегда все самое лучшее отбирают? Вот и эту девочку сейчас уведут.

– Не-е-ет! – завопил он изо всех сил и вцепился в девочкино платьице обеими руками. – Не да-а-м! Моя! Моя девочка! А-а-а! Не пущу-у-у!

Слезы градом хлынули из его глаз – и еще сильнее потекло из носа. Но Гена уже не обращал на это внимания. Ему надо было во что бы то ни стало удержать, удержать свое счастье, не дать увести от себя. Он не мог достать носовой платок, ведь тогда пришлось бы разжать руки.

– Мальчик, мальчик, не плачь! – испуганно говорила ему мама Лены. – Мы придем сюда еще. Завтра же придем, не плачь!

– Гена, сейчас же отпусти девочку! Как тебе не стыдно!

Отпусти, кому говорю!

Генина мама шлепнула сына и попыталась отцепить его пальцы от платья Лены.

– Гена, я, правда, еще сюда приду. Правда, приду. – Леночка растерянно глядела на рыдающего парнишку.

– Не-е-ет, не придешь, я зна-а-аю! Ты обма-а-анываешь! Все обма-анывают! А-а-а!

Он зарыдал еще громче, изо всех сил сжимая ее подол. Но где ему было справиться с двумя взрослыми?

Вдруг Гена почувствовал, что больше не может сопротивляться. Мальчик сильно побледнел.

Пусть ее уводят, – сдался он, – раз им так хочется. Он не в силах им помешать. Пусть.

Гена отпустил девочку, лег на песок и закрыл лицо ладонями, чтобы не видеть, как она будет уходить.

– Геночка, а ты попроси маму проводить нас. – Леночкина мама огорченно смотрела на убитого горем мальчика.

– Правда, проводите нас, пожалуйста! – поддержала ее Лена. – Мы здесь недалеко живем.

– Ну что ж, пойдем, сынок, проводим твою красавицу. Ну хватит, вставай, а то она уйдет. Слышишь меня?

Гена поднял на мать заплаканные глаза. Что она говорит? И вдруг до него дошло. Проводить? Ну, конечно! Какое счастье! Можно будет идти с ней рядом и разговаривать. И он узнает, где она живет. И, может быть, подстережет ее возле дома когда-нибудь. И они будут вместе гулять. Вот здорово!

Он вскочил на ноги. Горе исчезло так же быстро, как и пришло. Мир снова стал ярким и радостным, а будущее – обещающим новые встречи.

Можно было жить дальше.

Глава 2. В одном доме, в одном подъезде

Солнечный зайчик, скакавший внутри Гены, не позволял ему идти спокойно. Гена шел вприпрыжку, как всегда во время великого волнения или великой радости. Он размахивал руками и говорил, говорил взхлеб, забегая вперед и оборачиваясь к своей спутнице, чтобы все время видеть ее лицо. Мамы, шедшие позади, с интересом наблюдали за ним.

– Похоже, мой малый не на шутку увлекся вашей дочкой, – заметила Генина мама.

– Представляете, насколько ему теперь интереснее жить! – улыбнулась мама Лены. – Такие чувства великий воспитатель. Пусть радуется, пока может.

– Ох, не разочаровался бы он так же сильно. Боюсь, здесь один будет целовать, а другой только щеку подставлять.

– Ну, до поцелуев им еще далеко. Да и моя барышня девушка серьезная. И человек надежный.

– Где вы живете? – спросила мама Гены, заметив, что они свернули с бульвара на знакомую улицу.

– На Соборном.

– Так и мы – на Соборном. Гена, ты слышишь? Леночка на нашей улице живет.

Но дети ее не услышали. Они с восхищением уставились на огромную черную догину, прогуливавшую на поводке

хозяйку. Гордо подняв точеную головку, догиня грациозно вышагивала своими тонкими длинными лапами балерины. Тучная хозяйка едва поспевала за ней, то и дело умоляя: – Ладочка, не спеши! Я не могу так быстро, у меня сердце.

– Лада идет! – воскликнул Гена. – Не бойся, она с нашего двора. Она меня знает. Она такая умная!

– Я не боюсь. Мама говорит, что собаки чувствуют, когда их боятся.

– Ты любишь собак?

– Конечно. Очень!

– И я. Я так мечтаю о собаке! А мама говорит: – «Только собаки мне и не хватает для полного счастья». А у тебя есть собака?

– Да, далматинец. Такой белый в черных пятнах. Правда, он игрушечный, но я его все равно люблю. Сплю с ним.

– О, игрушечный – это не то! Я хочу настоящую собаку – большую и добрую. Таковую, как Лада. Когда вырасту, обязательно себе заведу.

Тут Гена заметил, что они заходят в очень знакомый двор, и заволновался:

– Куда мы идем? Это же наш двор.

– Нет наш. Мы с мамой теперь здесь живем.

– И мы, и мы здесь живем! Значит, мы в одном дворе живем? Вот здорово! А какой ваш подъезд?

– Третий. Вон тот.

– Так это же наш подъезд! А этаж?

– Третий.

– А наш – пятый. Мама, мама! Леночка живет в нашем доме. Представляешь? Под нами, на третьем этаже. В одном подъезде!

От восторга Гена стал высоко подпрыгивать на одном месте, пока у него не подвернулась нога. Тут он с размаху шлепнулся на землю. Было больно, но мальчик не заплакал, а быстро вскочил на ноги, потирая ушибленное место.

– Гена, смотри под ноги и перестань скакать – ты же не козлик. Так вот кто переехал в квартиру Хохловых неделю назад. А я все думаю: чью это мебель таскали на третий этаж? Вы обменом или как?

– Да, мы поменялись с ними. Сами мы из Ленинграда. У дочки слабые легкие, и врачи сказали, что ей нужен юг. Так жаль было уезжать. Зато квартира у нас здесь замечательная – две большие комнаты с балконом и лоджией. Там у нас тоже были две комнаты, но в коммуналке.

– Ничего, привыкнете. Наш город хороший, веселый. И народ добрый. Летом, правда, жарковато. Но зато зима короткая, в декабре еще календула за домом цветет. И морозы больше недели не держатся.

– Да, надеюсь. Вы заходите к нам в свободную минутку. Гена, приходи к Леночке поиграть, у нее много разных игр.

Гена был готов хоть сейчас. Но мама строго посмотрела на него и покачала головой:

– Нет, сынок, пора обедать. Да и совесть надо иметь. Ле-

ночка небось устала от твоей болтовни. Дай девочке отдохнуть.

– Нет, не устала, не устала! Пусть Гена покушает и приходит. У меня столько игр, а играть не с кем.

– Да он, наверно, и играть в них не умеет – в твои игры.

– Ничего, я научу. Он умный, быстро научится. В настольный бильярд и в лото.

– А кубики у тебя есть? – Лавры строителя не давали Гене покоя.

– Есть, с картинками. Только их мало.

– Ничего, я свои принесу. Можно?

– Конечно, приноси. Я буду ждать.

Тут Леночкина мама повернула ключ в замке, и Гена, наконец, расстался со своей новой знакомой. Но уже без слез.

Ведь встреча обещала быть такой скорой.

Глава 3. Грустные воспоминания

– Опять суп с вермишелью? Надоело! – Скривив губы, Гена рассеянно болтал ложкой в тарелке. – А что еще?

– А еще каша с молоком и компот, – недовольно отозвалась бабушка. – На разносолы да отбивные денег нет. Я в твои годы и этого не видела. Ишь чего захотел – каждый день ему мясо подавай. На какие шиши?

– Гена, ешь, иначе никуда не пойдешь. – Светлане Петровне – Гениной маме – хотелось поскорее прекратить этот разговор. Материнские упреки были адресованы скорее ей, чем внуку. Ведь это она виновата в их скудном житье. Но, видит бог, она всегда мечтала о хорошей семье и достатке в доме. Что поделаться, если ей так не везет.

Со своим бывшим мужем Светлана познакомилась в студенческие годы. Они учились на одном курсе в параллельных группах Политехнического института. Еще на Дне первокурсника Света обратила внимание на рослого крепкого парня, скромно стоявшего у колонны. Рядом кружились только что познакомившиеся пары, ребята приглашали однокурсниц на первый вальс, а он все переминался с ноги на ногу.

– Кто это? – спросила Света у подружки.

– Не знаю, – пожала плечами та. – Он не из нашей группы. Если хочешь, пойду, спрошу у девчат.

– Не надо, я сама узнаю.

Девушка смело подошла к незнакомцу.

– Я пригласить хочу на танец вас и только вас, – пропела она строчку из известной песни.

– Да я бы с радостью, – смущенно ответил молодой человек. – Только я и танцевать толком не умею.

– Ничего страшного, я научу. Это совсем легко. Пойдемте.

В пустом коридоре Света показала юноше первые три па вальса. К своему удивлению, Николай – так звали молодого человека – быстро усвоил нехитрые движения. И вскоре он уже кружил свою новую знакомую по коридору.

Но когда они вернулись в зал, вальс кончился и зазвучала музыка танго. Этот танец был Николаю знаком. Они станцевали его, потом еще один танец, потом еще.

Николаю льстило, что эта нарядная и такая уверенная в себе городская девушка оказывает явные знаки внимания ему – деревенскому парню, поступившему в вуз с большим трудом. Он сдал вступительные экзамены на одни тройки, но его зачислили вне конкурса. В то время сельские жители имели при поступлении преимущество перед горожанами.

По окончании праздника Николай проводил Светлану до дому и не отказался от чашки чая.

Коля жил в общежитии с его бестолковым бытом, грязью на кухне и частым отсутствием воды. Холодной, конечно, о горячей тогда не приходилось и мечтать. А у Светы с мамой

была двухкомнатная квартира со всеми удобствами, и мама варила такие вкусные борщи и пельмени.

Зачастивший к ним Николай как-то незаметно стал своим человеком в их маленькой семье. Еще на первом курсе они оформили свои отношения в загсе, и вскоре группа весело сыграла первую студенческую свадьбу. В положенный срок родился Геночка. И тут все началось...

А началось с того, что малыш стал мешать Коле спать. Как и у всех младенцев, у него первые три месяца жизни болел животик, и он орал так, что было слышно даже на улице, а не то что в соседней комнате, где спали Света с Колей. И хотя вставала к малышу, пеленала и укачивала его еще работавшая тогда мама Светы, Коля все равно не высыпался. Он стал злым и раздражительным. Учился Коля и до рождения ребенка неважно, а после совсем перестал заниматься, обвиняя малыша и Свету во всех своих двойках и незачетах.

Сама Света вполне справлялась с учебой и даже получала стипендию. Чем могла, она помогала мужу: выполняла за него домашние задания и чертежи, писала конспекты и даже пыталась что-то объяснять.

Но все было бесполезно. Для туповатого Коли высшей математикой так и остались четыре действия арифметики. Производные с интегралами были для него китайской грамотой.

Летом все кончилось. Колю отчислили из института за академическую неуспеваемость, а осенью забрали в армию.

Ему повезло – он попал служить в Чехословакию. Какое-то время оттуда приходили редкие письма. Потом наступило долгое молчание. Наконец пришло последнее письмо, в котором Коля писал, что встретил девушку своей мечты, что Свету никогда не любил, и просил у нее развод.

Так они расстались. Света тяжело переживала свое одиночество. Ее однокурсницы еще только бегали на первые свидания, а она уже побывала замужем и к третьему курсу осталась без мужа и с ребенком на руках. Кому она была теперь нужна?

А вскоре тяжело заболела мама. Ее положили в больницу и сделали сложную операцию на желудке.

– Наверно, мы досмотрим ее здесь, – говорили врачи, с сомнением глядя на истаявшую маму, – уж больно она слаба. Вряд ли выкарабкается.

Но мама выкарабкалась. Правда, работу ей пришлось бросить. Маме оформили инвалидность.

Пенсии за инвалидность, Светиной стипендии и тех копеек, что иногда приходили от Коли, на жизнь не хватало. Света устроилась уборщицей в соседнем доме. Надо было вставать очень рано, подметать и мыть подъезд, потом бежать в институт.

Учиться становилось все труднее и труднее. Света разрывалась между учебой, работой и домом. У нее стала часто болеть и кружиться голова.

Однажды по дороге в институт Света обнаружила себя ле-

жащей на тротуаре. Над ней склонились испуганные прохожие. Оказалось, что девушка внезапно потеряла сознание – хорошо, хоть не на проезжей части улицы. Врачи признали у нее спазм сосудов головного мозга и прописали дорогие лекарства, отдых и хорошее питание. Институт пришлось бросить.

Света долго искала работу, где бы прилично платили и не было тяжелого физического труда. Но такая работа все не находилась. Тогда она снова стала убирать подъезд, а позже удалось устроиться нянечкой в ясли-садик. Туда же она пристроила и сына.

Жить стало полегче, но душа ее продолжала томиться. Ей так хотелось найти себе мужа! Такого, чтобы любил ее, заботился, дарил подарки, встречал с работы. Чтобы они вместе ходили на базар и по магазинам. И были бы у них жаркие ночи – ночи любви. И чтобы к сыночку ее относился, как к своему, – водил в зоопарк, играл и учил разным мужским делам.

Помогла ей женщина из соседнего подъезда, заделавшаяся профессиональной свахой.

– Ты теперь особо не привередничай, – учила она Свету, – в твоём положении выбирать не приходится. Какой согласишься, за того и иди, ежели, конечно, он не алкоголик. Но я таких не держу.

Она и познакомила Свету с Николаем Федоровичем.

Николай Федорович был лысоват и старше Светы на це-

лых двенадцать лет. Он работал инженером в НИИ и совсем недавно разошелся с женой, оставив ей и дочери квартиру.

Света не испытывала к новому знакомому никаких чувств, хотя он и показался ей человеком положительным. Но она заставила себя с ним встречаться в надежде, что со временем привыкнет и, может, даже полюбит. Все не одна.

Они сходили несколько раз в кино и один раз – в ресторан. После чего Николай Федорович явился к ней домой в качестве официального жениха.

Мать встретила нового жениха в штыки.

– Ты идиотка! – кричала она, не стесняясь незнакомого мужчины. – Тебе мало было неприятностей с Николаем первым, так тебе еще понадобился Николай второй? Потому и Николай, что ни кола ни двора! Ты посмотри на себя: в чем душа держится? Так тебе еще нужно чужие штаны стирать да аборты делать? Чтоб духу его здесь не было! Хочешь с ним жить, иди на квартиру – а Генку я вам не дам!

Красная, как рак, Света не знала, куда деваться от стыда.

– Предупреждать надо, – упрекнул ее Николай Федорович, выскочив на лестничную клетку, – что у тебя мать психопатка. Не, с меня хватит – этого я уже нахлебался по горло. Извини.

Больше Света его не видела.

– Ты что, ненормальная? – встретила мать сваха. – Нашла твоей разведенке мужика положительного, непьющего, согласен жениться был.

– А ты не лезь не в свое дело! – отрезала та. – Не нужен ей никто! Пусть сыном занимается. А еще узнаю, что сводничаешь, заявлю, куда следует.

Света не обиделась на мать, ведь та столько для нее сделала. Сама голодала, а дочке всегда старалась сунуть что-нибудь вкусненькое. Как она ночами не спала, когда Света болела! А когда родился Геночка, все заботы о внуке взяла на себя. Да и сейчас без нее Свете пришлось бы туго. Ни слова упрека не сказала она тогда маме, только проплакала всю ночь.

Выплакавшись, Света решила положить крест на мечтах о замужестве и, следуя примеру матери, целиком посвятить себя сыну.

Прошло несколько лет. На дне рождения у подруги она познакомилась с Алексеем. Роман их был бурным, но коротким. Подруга часто уезжала в командировки и к родне, оставляя Свете ключи от квартиры.

У Алексея была жена, а ей досталась роль любовницы.

Однажды в самые сладкие минуты близости раздался сильный стук в дверь. Барабанили так, что казалось – ее сейчас высадят. Хотя на двери был звонок. Стало ясно, что ломившийся к ним человек не в себе и что, скорее всего, это жена Алексея. Так оно и вышло.

Алексей махнул в окно, благо квартира находилась на первом этаже, а Свете досталось от разъяренной женщины по первое число. Девушка долго ходила с расцарапанным ли-

цом. Пришлось врать, что на нее напала сумасшедшая кошка. Но самым страшным было не это.

Самое страшное обнаружилось позже – Света «залетела». Стосковавшись по мужской ласке, она забыла об осторожности и вот – влипла. Из-за слабого здоровья месячные у нее бывали нерегулярно, и она не обращала внимания на их отсутствие, пока ее не стало тошнить. Все законные сроки уже прошли, а за нелегальный аборт запросили такие деньги, каких у нее отродясь не водилось. Света металась, не зная, что предпринять.

Но когда обследование показало, что в ее теле бьются целых три сердца – одно ее собственное и два детских – она вдруг успокоилась и даже обрадовалась, что не убила сразу двоих. Она их родит – и будь что будет. Ну не умрут же они с голоду. Как-нибудь проживут.

Как ни странно, Людмила Ивановна встретила эту новость относительно спокойно. Конечно, она отругала Свету за «распушенность», но зато похвалила, что та не сделала аборта.

– Еще неизвестно, как бы все обошлось, – сказала мать, – аборт, да еще такой поздний – это очень опасно! А дети в доме – счастье в доме. Как-нибудь проживем.

Больше всех был огорчен этой новостью Гена. С ним перестали носиться, зато стали больше требовать. Чтобы свою кровать убирал, чтоб игрушки не разбрасывал. Все разговоры в доме теперь вертелись вокруг будущих близнецов. К их

рождению стали откладывать деньги, которые прежде потратили бы на игрушки для него и на вкусную еду.

«А что будет, когда они родятся? – с грустью думал Гена. – На меня вообще перестанут обращать внимание. Хоть бы они подольше не рождались».

– Да ты радоваться должен! – внушала ему мама. – Ведь у тебя будут братик и сестричка. Или два братика. Или две сестрички. Я всю жизнь мечтала о брате или сестре, а у тебя их будет сразу двое. Ты не будешь больше один.

– Мне и одному хорошо, – хмуро отвечал сын. – На что они сдались? Ты теперь только о них и думаешь. Отнеси их лучше туда, где взяла.

– Эгоист! – возмущалась мама. – Весь в своего папочку.

Как будто Гена был в этом виноват. Сама выбрала ему папочку, так чего же теперь возмущаться?

Гене было странно думать, что где-то в мире есть человек, который является его папой. С фотографий на него смотрел высокий мужчина, чем-то неуловимо похожий на него – Гену.

Отец не написал сыну ни одного письма, не поинтересовался, как тот живет. За другими детками в садик приходили папы, брали их на руки, целовали, спрашивали, как прошел день, не обижал ли кто. А Гену никогда никакой мужчина не брал на руки.

Его папа не любил своего сына. Но за что? Этот вопрос часто мучил мальчика. Он мечтал, когда вырастет, найти свое-

го папу и спросить об этом. Но с мамой Гена этими планами не делился.

Испугавшись угрозы не отпустить его к новой знакомой, Гена быстро-быстро заработал ложкой. Было невкусно, но он решил больше взрослых не раздражать. Правда, это мало помогло.

– Куда это он собрался? – насторожилась бабушка.

– К нашим новым низовым соседям. Они недавно переехали в наш дом. Мама и дочка – очень славные люди. Мы познакомились с ними в парке.

– Нет, о чем ты думаешь? Отпускаешь парня неизвестно кому. Что за люди, чем они занимаются? Еще подцепит чего.

– Очень хорошие люди! – возмутился Гена, – а девочка – настоящая красавица!

– Рано тебе еще о красавицах думать. И нечего по хаткам шляться. И ты тоже хороша, – напустилась бабушка на мать, – потакаешь всяким глупостям. Пусть дома сидит.

– Нет, я пойду, пойду, пойду! – Гена подавился воплем и мучительно закашлялся. Слезы снова хлынули из его глаз. Он повалился на пол и принялся колотить по нему ногами. У него началась настоящая истерика.

– Пусть идет, – неожиданно твердо сказала мама, пытаясь поднять мальчика. – Это, наконец, мой сын, и я ему разрешаю. Ничего с ним не случится. Я сама с ним пойду – познакомлюсь поближе. Все-таки соседи.

– Потакай ему, потакай, потом наплачешься! Только тогда

пеняй на себя.

Возмущенная бабушка ушла к себе в комнату.

– Ишь чего удумал – по полу валяться! – слышалось оттуда. – Задницу ему надо надрать, а не в гости водить!

Не слушая больше мать, Светлана повела сына умываться. Потом Гена переоделся, взял чистый носовой платок, коробку с кубиками, и они с мамой, наконец, пошли в гости.

Глава 4. Преображение мира

– Ну, дочка, чем гостя угощать будем? – Ольга Дмитриевна с Леной сидели на кухне. – Соловья баснями не кормят.

– Давай пельмешки сделаем? В прошлый раз были такие вкусные!

– Это долго. Надо мясо молоть, тесто месить, пельмени лепить, потом варить. А мне сдается – твой гость не заставит себя ждать.

– Тогда оладушки. Это ведь быстро?

– А ты не проголодалась? Может, борщ разогреем?

– Ой, мне что-то борща не хочется. Оладушков хочется.

– Хорошо, моя ладушка, давай жарить оладушки, – пропела Ольга Дмитриевна. – Сметанка есть, и маслице я купила.

Встав на табуретку, Леночка достала с полки банку с мукой. Они дружно принялись за дело, и вскоре на сковородке аппетитно шипели румяные оладьи.

– Mamочка, а может, Гена больше любит с вареньем? У нас еще осталось клубничное?

– Немного осталось. Доставать?

– Конечно, доставай. Пировать – так пировать.

– Понравился мальчик? – Мама лукаво глянула на дочку.

– Он хороший. – Лена на мгновение задумалась, – и знаешь, мне его почему-то жалко. Он так плакал – я сама чуть

не заплакала.

– Да, похоже, живется ему не очень весело. Но учти, дружба дело ответственное. Нельзя подружить-подружить – и бросить.

– А я не буду бросать. Буду дружить и дружить. Ты сама говорила: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Чем больше друзей, тем лучше, правда?

– Смотря какие друзья. Друзей надо уметь выбирать. Чтобы потом не разочароваться.

Ольга Дмитриевна задумалась.

Необыкновенная, фантастическая красота дочери радовала и одновременно пугала ее. Где бы Леночка ни появлялась, она неизменно притягивала к себе взгляды окружающих. Хорошо еще, что дочка относится к этому спокойно. Но ведь ей так мало лет! А когда подрастет, еще неизвестно, как себя поведет.

Надо, надо ей внушить, что не в красоте счастье. Ведь недаром говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Господи, хоть бы ее девочке в жизни повезло больше, чем ей самой.

Ольге Дмитриевне не приходилось ломать голову, в кого ее дочь уродилась такой красавицей. Конечно, в своего отца – в Серго Джанелия. Боже мой, прошло уже восемь лет, а у нее такое чувство, будто все, что так круто изменило ее жизнь, произошло с нею только вчера.

Будто вчера она, аспирантка ленинградского вуза, загора-

ла на пляже самого прекрасного на Черноморском побережье курорта – Пицунды, куда уговорила ее поехать на отдых загадочная подружка Юлька.

– Это сон, сон! – твердила Юлька, отдохавшая в Пицунде год назад с родителями. – Эту красоту невозможно описать никакими словами. Это рай! Его надо увидеть своими глазами хоть раз в жизни.

Целый год Оленька откладывала из своей аспирантской стипендии деньги на поездку. Уже перед самым отъездом ей немного подкинули родители. Правда, мать неодобрительно относилась к дочкиным планам относительно Пицунды, да и Юлька не внушала ей доверия.

– Вертихвостка! – ворчала мать в адрес подруги. – Одни мужики у нее на уме. Что у тебя с ней общего – не понимаю. И не нравится мне эта ваша затея! Почему не в Сочи? Зачем вам понадобилось в такую даль забираться? России вам мало?

– Но, мамочка, мы ведь взрослые люди! У меня тоже мужики на уме. Ты что, хочешь, чтобы мы остались старыми девами?

Оленька не переставала удивляться полной неспособности своей матери понять, что дочь выросла. Ведь та до сих пор хватает ее за руку, когда они вместе переходят дорогу.

– Оставь ее! – вмешивался отец. – Пусть едет. Сколько можно ее за ручку водить? Ничего с ней не случится.

– Когда случится, поздно будет. Не забывай – это Грузия,

там русским девушкам проходу не дают. А тут – молоденькие девчонки и одни, без старших. Вот украдут их, увезут в горы, где тогда искать?

– Мы сами старшие! – Оля не знала, смеяться или плакать. – И жить будем у русских людей, где Юля прошлым летом жила. Она уже с ними списалась, они нас ждут. Ну, мамочка, ну не волнуйся ты так. Мы же умные.

– Умные вы в своей математике. А в жизни вы полные дуры! Вас вокруг пальца обвести – раз плюнуть.

После подобных слов Оля затыкала уши и убегала в свою комнату. Она была абсолютно уверена, что с ней ничего не может случиться. А зря.

Там-то все и случилось – еще и как случилось! До сих пор все случившееся кажется ей невероятным, ослепительным счастьем, неизвестно за какие заслуги подаренным ей судьбой.

– Ну, как? Что ты на это скажешь? – победно воскликнула Юлька, когда они, побросав чемоданы, прибежали на пляж.

– Не может быть! Так не бывает, – только и смогла промолвить Оля, озираясь вокруг. – Боже мой, какая красота!

Широченный и казавшийся из-за этого пустым пляж простирался далеко-далеко. До его середины доходила тень от высоких реликтовых сосен, источавших густой аромат, смешанный с запахом моря. Море тоже было необыкновенным. Оно совсем не походило на море в районе Сочи, куда Оленьку возили родители. Там море было довольно грязным, в во-

де плавали какие-то щепки и водоросли, а ходить по дну мешали большие скользкие валуны. И оно редко бывало спокойным.

Здесь море было тихим-тихим, будто шелковым, и пахло арбузами. Нет, не потому, что на берегу ели арбузы, просто у него был такой запах. Море было удивительно чистым и синим-синим, как небо над ним. На горизонте оно совершенно сливалось с небом. Временами Оле казалось, что она погружена в эту синеву и плавает в ней, как рыбка.

А еще там был пансионат, окруженный сосновой рощей. Возле его корпусов цвели великолепные розы – целые поляны роз. В маленьком кафе готовили вкуснейшие хачапури – большие румяные лепешки с маслом и сыром. И подавали ароматный кофе в чашечках.

Правда, в пансионат пускали не всех – только по пропускам. Но тоненькие девушки легко проскальзывали между прутьями ограды, отделявшей пляж пансионата от дикого пляжа, а дальше шли по берегу с беззаботным видом законных курортниц.

При пансионате имелся концертный зал, где выступали разные приезжие знаменитости. Однажды им посчастливилось попасть на концерт самого Хазанова. Никогда прежде Оля столько не смеялась. Они с Юлькой буквально уползали из зала, держась друг за дружку и сгибаясь от хохота. Правда, и остальные зрители выглядели не лучше.

Потом наступил тот день – третий день их пребывания в

этой сказке. Ничего не предчувствуя, они с Юлькой лениво перекидывались в дурака на роскошном пляже пансионата. Впрочем, это Юлька играла без интереса, а Оля относилась к их занятию с присущей ей добросовестностью. И потому все выигрывала да выигрывала.

– Я дурак! – весело кричала на весь пляж Юлька после каждого проигрыша. – Я снова дурак! Я еще раз дурак!

Кричать – я дура! – она категорически отказывалась. Но за игрой почти не следила, а лишь непрерывно стреляла по сторонам своими черными, как маслины, глазами.

И дострелялась!

– Вах, какие хорошие дэвушки, а играют одни! Можно к вам присоединиться?

Акцент обращавшегося был явно грузинским.

Оля, приготовившись отшить незваного приставалу, подняла голову – и обомлела. И было отчего!

Перед ней стоял молодой Аполлон. По крайней мере, именно таким она себе его и представляла. Он был высок, строен, имел тонкую талию и широкие плечи. Под бронзовой кожей угадывались могучие мускулы.

Но более всего девушку поразило его лицо. Она не могла даже представить себе более прекрасного лица. На нем красовались длинные прямые брови, вполне римский нос, хорошего рисунка губы с ямочками в уголках – из-за чего казалось, что их хозяин все время затаенно улыбается. Над ровным прямоугольным лбом вились густые кудри цвета спелой

пшеницы – и с ними так контрастировали угольно-черные брови.

Но особенно потрясающими были его синие глаза, опущенные длинными густыми ресницами. Нет, это был не васильковый цвет, а настоящий темно-синий, как цвет моря у далекого горизонта.

«А еще говорят, что по-настоящему синих глаз не бывает, – подумала Оля. – Вот же, бывают».

Товарищ Аполлона был носат и невзрачен. Как впрочем, и все остальные мужчины в мире, если бы их поставили рядом с этим синеглазым красавцем.

Забыв о приличии, Оля все глядела и глядела, не в силах оторвать взгляд от этого дивного лица.

– Что, девушка, смотришь так долго? – прервал ее затянувшееся созерцание молодой человек. – Может, мы знакомы?

– Не думаю. – Оля покраснела и быстро отвела глаза. – Просто мне удивительно: грузин – и вдруг блондин. Черные брови и светлые волосы – это так необычно. Я думала, все грузины черные.

– Порода! – гордо улыбнулся незнакомец. – У меня прапрабабка была русская – из самого Петербурга. Видно, гены сказались. Ну как – принимаете нас в игру?

– Давайте! – Бойкая Юлька сгребла карты и принялась тасовать их по-новой. – Только сначала, может, познакомимся? Меня Юлей зовут, а ее Олей. А вас?

– Серго, – с готовностью представился Аполлон, – Серго Джанелия, а он Отар.

– Вы здесь живете или отдыхаете?

– Отдыхаем у родственников Отара. Сами мы из Батуми. А вы?

– А мы – из города Ленина. Слыхали о таком?

– О, Ленинград! – Лицо Серго озарила мечтательная улыбка. – Ленинград – любовь моя! Лучший город в мире. После Тбилиси, конечно.

Серго сообщил, что они служат в милиции и учатся заочно на юридическом факультете, а сейчас находятся в законном отпуске. Девушки, в свою очередь, рассказали о себе. Правда, болтала в основном Юлька, а Оля только поддакивала, охваченная непонятной, незнакомой доселе робостью. Ее неудержимо тянуло смотреть еще и еще на красивого Серго, но она понимала, что это неприлично, и потому сидела, потупившись, и отвечала невпопад.

– Как играть будем? Давайте, мы с Олей против Отара с Юлей. Вы согласны? – Серго улыбнулся притихшей девушке. Он, привыкший к женскому вниманию, сразу понял, что хорошенькая ленинградка влюбилась в него с первого взгляда. Скольких девушек сразила его неординарная внешность! – он потерял им счет.

Но эта аспиранточка была какой-то особенной. В ее серых глазах угадывались незаурядный ум, чистота и внутренняя интеллигентность. С такой девушкой хорошо сидеть, обняв-

шись, на пустом берегу и слушать шум моря. Такую девушку хорошо любить. Пусть это будет недолго, но это будет хорошо. И ему, и ей.

Вот повезло! Теперь им с другом больше не придется скучать, коротая время в местном пивбаре. Как она смущается – просто чудо!

Он ловко сдавал карты, стараясь перехватить Олин взгляд, но она упорно отводила глаза. Однако игра есть игра. При ответе на его прямой вопрос девушке все же пришлось поднять на него глаза. Ее взгляд был серьезен и невесел. Как будто ей открылось что-то неведомое ему, – и в этом неведомом было мало веселья и много печали.

Но о чем грустить? Жизнь прекрасна, и впереди у них такие чудесные дни! Она увидит, как он умеет ухаживать, говорить ласковые слова, от которых у девушек кружится голова и перехватывает дыхание. Она узнает, как он умеет любить. Ей с ним будет хорошо. Все будет хорошо! Гляди веселей, Оленька, у нас с тобой все будет замечательно.

Наигравшись, молодые люди отправились купаться. Море было волшебное – теплое и ласковое. Оно лениво колыбалось, плавно накатывая на берег.

– Давайте поплывем наперегонки, – предложил Серго Оле.

– Я плохо плаваю, – соврала она, – и глубины боюсь. Как почувствую, что глубоко, так от страха сразу тону. Нет, плывите сами, а я лучше у берега поплескаюсь.

– Как можно утонуть в таком море? – поразился молодой человек. – Смотрите: я могу в нем лежать, ходить, стоять, вообще не шевелить руками и ногами – оно меня все равно держит. Поплывем, Оленька, я буду все время рядом. Со мной вам ничего не надо бояться.

– Нет, не хочу. Плывите сами, а я лучше позагораю.

Девушка круто повернула к берегу.

Как ей хотелось поплавать с ним! До дрожи в коленках. Плыть рядом, касаться его рук, ощущать его прикосновения. Но внутренний, похожий на мамин, голос строго сказал ей, что этого делать не следует. И она послушалась.

– Э, трусишка! – Серго махнул рукой и стал быстро удаляться от берега. Вскоре его голова превратилась в точку, а затем и ее не стало видно за блеском воды.

– Наплавалась? – Держась за руки, Юлька с Отаром подошли и плюхнулись на песок рядом с ней. – А Серго где?

– Он туда уплыл, – Оля показала рукой, – давно уже. Его совсем не видно. Я что-то беспокоюсь, не случилось ли с ним чего.

– О, с Серго в море ничего случиться не может! Море его дом, он, как рыба, может в нем жить, не выходя на берег. Пойду, тоже поплаваю, поищу его.

Отар разбежался и, пройдясь колесом, влетел в воду, подняв тучу брызг. Девушки, прищурившись, глядели ему вслед. Вскоре и его не стало видно.

– Ну что, подруга, попалась на крючок? Зацепил тебя этот

смазливый грузинчик? – Юлька насмешливо взглянула на Олю. – Смотрю, ты совсем скисла. Возьми себя в руки – у тебя на лице все написано.

– Чья бы корова мычала. Ты со своим Отариком только познакомилась, а уже за ручку ходишь.

– Так то я! Мне хоть за ручку, хоть под ручку – ничего не значит. Я себя контролирую – не то что некоторые. Ну что ты совсем скисла? Улыбнись сейчас же!

– Юлька, я погибла! Сама не знаю, что со мной. Меня к нему тянет, как магнитом. Понимаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Все время хочется на него смотреть.

– Да уж, хорош! Ничего не скажешь. Не дай бог в такого втрескаться. Я бы и сама не прочь с ним закрутить, но он, похоже, на тебя глаз положил. Только ты, Оль, не западай так сильно. Ничего серьезного у вас быть не может – ты же понимаешь. Покрутит он с тобой и укатит, а ты мучиться будешь, страдать. Ну красивый, ну погуляй с ним – и забудь.

– Понимаешь, подруга, дело даже не в красоте. Он какой-то необыкновенный, захватывающий... как природа, как небо, как это море. Я просто тону в его глазах. Просто тону!

– Да-а. Похоже, ты влипла. Раз так, то мой тебе совет: возьми себя в руки и держись от него подальше. А не то сгоришь – одни головешки останутся.

– Я пытаюсь. Вот... не поплыла с ним. А знаешь, как хо-

телось. Но долго я не продержусь. Что делать?

– Что делать, что делать! Я тебе сказала, что делать. Давай уедем, пока ты совсем голову не потеряла. Завтра и уедем. Мало, что ли, других мест?

– Да ты что! Уехать от такой красоты? И ведь я его тогда больше не увижу. Нет, ни за что на свете! Пусть будет, что будет, как сказал старик Хоттабыч.

– Ну гляди. Я тебя предупредила, потом не жалуйся. Вижу, ты решила плыть по течению.

– Да, поплыву. Так ты думаешь – я ему понравилась? По-настоящему?

– Ну и глупа же ты, дорогая моя! Да у него таких – вагон и маленькая тележка. Как уедет, так и не вспомнит. Гляди, идут. Учти, что я тебе сказала, и держи себя в руках.

Предмет их беседы и его друг быстро приближались. Олю снова сковала непонятная робость. Вот он идет и улыбается, и смотрит на нее. Ей казалось, что он видит ее насквозь и в душе посмеивается над ее смятением. Было невозможно взглянуть ему в лицо – оно ослепляло ее, как солнце.

Не поднимая головы, она молча встала и стала одеваться.

– Уходите? – Бронзовый, весь в сверкающих капельках воды, Серго стоял перед ней, похожий на молодого бога – всемогущего и неотразимого.

– Да, обедать пора.

Оле и в самом деле захотелось поскорее уйти, чтобы, разложив по полочкам свои чувства, получше разобраться в них

и в себе.

– Оль, может, побудем еще, мне что-то есть совсем не хочется, – заняла недоумевающая Юлька. Не поймешь эту Ольку: то для нее счастье быть с ним рядом, то вдруг при-спичило обедать.

Но Оля исподтишка показала подруге кулак, и та заткну-лась.

– Девушки, может, вместе пообедаем? Здесь недалеко от-личный ресторан – там такие шашлыки! Мы угощаем. Ну не уходите!

Молодые люди, раскинув руки, попытались загородить им дорогу. Но ловкие девушки, быстро пригнувшись, выскольз-нули у них из-под рук.

– Нет, мальчики, не уговаривайте – у нас еще есть дела. До встречи!

– А когда встретимся? Может, сходим вечером в Дом творчества, потанцуем?

– В Дом творчества? Это мысль! – загорелась Юлька. – Там, говорят, всякие знаменитости отдыхают, артисты. Сто-ит попробовать. Но как туда попасть? Там, наверно, тоже по пропускам?

– С нами везде пустят. Помните, как у Маяковского: «Моя милиция меня бережет». Мы их бережем, а они нас. Так вы пойдете?

Они договорились встретиться в шесть часов вечера на автобусной остановке. На том и расстались.

– Ну и чего ты добилась? – напустилась на подругу Юлька. – Сейчас шашлыки ели бы дармовые.

Юлька любила вкусно покушать.

– Теперь опять думай, что приготовить. Яичница уже в рот не лезет, колбасу я доела. Опять будем выстаивать очередь в столовой?

– Юль, помолчи, а? Если хочешь, догони их.

Оля почувствовала, что больше не в силах болтать с подругой. Ей очень захотелось побыть одной.

Она силилась понять, что с ней происходит. Мир вокруг вдруг странно преобразился: цветы стали ярче, запахи сильнее, звуки четче. Одурающе пахла магнолия, оглушающе звенели цикады. Нервы девушки будто обнажились и по-новому остро стали реагировать на окружающую красоту. Неужели этот совершенно чужой, незнакомый ей человек явился причиной таких чудес?

Фарфоровые цветы магнолии, серебристые стволы вековых сосен, синие кусочки неба между листьями деревьев – все говорило ей о нем, во всем она видела его образ.

«Я схожу с ума, – думала девушка, – так нельзя, нужно взять себя в руки. Нужно отвлечься. Попробую почитать».

Она сняла с полки книгу и вышла на лоджию. Там, в тени под виноградными листьями, было тихо и прохладно. Оля устроилась поудобнее и открыла книгу. Однако из этого ничего не вышло. Буквы складывались в слова, слова в предложения, но их смысл не доходил до нее.

Промучившись над тремя строчками, она сдалась. Отложила книгу, закрыла глаза. И сейчас же ей явился Серго. С улыбкой он подошел и склонился над ней, как тогда на пляже. Она попыталась представить себя в его объятиях – и испытала настоящее потрясение. Незнакомая острая боль пронзила ее насквозь. Сердце бешено заколотилось, и потемнело в глазах.

«Нет! – приказала она себе, с трудом переводя дыхание. – Прекрати сейчас же! Так и спятить недолго».

Она пошла в ванную, умылась и облилась холодной водой. Стало легче.

До встречи оставалось еще два часа. Юлька дрыхла, и будить ее не хотелось. Спать не хотелось тоже.

Оля вышла из дому и побрела по поселку. На раскаленных улицах было пустынно. Она свернула на узкую тропинку, ведущую через сосновую рощу к морю, – и скоро оно открылось ее глазам. Море овеяло девушку прохладой и, как могло, утешило.

Она села у самой воды и долго сидела, потеряв счет времени, пока не почувствовала, что еще немного, – и с ней случится солнечный удар. Тогда она встала и пошла домой.

– Где тебя носит? – напустилась на нее возмущенная Юлька. – Ребята уже два раза приходили. Серго тебя спрашивал. Где ты была?

– На море.

Сожаление о зря потерянном времени и радость предсто-

ящей встречи охватили девушку. Все ее благие намерения растаяли как дым.

Он скоро придет! Она снова его увидит! Скорее бы!

– На море? Чего тебя туда нелегкая понесла? Не поймешь тебя, Ольга. То ты с моря бежишь, то опять тебя туда тянет. Иди, перекуси на кухне да одевайся. Они вот-вот придут.

Юлька уже нарядилась и оживленно вертелась перед зеркалом.

– Как я выгляжу?

– На все сто!

Оля почувствовала, что страшно проголодалась, и с жадностью набросилась на еду, приготовленную заботливой подругой. Поев, она надела любимое голубое платье, подкрасила ресницы и слегка припудрила носик.

Из зеркала на нее смотрела взволнованная сероглазая девушка. У девушки было круглое лицо с тонкими бровями и по-детски пухлыми губами, обрамленное светлыми кудряшками.

– Очень даже ничего! – громко сказала она и покрутила юбочкой. – Он за нами еще побегает – этот Серго.

Будто легким ветерком повеяло на нее. Оля быстро оглянулась и замерла: позади совсем близко стоял Серго и весело наблюдал за ее выкрутасами.

– Стучаться надо! – набросилась на него девушка. – А если бы я была раздета?

– Юля сказала, что ты готова. Дверь была открыта. Я во-

шел. Ты же на пляже была раздета. – В его голосе явно звучала ирония. – Что такого?

Он еще иронизирует. Скажите, пожалуйста!

Оля открыла рот, чтобы хорошенько отбрить нахала, но никакой достойный ответ не пришел ей на ум, – и потому она так и осталась стоять с открытым ртом под его смеющимся взглядом. Положение спасла Юлька.

– Ну долго вы там? – закричала она нетерпеливо. – Идемте, наконец! Я танцевать хочу, просто умираю.

Глава 5. Дом творчества

Дом творчества находился довольно далеко от поселка – до него пришлось добираться автобусом. В тот день кинозал пансионата не работал, а в концертном зале шла какая-то скучная лекция, поэтому в Доме творчества собралась вся местная молодежь. Народу было – не протолкнуться. Танцы уже начались.

Молодые люди договорились, возле какой беседки будут встречаться, после чего Отар с Юлькой быстро затерялись между парами.

– Пойдем и мы, Оля. Красивое танго.

Серго ввел ее в круг танцующих. Она украдкой взглянула на него, и снова красота его лица больно резанула ее по сердцу. Это ж надо – золотые волосы и синие глаза. Ну просто, солнце и море. И тени от ресниц на полщеки. Нет, лучше не смотреть – одно расстройство.

После очередного танца Серго подвел ее к условной беседке, где их поджидали Юлька с Отаром. Вдруг в темноте за танцплощадкой послышались шум драки и выкрики. К Отару подбежал высокий парень и, размахивая руками, стал что-то быстро говорить на своем гортанном языке.

– Посидите здесь, девочки, мы скоро, – сказал Серго. И они с Отаром куда-то поспешно ушли.

Через несколько минут Оля почувствовала, как ее силь-

но толкнули в спину. Обернувшись, она увидела незнакомую девушку, от которой разило спиртным.

– Отойдем, с тобой поговорить хотят.

Незнакомка потянула ее за руку в темноту.

– Кто хочет, о чем? Никуда я не пойду!

– Да не бойся ты! – только на пару слов. Идем, тебе говорят.

Она затащила Олю за угол беседки и исчезла. Оля беспомощно огляделась. Перед ней стояла высокая брюнетка с сигаретой.

– Слушай, ты, моль белая! – Брюнетка сплюнула под ноги и швырнула сигарету в газон. – Убирайся отсюда, пока цела, и чтоб я тебя больше здесь не видела! Даю пять минут.

– Но за что? Что я тебе сделала?

– Он мой, поняла? Мой! Я с ним давно гуляю. У нас любовь! И если я тебя с ним рядом еще раз увижу – тебе не жить!

– Но он сам меня пригласил! Почему бы тебе с ним не поговорить? При чем тут я?

– Мне плевать, кто кого пригласил! Я тебя еще раз предупреждаю: если хочешь остаться целой, забудь о нем. И можешь не оглядываться – он к тебе больше не подойдет. Если жизнь дорога, сваливай отсюда, да побыстрее!

Насмерть перепуганная Оля еле отыскала скамейку, на которой сидела ничего не подозревающая Юлька. Схватив подружку за руку, Оля потащила ее к выходу.

– Что случилось? Куда ты меня тащишь? – отбивалась та.

– Юлечка, ни о чем не спрашивай. Надо побыстрее отсюда выбираться. Я потом тебе все объясню.

– Но давай хоть ребят подождем! Куда мы одни? Дорогу не знаем, да и страшно там, темно.

– Они не придут. Юленька, умоляю, идем скорее!

Когда они оказались за воротами Дома творчества, Оля, трясась от страха, рассказала подруге об ужасной незнакомке и ее угрозах.

– А я что говорила! – Юлька тоже не на шутку перепугалась. – Подговорит местных – они что хочешь с нами сделают. И эти тоже хороши – сами смылись, а нас бросили. Милиционеры, называется. Как же мы домой доберемся? Автобусы, наверно, уже не ходят.

– Я примерно помню дорогу – все прямо да прямо. Мы три остановки проехали. Будем держаться середины шоссе. А если услышим, что машина приближается, спрячемся в кусты. Только давай побежим. Быстрее доберемся, и не так страшно будет. Может, автобус нас догонит, а там люди.

Взявшись за руки, они понеслись по темному шоссе. Фонари не светили, и дороги совсем не было видно. Справа от них чернели кусты, слева в долине виднелись далекие огни, а перед ними и позади них была полная темнота.

Они долго молча бежали, пока не выбились из сил. Тогда они перешли на шаг. Наконец Юлька нарушила молчание:

– Ну, убедилась, насколько я была права? Нужна ты ему,

как прошлогодний снег. У него тут баб – полпоселка. Радуйся, что еще легко отделалась. После такого и думать о нем не смей! Иначе – конец нашей дружбе. Я тебя просто уважать перестану.

– Юленька, клянусь, больше и не посмотрю в его сторону! Господи, какая я была дура! Вообразила себе невесть что. Все! Теперь, пока не узнаю человека, ни за что не влюблюсь.

– Ладно, не зарекайся. Ну, побежали, уже, наверно, поселок близко. Вон огни показались – может, доберемся без приключений.

Они снова помчались со всех ног. Вскоре пришло второе дыхание – бежать стало легче. Ни одна машина не обогнала их. Кругом стояла тишина. Лишь мощно гремели цикады да пересвистывались невидимые птицы.

Вдруг Юлька остановилась и прислушалась.

– За нами гонятся. Слышишь?

Они замерли. И правда – позади был слышен топот бегущих людей. Они явно догоняли девушек.

– Спрячемся. Сюда! – скомандовала Юлька.

Они залезли в колючий кустарник и присели, стараясь не дышать.

– Оля! Юля! – послышались близкие голоса Отара и Серго. – Девушки, где вы? Да остановитесь, наконец, не бойтесь! Это же мы!

– Ш-ш-ш! – Юлька прижала палец к губам и показала подруге кулак. Но та и так сидела, как мышка, боясь шелох-

нуться.

Гравий под ногами бегущих перестал шуршать. Ребята остановились совсем рядом.

– Они где-то здесь, – раздался голос Серго, – я чувствую запах ее духов. Ну-ка посвети сюда!

Луч фонаря метнулся по кустам и выхватил из темноты сидящих на корточках беглянок.

– А ну, вылезайте! – скомандовал Отар. – Чего вам вздумалось убежать? Нельзя было объясниться по-человечески? Какая муха вас укусила?

– Ах, по-человечески! – Исцарапанная Юлька разъяренной пантерой вылетела из кустов. – По-человечески! И это после того, как вы сбежали и бросили нас на съедение своим девкам? Нет, какую совесть надо иметь! Убирайтесь и не смейте к нам больше подходить!

– Каким девкам? – Глаза Серго удивленно расширились. – О чем говоришь, девушка? Мы не сбежали. Там драка была – местные абхазцы с грузинами сцепились. Нас позвали на помощь – мы же милиция.

Слезы потоком хлынули у Оли из глаз. Стараясь сдерживать рыдания, она закрыла лицо руками.

– Оленька, дорогая, не плачь! Кто вас напугал? – Расстроенный Серго все старался отвести ее руки от лица, чтобы заглянуть ей в глаза. – Ну не плачь, не рви мне сердце!

Но она только качала головой.

– Кто ее напугал? Он еще спрашивает. Да та, с которой ты

гуляешь! – завопила возмущенная такой наглостью Юлька. – Пообещала ее убить, если вас вместе увидит. Ну и подружки у вас – прямо, бандитки какие-то!

– Это Сюзанна, – посерьезнел Отар. – Я тебя предупредил – добром это не кончится. Все благородным хочешь быть. А с такими по-хорошему нельзя. Теперь я с ней буду говорить. Не хочет по-хорошему, поймет по-плохому.

– Нет, это мое дело! – Глаза Серго потемнели от гнева. – Я сам с ней разберусь, ты не вмешивайся.

– Ну, вы тут разбирайтесь, а мы пошли. Нам ваши дела знать ни к чему. – Юлька решительно потянула подругу за руку.

– Постой, Юля, – задержал ее Серго. – Оля, поверь, у меня с этой девушкой ничего нет. Просто я однажды помог ей – проводил пару раз до дому, когда один ей тут угрожал. Она и вообразила невесть что. Не гулял я с ней никогда – разве что в компании. Жизнью клянусь!

– Не надо клясться, Серго, ты совсем не обязан передо мной оправдываться. Ведь мы с тобой едва знакомы. – Голос Оли стал спокоен и сух. Она уже овладела собой и больше не плакала. – Нам действительно пора домой. Поздно уже, и хозяева будут беспокоиться.

– Завтра увидимся? – Серго робко тронул ее за руку.

Они уже дошли до дома девушек и остановились у порога.

– Не знаю, – пожала плечами она. И, не поднимая глаз, скрылась за дверью.

– Ну? Что ты теперь намерена делать? – Подперев руками бока, Юлька обеспокоенно глядела на подругу, встревоженная ее упорным молчанием. – Все начинать сначала?

– Я намерена спать. – Оля разделась и легла, укрывшись с головой простыней. – Какой безумный день!

Измученная всем пережитым, девушка быстро уснула.

Ей приснилось, что она долго лезет в гору, цепляясь за скалы, а далеко внизу бушует море, да так, что брызги долетают до ее ног. Вдруг камень под ногой обломился, и она с криком полетела вниз, прямо в бурлящие волны. Тотчас на вершине скалы возник Серго и бросился следом за ней. Он догнал ее и схватил на лету со словами:

– Не бойся, теперь ты спасена. Ведь ты со мной!

Сквозь сон Оля почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо. Она открыла глаза и с сильно бьющимся сердцем села. Над ней склонилась Юлька.

– Ты чего кричишь? Весь дом перебудишь. Страшный сон приснился?

– Приснилось, что мы с Серго падаем в море. С высоченной скалы. А он меня уговаривает ничего не бояться. Юленька, давай завтра уедем в Гагру? На пару дней. Там Наташка Виноградова отдыхает с мужем, у меня ее адрес есть. Только засветло уедем, чтобы нас никто не видел. А хозяевам записку оставим. Давай?

– Конечно, поехали. Я в Гагре ни разу не была. Говорят, красивый городок, не хуже Пицунды. Может, вдали от него у

тебя в голове хоть немного прояснится. А то ты совсем потерялась.

– Юля, как ты думаешь, он не врал? Как он сказал: «Жизнью клянусь!». Неужели можно так притворяться?

– Не знаю, подруга, не знаю. Похоже, он к тебе действительно равнодушен. Но на пару дней расстаться полезно вам обоим. Вернемся – и все станет ясно. А теперь давай спать, если решили подняться пораньше.

Но сон покинул Олю. Она долго ворочалась в постели, потом встала, стараясь не разбудить посапывающую подругу, и вышла на лоджию.

В черном бархатном небе сияла огромная луна. Ее серебристый лик – лик Вечности – глядел девушке прямо в лицо.

– Господи! – взмолилась неверующая Оля, обращаясь к луне. – Помоги мне! Подскажи – что мне делать? Мне страшно! Вразуми меня.

Но луна хранила молчание.

Глава 6. Скажи «Да»

Расстроенные ребята долго сидели на скамейке возле дома девушек. Наконец Отар заговорил:

– Все хочу спросить, друг, какие у тебя планы насчет Оли?

– А что? Почему спрашиваешь?

– Девушка хорошая, жалко ее. Сломаешь и уедешь, а она страдать будет. Такая хорошая девушка, светлая.

– Почему сломаю? Что я – насильник, что ли? Оля в аспирантуре учится, значит, ей больше двадцати лет. Она взрослая, я взрослый. Мы оба взрослые люди. Как она захочет, так и будет. Чего не захочет – не будет. Понимаешь – тянет меня к ней. Ни к одной так не тянуло. Сам не знаю, что со мной.

– А дальше что?

– Дальше что, дальше что... Откуда мне знать? Буду думать.

– Ну думай, думай. Только недолго. Всего две недели осталось.

– Пошли спать, – встал Серго, – завтра видно будет. Посмотрим, как они нас встретят, а там решим, что делать.

Но ни завтра, ни послезавтра они не встретились. Хозяйка показали им записку, из которой стало ясно, что девушки попросту сбежали в Гагру. Подавленные ребята весь день слонялись по поселку, не зная чем заняться. Ничего не хотелось. Серго казнил себя, что не сумел объясниться с Олей, –

не нашел таких слов, чтобы она поверила ему. Он страдал и чувствовал, что она там, вдали от него, страдает тоже. Ах, если бы она была рядом!

Оля тоже очень тосковала. Она бродила с Юлькой по городу, заходила в магазины, ходила с Наташкой и ее мужем на пляж, но ничто не радовало ее. Город показался ей скучным, будничным. В нем не было тихой прелести Пицунды – ее тропинок в реликтовой роще, ее пансионата, ее сосен на морском берегу. В нем не было Его. И потому ее неудержимо тянуло назад.

Но Юлька была неумолима.

– Терпи! – твердила она подруге. – Пусть помучается. Вернемся – сразу станет ясно, ждал он тебя или развлекался.

– Юля, он ждет! Я это чувствую, я знаю. Мы теряем время. А его так мало осталось! Поедем! Ну прошу тебя!

Наконец, Юлька сжалилась, и на третий день они вернулись.

– Смотри, смотри! Часовые на посту, – толкнула подругу Юлька, глядя в окно автобуса, – стоят по стойке смирно. Как огурчики!

На остановке их ждали. Молодые люди все эти дни встречали автобусы, пришедшие из Гагры. И, наконец, их ожидание было вознаграждено.

Серго первым бросился к двери автобуса. Он подал Оле руку, помогая ей сойти. Она благодарно оперлась об нее.

Они молча посмотрели друг на друга. Его глаза задали во-

прос. Ее дали ответ. Все было ясно без слов.

– Ну что, разобрался со своими возлюбленными? – Юлька порой бывала невыносима. – Не выцарапают они нам глаза? Не повыдирают космы?

– Юля, вам ничто не угрожает. Никто больше не посмеет вас обидеть. Можете ходить куда хотите и с кем хотите. Ваша неприкосновенность гарантирована.

– Жизнью клянешься? – не унималась ехидная Юлька.

Они сидели на диком пляже и лениво перекидывались репликами. Оле мучительно хотелось остаться с Серго наедине, но она не знала, как это сделать. Господи, ну неужели он ничего не может придумать? Ведь время уходит. Их время!

Вдали в море показался маленький золотистый катер. Он быстро приближался, и скоро на его борту стала видна надпись «Золотая рыбка».

– Оля, хочешь покататься? – Синие глаза Серго испытующе глянули на замершую девушку.

– А мы? – подскочила Юлька. – Я тоже хочу!

– А мы, Юленька, пойдем ежевику собирать. Ты же ее любишь – сама говорила. Я тебе такие кусты покажу – не оторвешься. Там ягоды крупные-крупные, сладкие-сладкие! – Отар был неподражаем. – А в этом катерке всего два места. Завтра и мы покатаемся. Если захочешь.

Накануне Серго попросил родственника Отара дать ему на день «Золотую рыбку».

– Девушку хочу покатать, – сказал он.

Тот без слов разрешил:

– Девушку покатасть – святое дело.

Родственник был в курсе их отношений.

– Смотри, чтоб ей хорошо было.

– Постараюсь, – коротко ответил Серго.

Море тихо колыхалось, переливаясь всеми оттенками синевы, – от голубого до темно-фиолетового. «Золотая рыбка» легко скользила по его блистающей глади, повинувшись уверенным рукам рулевого. Она уносила Олю в неведомую даль. Но это ее уже не пугало. Покойно глядела она на приближающийся незнакомый берег. Вот катер мягко ткнулся в песок – и мотор заглох. Предчувствие неотвратимого, близкого счастья охватило девушку.

«Господи! – обратилась она к тому, кто дал ей его. – Спасибо тебе! Благодарю тебя, Господи! Век буду на тебя молиться».

Она сидела и смотрела, как Серго спрыгнул на берег, закрепил страховочный трос и достал большой мягкий сверток. В нем оказался огромный пушистый плед. Он раскинул его в тени под нависшими над крохотным пляжем сосновыми ветвями. С трех сторон пляж ограждали высокие скалы, с четвертой его ласкало море. Море было совершенно пустынным – ни кораблика, ни далекого паруса, только белые чайки в густо-синем небе.

«Это Рай, – думала Оля. – Я в Раю. Надо покрепче запомнить все это, чтобы унести с собой, когда меня изгонят из

него».

Скрестив руки на груди, Серго молча ждал, когда она подойдет. На негнущихся ногах она приблизилась к нему. Он прижал ее к себе совершенно.

– Скажи «да». Иначе ничего не будет.

От великого смущения она спрятала пылающее лицо у него под мышкой, благо та оказалась рядом. Но он нашел его там, приподнял за подбородок и погрузил свой потемневший взор в ее глаза.

– Оля, скажи «да», – требовательно повторил он. – Да?

Голос его был глух, но тверд. Ну что ей оставалось делать?

Ее ответ он скорее угадал по чуть дрогнувшим губам, чем услышал. И сейчас же припал к ним своими крепкими губами.

Это было похоже на удар током, на землетрясение. Ноги у Оли стали ватными, и из-под них куда-то ушла опора. Но ее цепкий ум оставался пронзительно ясен.

«Я должна запомнить это ощущение, – велела она себе, – и это тоже, и это. Это мои драгоценности, которые у меня никто никогда не отнимет. Я буду копить их, чтобы потом, когда он покинет меня, перебирать в памяти и наслаждаться ими».

«Теперь моя, – думал Серго, ловко управляясь с застежкой ее купальника. – Теперь, девочка, от меня не убежишь. Все, отбегалась. Моя!»

Поддерживаемая его сильными руками, она медленно

опускалась. А ей казалось, что она летит вверх – в самые небеса.

Небо стремительно приближалось. Вот оно распахнулось, и Оля увидела несущиеся к ней звезды. От их нестерпимого сияния она закрыла глаза. Но самая крупная звезда проникла в нее и превратилась в маленькое теплое солнышко, которое осталось с ней навсегда.

А ее обостренные чувства вбирали все новые и новые драгоценности – и скоро душа ее наполнилась ими до самого края.

«Унести, унести все это с собой, ничего не растерять! – билась в голове только одна мысль. – Спрятать и никому не показывать. О, как я теперь богата! Теперь мне ничего не страшно – никакая разлука. Ведь моя память всегда со мной».

Они вернулись в Пицунду, когда солнце опустилось в море и первые звезды зажглись на небе. Под взглядом онемевшей подруги Оля молча собрала свои вещи и перебралась в крохотную квартиру на краю поселка, которую подыскал для них Отар.

Глава 7. Десять дней

Только теперь, находясь день и ночь под одной крышей с любимым, Оля поняла, что такое настоящая жизнь женщины. Жизнь такая, какой она и должна быть.

С великим изумлением Оля обнаружила, что домашние хлопоты, всегда казавшиеся ей скучными, могут приносить истинное наслаждение. Прежде она не любила убирать, готовить и могла часами валяться на диване с книгой в руках, питаясь одними бутербродами.

А теперь? Теперь она выучила наизусть любимые блюда Серго и научилась стряпать, да так, что он уплетал ее обеды за обе щеки и нахваливал. Было невыразимо приятно видеть, как он надевает свежую рубашку, выстиранную и выглаженную ее руками. Она бегала на базар, готовила еду, убирала квартиру – и все на одном дыхании. Во всех ее хлопотах был глубокий смысл: это для него! И потому она не уставала ни капельки.

Огонь, так опаливший ее в первые дни, превратился в ровное жаркое пламя. Оно согревало ее изнутри и прорывалось наружу, из-за чего лицо девушки казалось светлым даже в темноте.

Теперь ей можно было смотреть на него сколько угодно. Она трогала его загнутые ресницы, гладила брови, запускала пальцы в золотистую шевелюру. А он только моргал и улы-

бался. Но однажды осторожно спросил:

– Оля, ты такая умная, математик, диссертацию пишешь. Скажи, что во мне нашла? Ведь я простой милиционер. Неужели дело только... – Тут он запнулся. Но Оля поняла: он хотел сказать «только во внешности» – но постеснялся.

– Понимаешь, Серго, это трудно объяснить. Конечно, дело не только в красоте. Хотя на нее прежде всего обращаешь внимание. Но мне кажется – влюбляешься во все сразу. Как человек улыбается, смотрит на тебя, говорит. А самое главное – что говорит. Вот если бы ко мне подошел дурак с твоей внешностью, я бы на него и внимания не обратила.

– А я знаю одну девушку, – Серго хитро прищурился, – которая влюбилась в одного юношу с первого взгляда. Тот и слова не успел сказать. Глаз на него поднять не могла. Чтоб не выдать себя.

– Просто... у тебя такое лицо. – Оля покраснела. – Но если бы ты ляпнул какую-нибудь глупость, все сразу бы прошло.

– А, ну да, ну да. «Вах, какие дэвушки!» – это, конечно, о-очень умные слова!

Он откровенно смеялся над ее смущением.

– Ах, ты вот как! – Сжав кулачки, Оля бросилась на него. Продолжая смеяться, он сгреб ее в охапку.

– Пусти, медведь!

Но Серго подержал ее, пока она не перестала трепыхаться. Когда он был так близко, Оля полностью теряла над собой контроль. Все мысли сразу вылетали из головы – оставались

только чувства и ощущения. Он знал об этой ее особенности и использовал ее в своих целях.

Когда они наконец оторвались друг от друга, она рискнула спросить его о том же.

– А вот ты мог бы объяснить, чем я тебя привлекла? Ведь кругом столько красивых девушек – куда красивее меня.

– Неправда, – покачал головой Серго, – ты красивее всех. Глаза у тебя серые, а брови и ресницы темные. И волосы светлые, и выются так красиво – колечками. А губы – постоянно хочу их целовать.

И он немедленно исполнил свое желание. Потом продолжил:

– Ты с виду нежная-нежная. Но в тебе чувствуется... – он на мгновение задумался, – что-то твердое, как стержень. Очень надежная.

Они все время проводили вместе. Даже на спортивные тренировки, необходимые ему для поддержания формы, он брал ее с собой. Ей нравилось смотреть, как ловко Серго клал на лопатки любого, кто рисковал с ним состязаться. И в стрельбе ему не было равных.

Ему ни в чем не было равных.

В поселке частенько случались драки между горячими абхазскими и грузинскими парнями – тогда местная милиция неизменно звала Серго. Ему удавалось утихомиривать самых непримиримых.

– Чего они не поделили? – удивлялась Оля. – При чем

здесь национальность? Какая разница – грузин, абхазец?

– Есть абхазцы, – пытался объяснить ей Серго, – которые считают, что мы, грузины, позахватили все лучшие места, все руководящие посты. А руководящие посты – это большие деньги. В нашей республике деньги – все! Дом хочешь построить – давай деньги. В институт поступить – опять носи деньги. На хорошую должность устроиться нужны очень большие деньги. Без денег человек ничто.

Вот ты в аспирантуру поступила – за деньги или как?

– Да ты что, Серго! – Оля даже подскочила. – Какие деньги? Просто я хорошо училась. Окончила школу с медалью, институт – с красным дипломом. Вот мне и предложили аспирантуру. Я еще студенткой занялась научной работой, а в аспирантуре продолжила ее.

– А о чем твоя диссертация? Какое-нибудь открытие?

– Да нет, какое там открытие. Я пытаюсь решить одну задачу из теории вероятности. Если получится, выведу новое уравнение. Вот и все.

– А какая от этого польза? Кому нужно твое уравнение?

– Ну как кому нужно? Во-первых, просто интересно. Во-вторых, оно покажет путь к решению других задач. Или поставит новую проблему. В математике всегда так. Может, потом кому-нибудь из физиков оно и пригодится – не знаю. Я ведь не прикладник. Я чистый теоретик.

– А тебе самой твое дело нравится?

– Да, очень! Математика – самая прекрасная наука. Она

как хрустальный дворец – чистая, прозрачная. Такая твердая, честная. И захватывающая. В ней нельзя схитрить, содрать – сразу все становится видно. Мне очень нравится моя работа.

– Ну хорошо, выведешь ты свое уравнение, а что дальше?

– Дальше? Дальше защищу диссертацию. Если удастся в институте остаться, буду сначала ассистентом, потом доцентом. Потом, может, докторскую защищу. Но я так далеко не заглядываю.

А насчет денег? Конечно, и у нас, наверно, принимают в институт по блату. В нашей группе были такие тупицы! Но чтоб в аспирантуру – это вряд ли. По-моему, это невозможно. Да и бессмысленно. Там сразу видно – дурак ты или нет.

– А у вас не бывает так, что один пишет диссертацию – за деньги, а другой ее защищает?

– По-моему, нет. Ведь все всех знают. Нет, это невозможно.

– А у нас возможно. За деньги все возможно. Поэтому все стремятся делать деньги. Или отнимают у других. А некоторые политики из абхазцев настраивают людей против нас. Иногда и приплачивают, чтобы провокации устраивали, подуживали народ – мол, это грузины виноваты, что вы такие бедные.

Только большинству абхазцев вражда не нужна. У меня столько друзей среди них, и все – отличные ребята! Это нужно политикам – тем, у кого много денег, а хочется еще боль-

ше. А глупые люди воюют, режут друг друга, стреляют, убивают. Думают: ради справедливости, ради своих. А на самом деле – ради чужих денег.

– Если бы я мог, – продолжил он мечтательно, – я бы убедил всех людей, чтобы в каждой стране было два президента или главы правительства: один действующий, а другой запасной. И если один из них развяжет войну, то его немедленно отстранят от власти, и ее возьмет запасной глава, который эту войну сейчас же закончит.

Понимаешь, если бы все страны с этим согласились, то войны кончались бы, едва успев начаться. Потому что даже победа простым людям ничего не дает. Кто уцелел – как был нищим, так и остался. Богатеют только те, кто наверху. Это им война нужна. А остальным людям нужно просто жить. Работать, растить детей, любить своих женщин. Вот как я люблю тебя.

– А ты бы мог убить человека?

– Оля, я милиционер. Я обязан защищать людей. И если бы ребенку, или тебе, или другим людям угрожала опасность, я бы убил. Если бы другого выхода не было. Но пока Бог миловал. Молю Бога, чтобы за всю жизнь никого не убить. Потому что убить человека – великий грех! Очень страшно такой грех брать на душу, даже если иначе нельзя. Не все это понимают, к сожалению.

– Серго, да тебе надо быть главой ООН! Все войны сразу бы прекратились! – восклицала Оля.

– Как у вас говорят: бодливой корове бог рог не дает, – отшучивался он.

Свою обожаемую Грузию Серго исходил вдоль и поперек. Он часто рассказывал девушке о героической истории родной республики, о ее горах и долинах, о гостеприимном грузинском народе и его замечательных обычаях. Оля с удивлением обнаружила, что ее милый – человек весьма начитанный. В художественной литературе он разбирался куда лучше ее. Его библиотека содержала раз в десять больше книг, чем ее собственная.

Его суждения о разных аспектах бытия поражали Олю своей неотразимой логикой – часто весьма отличной от общепринятой. Ее, воспитанную на идеях материализма, давно волновал вопрос о бытии Божиим. Ведь если Бога нет, то почему столько веков и такая масса людей верит в него? Среди них есть известные личности, обладающие могучим умом и обширными знаниями. Неужели все они столь слепы, что поклоняются тому, чего нет? И неужели права малая горстка людей, называющих себя атеистами и отрицающих существование Высшего Разума?

– Как ты думаешь, Серго, Бог есть? – задала она однажды вопрос, который задавала разным людям, чьим мнением дорожила.

– Обязательно!

Абсолютная убежденность его ответа задела ее ум математика. Ведь прямых доказательств, подтвержденных наукой,

насколько ей известно, нет.

– А не надо никаких доказательств. – Голос Серго стал очень серьезен. – Достаточно простых рассуждений. Вот смотри. Допустим, Бога нет, а есть только молекулы и атомы да всякие там волны. И все живое возникло благодаря их случайным перетасовкам, перемешиванию, разным химическим реакциям, облучению и тому подобному. Это еще можно допустить. Если очень долго перемешивать.

Но ведь в любом зародыше заложена программа его развития. Эту программу кто написал? Ведь чтобы написать такую программу, надо о-очень много думать. Кто думает? Природа? А что такое природа? Природа – это деревья, камни, вода, ветер. Они что ли думают, да?

Вот ты учила в школе закон всемирного тяготения. Помнишь такой? Про то, что все тела притягиваются друг к другу, – а не только наши с тобой. Ну что ты смеешься – я серьезно. Но ведь закон должен кто-то написать. Потому он и закон, что кем-то дан. Он же не может возникнуть сам по себе, из ничего. Его что – тоже придумали безмозглые молекулы и атомы? Сами придумали и сами ему же подчиняются? Ты полагаешь, такое возможно, да?

– Конечно, – продолжил он, – ученым хочется иметь научные доказательства. Как говорится, увидеть или хотя бы пощупать Бога. Но думаю, это невозможно.

– Почему?

– Вот смотри: по моей руке ползет муравей. Он ее видит,

осязает, чувствует тепло. Все, как и мы. Но разве ему дано понять, что он видит? Что это рука человека! А не просто поверхность, по которой он лезет. Ему этого никогда не понять.

Так и мы. Может быть, Бог рядом – мы его видим, осязаем. Но не понимаем, что это Он. Вероятно, при жизни это понять невозможно. И никакие приборы и опыты здесь не помогут.

Ведь не зря говорят – потусторонняя сила. Сила по ту сторону бытия – а не по эту. Может быть, когда мы умрем, то есть тоже окажемся по ту сторону, все узнаем. А по эту – нет. Ну как, я тебя убедил?

– Похоже, да. Только надо все это еще раз хорошенько обдумать.

– А вот тебе косвенное доказательство. Уже по твоей части. Я недавно прочел в одном журнале, что американцы подсчитали, сколько нужно лет, чтобы путем случайных перестановок атомов с учетом их возможных взаимодействий и разных там реакций образовалась клетка, способная делиться. Знаешь, сколько? Больше, чем время существования всей Солнечной системы. Одна клетка! А ведь их – не считать.

Нет, без Высшего Разума здесь не обошлось. Конечно, Он не тот дедушка, что на иконах. Думаю, Его вообще представить невозможно. Он нами принципиально не познаваем. А мы все у Него на виду.

– Но церковь учит, что мы созданы по образу и подобию Бога. Значит, Он похож на нас?

– Скорее, мы на Него. Но это так люди думают. Смотри: сколько религий, и у всех Бог разный. Разные люди жили на Земле в разных местах, в разных условиях и придумали себе разных богов. А Бог един.

– Думаешь, Он нами управляет?

– Нет, не думаю. У каждого есть свобода выбора. Но, думаю, Он знает про нас все. Кого надо – награждает, а кого наоборот. Кого Ему надо. А не нам. Бывает, человек хороший, а у него несчастье за несчастьем. Почему так? Не надо пытаться понять, почему. Это невозможно. Ведь говорят – пути Господни неисповедимы. Это правда. Просто надо жить с Богом в душе. Я очень хочу, чтобы ты жила с Богом в душе – тебе так будет легче.

– А что такое душа?

– Душа это то, что есть у человека, кроме тела. То, что есть он сам. Человек может лишиться части тела – потерять руку или ногу.

Но он все же останется самим собой. Конечно, душа и тело связаны – они зависят друг от друга. Человек рождается, и Бог дает ему душу. Он растет, и душа с ним растет. Он умирает, и душа покидает его тело.

– А как же ненормальные всякие, сумасшедшие?

– Я же говорю: душа связана с телом. У них душа больная, потому что мозг больной. Не зря же говорят: душевноболь-

ной, то есть с большой душой.

– Как ты думаешь, после смерти душа помнит о своей жизни?

– Думаю, да. Ведь все наши поступки и чувства изменяют ее, и это изменение в ней остается. Это и есть память. Конечно, она иначе помнит – у нее нет головного мозга, глаз. Мы не можем, пока живы, узнать, как она выглядит, из чего состоит. Здесь опять никакие опыты не помогут.

– Но мне кажется, – помолчав, продолжил он, – что душа после смерти, отделившись от тела, стремится к тем, кого любила, и избегает тех, кто к этому человеку относился плохо. Вот наши с тобой души, – улыбнулся он, – в той жизни обязательно соединятся.

И вдруг замолк. И погрустнел.

Оля правильно поняла его молчание. Оно означало: но не в этой.

«Он великий мыслитель, – думала девушка. – Куда до него нашим болтунам с кафедры философии. Он убедит, кого хочешь. Он не просто грузин – он человек мира! Как жаль, что его слышу только я».

«Впрочем, – размышляла она, – он же будущий правовед, у него еще все впереди. Может, потом, когда-нибудь, о нем все узнают. Может, он станет большим человеком – главой правительства или еще кем-нибудь. Его все так любят! Отар за него готов в огонь и воду. А я? Я могу умереть за него».

Однажды в поисках ежевики они забрались высоко в гору.

Приподняв низкую ветку, Оля увидела под ней что-то наподобие большой коровьей лепешки. «Откуда здесь коровы? – удивилась она. – На такой крутизне».

Вдруг из центра «лепешки» поднялась треугольная головка и негромко зашипела.

Змея! – молнией мелькнула мысль. Девушка птичкой отлетела в сторону. Только тогда к ней вернулась речь, и она отчаянно завопила. Мгновенно рядом возник Серго и подхватил ее на руки. Мимо них медленно, даже как-то лениво, проползло толстое тело змеи.

– Почему ты не убил ее? – напустилась Оля на Серго. – А если она кого-нибудь ужалит?

– Нельзя убивать, – жестко ответил он. – Она любит свою жизнь, как ты свою. Ее не трогай, и она не тронет.

«Он святой! – думала Оля. – У него совсем нет недостатков».

«И ночи, полные огня!» – это пелось про них. – Бедняжка моя, – сочувственно шептал он. – Я, наверно, замучил тебя?

– Ну что ты, нет, – отвечала она припухшими от поцелуев губами. – Все так чудесно!

Когда она, наконец, засыпала, Серго, облокотившись на подушку, подолгу смотрел на нее спящую. Неяркая прелесть ее лица неизменно очаровывала его, тонко чувствовавшего красоту. Светлые колечки волос рассыпаны по наволочке. Выпуклый чистый лоб, высокие тонкие брови. Темные ресницы, похожие на крылья бабочки, готовой вспорхнуть. Пря-

мой, немножко тупой на конце носик. Маленький детский рот. Верхняя губка самую чуточку выступает над нижней, будто приготовившись к поцелую.

Чувствуя, как в нем волной поднимается желание, он припадал к этим самым сладким в мире губам, и она, еще не проснувшись, вся тянулась к нему.

И было мгновение, когда Оля впервые испытала неизъяснимое блаженство, потрясшее ее от пяток до макушки.

– Ну как? – спросили его смеющиеся, все знающие про нее, глаза. – Как тебе это, новое?

Спрятавшись от них под простыню, она молча показала оттуда большой палец.

Простыня! Тоже – нашла убежище.

– От меня не спрячешься! – свирепо прорычал он и нырнул следом.

В одно прекрасное утро Серго, немного помявшись, спросил:

– Оленька, тебе не кажется, что мы... неосторожны? Мне бы надо... побережь тебя. Ты понимаешь, о чем я?

Как истинный грузин, он был немножко пуританин и стеснялся произносить некоторые слова – предпочитая им дело.

– Ничего подобного! – Оля испугалась. Над целью, к которой она так страстно стремилась, нависла угроза. Еще не дай бог начнет ее оберегать. – Ничего со мной не случится. Я опытная.

– Она опытная! – Серго от души расхохотался. – Девочка!

Уж мне ли не знать, какая ты опытная.

Ему ли не знать. Еще бы! Их бухта, пляж, оранжевый плед под сосной...

– Но я читала, я знаю, что надо делать. Пожалуйста, ничего не придумывай. Со мной все будет в порядке. Уверю тебя!

Кажется, ей удалось его убедить. Слава богу, он больше об этом не заикался.

И только об одном они молчали – о своем будущем. Какой смысл говорить о том, чего нет?

Будущего у них не было.

Верные родовым традициям родители Серго требовали, чтобы сын женился только на грузинке. А Серго боготворил своих родителей.

Обо всем этом Оле поведал Отар – чтобы она зря не надеялась.

Она и не роптала – ведь знала, на что шла.

Глава 8. Разлука

Как Оля ни умоляла мгновения не спешить, они бежали и бежали, увлекая за собой минуты, часы, дни. Однажды, проснувшись, она вдруг с ужасом поняла, что ее счастья осталось ровно на два дня.

«Прекрати паниковать, – строго приказала она себе. – Возьми себя в руки. И эти два дня пройдут – они не могут не пройти. И он уедет. Ты знала, что так будет. Ты не можешь с этим ничего поделать. Так не отравляй ему и себе последние дни».

И она продолжала улыбаться, показывая всем своим видом, что ей все нипочем. Но Серго, чуткого, как барометр, трудно было обмануть. Он знал, он чувствовал, как она страшится разлуки.

Бог послал ему девушку, похожую на утренний свет. Преданную ему абсолютно. Как он оторвет ее от себя – он не мог об этом думать. Но понимал, что не в силах ничего изменить. И потому молчал.

Только сердце его ныло все сильнее, все больнее.

Они старались поменьше бывать на людях, побольше наедине. Но где бы они ни появлялись, окружающие невольно умолкали и провожали их взглядами. Такую любовь, такое сияние излучала эта пара.

Однажды на пляже, когда Серго отошел за мороженым,

на его лежак присела Юлька. Оля неожиданно обрадовалась подруге. Они не виделись чуть больше недели, а казалось, целую вечность.

– Ну, как ты? – спросила Юлька. – Как поживаешь?

– Как во сне.

– Сны кончаются. Ты к этому готова?

– Готовлюсь.

– Когда он уезжает?

– Послезавтра.

– Уедет – возвращайся. Твоя кровать свободна. Смотри, без глупостей!

– Ну что ты, Юля. Все будет в порядке. А как у вас с Отаром?

– Все тип-топ. Так я тебя жду.

Заметив возвращающегося Серго, она исчезла.

И вот пришел этот страшный день. Утром Серго помог Оле собрать вещи. Потом она проводила его на автобусную остановку. В ожидании автобуса они молчали. Ведь слова ничего не могли изменить.

Подошел автобус.

Потом он уехал.

Мир не рухнул. Солнце сияло по-прежнему, и море осталось на месте.

Оля вернулась на старую квартиру.

До отъезда оставалась еще целых три дня. Один день она продержалась. На второй ей стало совсем худо. Заботливая

Юлька старалась не оставлять подругу одну, чтобы та не со-творила чего-нибудь с собой, но от ее сочувствия было еще хуже.

Только на море ей становилось легче. Она садилась в те-ни под старой сосной и устремляла глаза в одну точку на го-ризонте, куда унесла ее в то сказочное утро «Золотая рыб-ка». Она вглядывалась в эту точку до рези в глазах. Ей все казалось, что если очень долго, очень упорно туда смотреть и изо всех сил пытаться представить себе их катерок, то он материализуется, – и, может быть, снова отвезет ее в Рай, где ждет любимую самый прекрасный человек на свете.

Так она сидела и утром того дня, когда им тоже пришла пора уезжать. Большинство отдыхающих уже разъехались, и пляж был пуст. Юлька, уверившись, что подруга не собира-ется топиться, пошла укладывать вещи. А Оля все смотрела и смотрела на море их любви, силясь увидеть в нем то, чего так жаждала ее раненая душа.

Но море оставалось пустынным.

– Господи! – взмолилась девушка. – Ты был так добр ко мне. Прости меня за мою просьбу – я знаю, я не должна про-сить о невозможном. Но дай мне увидеть его еще раз. Только один раз! Последний. Потом делай со мной, что хочешь, я на все согласна. Дай мне увидеть его еще раз, Господи, молю тебя!»

Из моря вышел человек и направился к ней. Оля, вцепив-шись пальцами в траву, смотрела, как он приближается.

Это был Серго.

«Я грежу, – подумала девушка. – Наверно, у меня поехала крыша. Пусть бы так и осталась. А может, это Бог услышал меня и сжалился надо мной?»

Она подняла глаза к небу, но там никого не было. Тогда она перевела взгляд на подошедшего.

Это был несомненно Серго.

«Бог пожалел меня и явил его мне. А вдруг это только видение?»

– Ты настоящий? – осторожно спросила она и потрогала его руку. Рука была теплой. Капли воды блестели на его коже. Нет, похоже, это на самом деле он.

– Это я, дорогая! – Сердце Серго сжалось при виде ее измученного лица. – Я настоящий.

Ты так храбро сражалась, снежинка моя. Ты была такая печальная. Когда автобус поехал и я увидел, как ты уходишь, у меня сердце оборвалось.

Я приехал домой – там нет тебя. Я ходил, как помешанный. Отар обещал все уладить на работе.

Я вернулся. Юля сказала, что ты все смотришь на море, будто ждешь чего-то. Я хотел сделать тебе сюрприз. Прости меня.

Оленька, я все сделаю, чтобы мы были вместе. Это будет трудно, но я постараюсь. Я с ума схожу по тебе. Скажи, ты согласишься уехать из Ленинграда? Если я позову.

– Хоть на край света.

– А твоя диссертация?

– Диссертацию можно писать где угодно. Можно и не писать.

Господи, о чем они говорят! Какая диссертация? Глупости все это. Она молила Бога явить его, и Бог сжалился над ней. Смотри же на него, смотри, запоминай каждое движение его губ, улыбку, взгляд, поворот головы, голос. Пусть говорит, что угодно, только бы не уходил, только бы побыл рядом еще немного. До автобуса у них целый час – шестьдесят минут, три тысячи шестьсот секунд! А в каждой секунде так много мгновений – целая вечность!

Остановись, мгновенье, ты – прекрасно! Ну хотя бы не лети так быстро.

Вот и он замолчал. Смотрит на нее. Как он смотрит на нее! Любовь моя, зачем ты покидаешь меня? Что за сила нас разлучает?

Бегут мгновенья, бегут. Не смей роптать – ты получила невозможное. Не забывай: за все надо платить. И чем больше берешь, тем выше плата. Тебе было дано так много! Готовься – расплата не заставит себя ждать.

Вот и вестник разлуки – Юлька. Стоит с чемоданами, поджидает. Неужели час прошел? Неужели час пробил?! Больно мне, больно!

Неблагодарная, ты же обещала больше не мучить Бога. Вставай, наберись мужества. Не забывай о своей великой цели. Может, все получилось, и ты уже не одна. Улыбнись лю-

бимому. Ему тоже нелегко. Как он говорил: не рви мне сердце. Может, сбудутся его планы – и они будут когда-нибудь вместе.

В одном она была уверена: он никогда не забудет ее. Но их будущее покрыто таким глубоким мраком!

Автобус. Вокзал. Их вагон. Последнее объятие. Прижмись, прижмись к нему покрепче. Как тогда. Плевать на глазающих. Как пахнут его губы морем! Прощай, прощай, мой ненаглядный, прощай – и прости!

Глава 9. Дома

Чем дальше уносил поезд Олю и Юлю от синего моря, тем сильнее хмурилось небо. Сначала на нем еще виднелись голубые островки, потом и они исчезли, затянутые серой хмарью. За Москвой небо откровенно разрыдалось. Его слезы крупными каплями падали на вагонное стекло, стекая по нему неровными косыми струйками.

«Небо плачет по лету, – думала Оля, – оно не хочет с ним расставаться. Ведь впереди долгий холод и мрак. Как у меня на душе».

Всю дорогу она простояла в коридоре, прижимаясь лбом к холодному стеклу. Какой-то парень попытался заговорить с ней, но, взглянув на ее отрешенное лицо, ретировался.

Юлька лежала на полке и злилась на подругу. Как было весело, когда они ехали на море! Они хохотали до упаду, резались в карты, флиртовали с москвичами из соседнего купе. Как те уговаривали их ехать с ними в Сухуми! Лучше бы они согласились. Но ей так хотелось показать Ольке Пицунду. Кто ж знал, что эта ненормальная встретит там своего грузина. Это ж надо так втрескаться.

Хорошо хоть не проревела всю дорогу. Молчит. Уперлась лбом в стекло и молчит. Какие мысли бродят в ее голове? Еще выкинет чего-нибудь, а ей, Юльке, расхлебывать.

– Оль! – позвала она подругу. – Зайди в купе, посиди со

мною. Ну сколько можно стоять в коридоре?

Та не шелохнулась.

– Оля! – Юлька спрыгнула с полки. – Ты слышишь меня? Ну не молчи.

– Юля, не трогай меня.

– Нет, ты скажи: ты можешь сейчас что-нибудь изменить? Скажи, можешь? Правильно – не можешь. Тогда повтори десять раз: «Я не могу ничего изменить. Я не могу ничего изменить. Я не могу ничего изменить». Вот увидишь – тебе станет легче.

– Я не могу ничего изменить, – безжизненным голосом послушно повторила Оля. – Я не могу ничего изменить.

– Так и повторяй, пока не полегчает. Раз ты ничего не можешь изменить, что толку себя казнить? Ведь не страдаешь же ты оттого, что не летаешь. Ну нет у тебя крыльев – так что теперь, умирать?

Крылья. Остановка, открытая дверь. Взмахнуть и полететь...

– Ты что, не можешь взять себя в руки? – упорно гнула свое Юлька. – Прекрасно можешь. Я тебя знаю – ты сильная. Заболеть хочешь? В таком состоянии к тебе любая болячка прицепится. И пойдет твоя диссертация коту под хвост.

Заболеть? А ведь Юлька права. Ей нельзя болеть. Ни в коем случае! Надо сейчас же перестать кукушаться.

– Юлечка, я больше не буду. Честное слово! Видишь, я уже улыбаюсь. Не сердись. Хочешь, в дурака поиграем?

Что-то слишком быстро она переменялась. Заболеть испугалась? С чего бы? Какая-то в ней тайна, будто... будто еще не все кончено. Словно она чего-то ждет. Словно прислушивается к чему-то.

А вдруг?! Десять дней и ночей под одной с ним крышей. В одной постели.

Ну, тогда она полная идиотка. Хотя с нее станется. Вообразит, что этим его удержит. Кого из них этим удержишь!

Юлька не была пай-девочкой и от запретного плода вкусила давно. Но ведь надо и голову на плечах иметь. Нет, она, Юлька, сначала устроится на хорошую работу, найдет достойного мужика, выйдет замуж, займет все, что необходимо для нормальной жизни, – вот тогда можно и о ребенке подумать. Но не сейчас же – да еще когда у Ольки столько проблем впереди. О господи, хоть бы она ошиблась в своих подозрениях.

Но вот, наконец, и вокзал. Серое небо, серые лица. Пальто, плащи, зонты. И пузыри на лужах. Приехали. Опять пахать до следующего лета. Какая тоска!

«Юлька права, – думала Оля, подъезжая к дому. – Мне нельзя раскисать. Я должна все выдержать ради своей цели. Надо побыстрее закончить работу над диссертацией. Надо защититься до того, как наступит срок, – если он наступит. Надо работать день и ночь и ни о чем больше не думать».

– Оленька! – обрадовалась мать. – Приехала! Раздевайся скорее да садись обедать. Все горячее.

– Как отдохнула? По своей работе не соскучилась? – Дмитрий Иванович – Олин отец – ревниво следил за ее успехами. – Новые идеи не появились?

– Соскучилась, конечно. И идеи появились. Мне никто не звонил?

– Утром шеф звонил. Просил, как только приедешь, связаться с ним.

Что там приключилось? Оля взяла трубку.

– Борис Матвеевич, добрый день! Это Туржанская. Вы просили позвонить.

– Олюшка! – услышала она обрадованный голос шефа. – С приездом! Как отдохнула?

– Спасибо, хорошо. Я нужна?

– Тут, понимаешь, проблема небольшая появилась. ВАК теперь требует, чтобы в диссертациях непременно было показано прикладное значение работы. Где ее можно применить. Дикость, конечно, но ничего не поделаешь. Надо обсудить.

Прикладное значение! «Кому нужны твои уравнения?» – спросил он. Как она ему ответила: «Я не прикладник». Серго, как я хочу к тебе!

Что ж, придется стать прикладником. Ничего, она справится.

– Когда подойти? – спросила Оля. – Я хоть сейчас.

– Нет, сейчас уже поздно. Приходи завтра к одиннадцати.

– Могу и пораньше.

– Раньше не надо – у меня лекция. Да, вот еще что. Я уезжаю на конференцию на две недели. Прочтешь за меня лекции?

– Конечно. Езжайте, не беспокойтесь.

Вообще-то аспиранты не имели права читать лекции – им позволялось проводить только лабораторные и практические занятия. Но член-корреспондент Академии наук Борис Матвеевич Воронов, называвший Олю не иначе, как «самая светлая голова в институте», добился для нее такого права в порядке исключения.

– Я требую собрать комиссию! – шумел он. – Или ученый совет! Я до министра дойду! Эта девушка готовый лектор. Получше некоторых наших доцентов.

Ректор решил с ним не связываться – все-таки член-корреспондент – и разрешил.

Оля очень добросовестно готовилась к лекциям – составляла подробный план, обдумывала, как получше объяснить трудные места, чтобы всем студентам было понятно, даже самым слабым.

Шеф, посетив пару раз ее лекции, махнул рукой и перестал ими интересоваться.

– Она им все как по полочкам раскладывает, – заметил он коллегам. – Даже я так не могу.

Однажды к ней на лекцию явился сам ректор. Неизвестно, что он сказал, но после его посещения даже самые непримиримые ее недруги замолчали. Оле был дан зеленый свет.

И студенты ее любили. Они быстро привыкли, что эта тоненькая девушка, внешне ничем не отличимая от них самих, часто заменяет на лекциях самого БМВ – так они прозвали Воронова. Она не считала за труд объяснить несколько раз непонятные места, помогала решать задачи. К ней можно было обратиться перед экзаменом – она охотно консультировала всех без исключения.

Работа над диссертацией стала для Оли спасением. Она ушла в нее с головой.

– Отдохнула бы, – вздыхала мать, – сходила бы хоть в кино или еще куда. Ну что, у тебя друзей нет, погулять не с кем? На улице такая красота – не осень, а просто загляденье. За город бы с друзьями съездила. Говорят, еще подосиновики находят, да и опят полно.

Мать знала, что «грибалка» была Олиной слабостью.

– Ты бы послушалась мать, – поддерживал ее отец, – посмотри, на кого стала похожа. На воздухе совсем не бываешь, потому и аппетита нет. Кому будет нужна твоя диссертация, если ты свалишься?

Но Оля молча выслушивала их и продолжала свое. Ей не хотелось ни с кем встречаться. Все их вечеринки, прогулки по паркам, выезды на природу, которые она прежде так любила, теперь потеряли для нее всякий интерес. Научная работа стала для Оли и трудом, и отдыхом.

Борис Матвеевич не мог нахвалиться своей аспиранткой.

– Впервые вижу такую увлеченность наукой! – восклицал

он, показывая коллегам листы, исписанные Олиными уравнениями. – Нет, вы посмотрите, какое она нашла оригинальное решение. Это же готовая докторская!

Одна за другой вышли три статьи в центральных журналах. Заинтересовались полученными Олей результатами за рубежом. Поступило приглашение на крупный симпозиум – но Оля, сославшись на занятость, отказалась, чем сильно огорчила шефа. Она не могла позволить себе терять время – ей надо было спешить.

Но по вечерам ее одолевала зеленая тоска. Тогда она укрывалась с головой одеялом и погружалась в воспоминания.

Серго легко являлся ей. Он ложился рядом, прижимал ее к себе, впивался губами в ее губы. – Блаженство мое! – слышала она его горячий шепот. – Девочка моя ненаглядная!

Ее память послушно раскрывала свои сокровищницы, полные драгоценностей, собранных ею в тот день и во все последующие – от первых острых мгновений близости до последнего поцелуя. И она, казалось, испытывала те же ощущения. Ее руки сами поднимались для объятия, губы тянулись навстречу его губам.

Потом она забывалась тяжелым сном.

– Тебе звонил какой-то грузин, – объявил однажды отец, когда Оля вернулась с кафедры. – Кто это?

– Знакомый.

– Что еще за знакомый? Где ты с ним познакомилась?

– На море. Что он сказал?

– Что позвонит еще. Но я ему посоветовал не утруждать себя.

– Папа, как ты мог! – ужаснулась Оля. – Зачем ты так? Что он теперь будет думать обо мне?

– А почему он вообще должен думать о тебе? Ты математик, аспирантка, умница. Что у тебя может быть общего с каким-то грузином?

В его устах это прозвучало как «с каким-то кретином».

– Папа, при чем здесь национальность? Ты же дружишь с дядей Самвелом. Как ты можешь! Считаешь себя культурным человеком, а сам рассуждаешь, как дремучий националист!

– Ах, ты вон как заговорила! Сравнила! Самвела я знаю сто лет. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Пляжное знакомство! Не думал я, что ты до такого докатишься! А все твоё воспитание! – напустился он на мать. – Вечно ей потакала. Она и решила, что ей все позволено.

– Да при чем здесь я? – возмутилась та. – Ты же сам все твердил «пусть едет, пусть едет». Вот и доездилась!

– Немедленно прекратите! – закричала Оля. – Как вам не стыдно! Я – взрослый человек, с кем хочу, с тем и знакомлюсь. Вы же его совсем не знаете!

– Ах, так ты уже успела его узнать? Интересно где – на пляже? Только там они и соблазняют таких дур! Пусть посмеет еще раз сюда позвонить – я его так отчихвостю, навсе-

гда твой номер забудет!

Девушка не верила своим ушам. И это ее отец! Папа, которого она так любила! Как он может? Он – секретарь партийной организации завода. Всегда такой добрый, такой понимающий. Какой стыд!

– Если ты это сделаешь, – твердо сказала она, – я уйду из дому. Так и знай!

– Нет, мать, ты слышишь? Она из дому уйдет. Ты кому угрожаешь?!

Но дочь уже не слушала его. Заперев дверь своей комнаты, она упала на кровать и разрыдалась. Но тут же вспомнила, что теперь ей плакать нельзя. Тогда она села и стала обдумывать дальнейшие действия.

«Насчет Серго, – решила она, – особо беспокоиться не стоит. Он должен все понять. Ведь и его родители ведут себя точно так же. Надо позвонить ему на работу и сказать, чтобы он писал ей на Главпочтамт до востребования».

Оля знала, что у Серго дома тоже есть телефон, но ей в голову не приходило звонить ему.

«А с отцом не буду какое-то время разговаривать, – решила девушка. – Буду дуться. Пусть помучается, может, ему стыдно станет».

Так она и сделала. Позвонила в милицию Батуми. Услышав незнакомый голос, попросила Серго Джанелия. Ей сказали, что он на дежурстве. Тогда Оля попросила позвать Отара.

– Отари! – услышала она в трубке. – Тут тебя девушка спрашивает. Очень приятный голосок.

Отар обрадовался ее звонку. Она рассказала ему о разговоре с отцом. Он одобрил идею о переписке и удивился, что это не пришло им в голову раньше. Передал привет Юльке.

Через неделю Оля получила первое письмо. Серго писал, что очень скучает. Что в каждой девушке видит ее – Олю. Даже называет их ее именем, а они потом обижаются. – Любовь моя! – Прочтя эти слова, Оля чуть не заплакала. – Я говорю и говорю с родителями о тебе. Они уже начинают слушать. Все равно мы будем вместе. Ты только еще немного подожди.

Какой у него красивый почерк! – думала Оля. – И совсем нет ошибок.

Она не знала, что ее любимый в школе тоже прекрасно учился. Только не захотел, чтобы родители платили деньги за поступление в институт. Для поступления на юридический нужно было заплатить очень большие деньги, будь ты хоть семи пядей во лбу.

Его родители были людьми состоятельными, но он все равно не хотел, чтобы они давали взятку. А стать юристом очень хотел, – потому и пошел служить в милицию. Можно учиться заочно, и в армию не заберут. Нет, он не боялся армии. Он вообще ничего не боялся – считал, что достаточно быть осмотрительным. Но не хотелось терять времени.

Письма от Серго стали приходиться часто. Оля договори-

лась на почте, чтобы за небольшую плату ей звонили домой, когда придет очередная весточка.

– Но сообщайте только мне! – попросила она, – Больше никому.

Понятливые почтальоны согласно кивнули.

А время бежало, бежало. Дни складывались в недели, недели в месяцы. Оля то с тревогой, то с надеждой прислушивалась к себе. Когда все сроки прошли, она возликовала – ее заветная цель будет достигнута. Все получилось, как задумала.

Написать ему или нет? – ломала голову девушка. С кем бы посоветоваться?

Наконец она решилась довериться Юльке. А кому же еще?

Юлька выслушала великую новость спокойно.

– Я еще тогда догадалась, – сказала она, – в поезде. Но ты все равно ненормальная. Что делать будешь? Срок-то уже – ого!

– Что положено, то и буду делать. Юля, как ты думаешь, написать ему или не надо?

– Ну и вопросы ты задаешь, подруга. Хочешь правду?

– Давай.

– Тогда слушай. Серго молодой, здоровый мужчина. Тебе ли не знать, какой он страстный. Прошло почти четыре месяца. Ты что же, думаешь, у него за это время никого не было? Да мне один грузин – ты его не знаешь – говорил, что если он неделю будет без женщины, то повесится. Нет, я не

хочу сказать, что Серго по тебе не скучает. Но... одно другому не мешает. Кстати, что за девушек он называет твоим именем, ты не задумывалась?

Вот когда Олю в первый раз по-настоящему замутило.

– Так знай, – продолжала Юлька безжалостно, – как бы он тебя ни любил, но новые впечатления накладываются на старые. И старые на их фоне бледнеют, забываются. Поэтому мой тебе совет: ничего ему не пиши. Дождись его приезда. Посмотри ему в глаза. И если поймешь, что нужна ему, скажи. А иначе – не надо. Если он к тебе начал остывать, то эта новость только сильнее оттолкнет его. Родители знают?

– Еще нет.

– Во-от будет им сюрпри-из! Дмитрия Ивановича удар хватит. А маман твоя скажет, что это я во всем виновата.

– Уже сказала.

– Так. Значит, у нас с тобой теперь связь односторонняя – ты ко мне можешь, а я к тебе – нет.

– Если что, звони на кафедру. Если Отар тебе что-нибудь сообщит о Серго – или сам Серго позвонит. Мне передадут.

– Хорошо. Ну беги, а то меня ждут.

– Я ничего не могу изменить, – повторяла Оля Юлькины слова. – Я ничего не могу изменить. Значит, не надо терзать себя. И вообще, главное, чтобы ему было хорошо. Пусть их у него будет хоть сто, если он без этого не может. Главное, чтобы он был на свете. И тогда, может, мы когда-нибудь встретимся.

Оля попыталась представить их встречу. Но... ничего не вышло. Она больше не видела его. А ведь еще недавно он так легко являлся ей.

«Не смей думать о плохом! – приказала себе девушка. – Не провоцируй беду. Иначе она тут как тут. Сколько раз уже так было».

Она даже не подозревала, насколько была права. Она даже не догадывалась, какой счет ей предъявит Всевышний и как близка расплата. И как невысказанно высока цена за ее короткое счастье.

Глава 10. Расплата

Приближались новогодние праздники. В институте царил обычная предпраздничная суэта – репетировали новогодний концерт, развешивали гирлянды, рисовали зубным порошком на окнах снежинки. В актовом зале поставили огромную елку и поручили аспирантам ее украсить.

– У студентов занятия, – сказал им проректор по хозяйственной работе, – а вы дурака валяете. Займитесь-ка лучше елкой.

Так он охарактеризовал их усилия на поприще науки.

Стоя на лестнице, Оля развешивала елочные шары. Здесь и нашла ее Юлька. Со словами «тебе надо на переговорный» она сунула Оле в руки извещение и, не поднимая глаз, убежала.

Что это с ней? – удивилась Оля. – Юлька, погоди, куда ты?

Но та только затрясла головой и скрылась в коридоре.

«Не буду думать о плохом, – твердила себе Оля по дороге на переговорный пункт. – Все в порядке, ничего страшного. Ничего не случилось. Отар, наверно, что-нибудь сказать хочет. Или сам Серго».

Но предчувствие беды уже терзало ее душу.

– Оля! Оленька! – услышала она, холодея, глухой, как из подземелья, голос Отара. – Плохое скажу. Очень плохое! Нет больше нашего Серго. Совсем нет.

Господи, что он говорит? Как это – нет?

– Я не понимаю! – закричала она нетерпеливо. – Отарик, что ты говоришь? Как это – нет? А где он?

– Убили его! Тут ребенка украли. Совсем маленького. Денег много хотели. Сказали, по пальчику будут присылать. Родителям. Мы скоро нашли их. Серго первым пошел – как всегда. Ребенка спас, а сам... Пуля – прямо в сердце. Сразу умер. Он очень любил тебя, Оля.

– Но мы их тоже, – мстительно добавил он, – потоптали. Никто не ушел.

Убили? Его? Лучшего в мире человека? Его больше нет и никогда не будет? Совсем не будет?

– Не-е-ет! – закричала она так громко, что в дверь кабинки заглянули. – Нет, не совсем! Он будет, будет!

– Оля! Что говоришь?

– У меня... во мне его частица! Его продолжение!

– Ребенок? – Голос Отара зазвенел от радости. – Ты ждешь ребенка? Значит, это правда? Спасибо тебе, родная! Когда ждешь? О, я дурак! Я приеду к этому сроку, обязательно приеду. Я буду с тобой. Береги себя! Много не плачь. Можно, я скажу его родителям? Его отец совсем плох.

Его родители! Ее отец! За что родители так ненавидят своих детей?

– Как хочешь.

– Разговор окончен, – металлическим тоном объявили им. Щелчок, и его голос отброшен за тысячи километров.

«Вот она, расплата, – думала Оля, глядя в серое небо. – Вот оно! Господи, ну почему он? За что? Он так любил людей! Он был лучше всех! За что ты покарал его? Почему не меня? Это жестоко, жестоко!»

Молчи, несчастная! Бог знает, что делает. Может, малыш, спасенный им ценой жизни, станет великим человеком, мессией? Может, Богу твой любимый нужнее, чем тебе? Серго хотел, чтобы ты жила с Богом в душе – так не гневи же Бога!

Он молил Бога, и тот выполнил его просьбу – за всю жизнь никого не убить. Ты познала великое счастье! Не каждому оно дано. Он мог выбрать любую – он выбрал тебя. Ты мечтала унести с собой его частицу. И это тоже тебе было дозволено. А тебе все мало? Смирись и не ропщи! А не то...! О, нет! Господи, прости меня! Я больше не буду!»

Вот о чем думала Оля, когда, еле передвигая ноги, брела домой. Как неживая, прошла она мимо отца с матерью, молча глядевших на нее, в свою комнату. Села в темноте на кровать. И снова стопудовая тяжесть горя навалилась на нее.

Пуля в сердце. Она представила, как пуля разрывает его кожу, ломает ребра, пронзает легкое, входит в сердце. Кинжальная боль молнией хлестнула вдоль ее тела, и она закричала, как раненый зверь.

И сейчас же тот, кого он оставил ей вместо себя, сначала мягко толкнулся, а потом недовольно заворочался у нее под сердцем.

Крик застрял в горле. Нельзя! Ей нельзя страдать. Потому

что тогда страдает его дитя. Ей нельзя быть несчастной. Потому что тогда оно тоже несчастно. Надо жить, надо дать ему явиться на свет. Надо вырастить его счастливым человеком. Значит, надо самой научиться быть счастливой. Одной, без Серго. Ну что ж, она всегда была хорошей ученицей.

Щелкнул выключатель. В дверях стояли родители.

– Что случилось? Ты почему кричала? Господи, да на тебе лица нет. Доченька, что с тобой?

Ровным, лишенным всяких эмоций голосом она произнесла:

– Я беременная. У меня будет ребенок.

– Что-о?! – закричал отец, багровея. – Что ты сказала? Беременная? От кого? От того грузина?

– Да.

– Я так и знал! Но как ты могла? Моя дочь! Моя гордость! Что скажут люди? Какой позор! – Отец схватился за сердце. – Как ты могла так низко пасть? На пляже! С грузином!

«Все точно, – подумала Оля, – и на пляже, и с грузином. Все так».

И все совсем не так.

Слабая улыбка тронула ее губы. Это окончательно взбесило отца.

– Она еще улыбается! – закричал он. – Она еще смеет издеваться надо мной! Совсем стыд и совесть потеряла!

– Мне нечего стыдиться, – ответила она равнодушно. – Я никого не убила, не ограбила. Я полюбила мужчину и захо-

тела от него ребенка. Это нормально.

– Замолчи, замолчи! Я не желаю слушать этот бред! Я требую его адрес!

– У него нет адреса.

– Совсем хорошо! Он тебе даже адреса не оставил. Но я его все равно найду! Я этого мерзавца из-под земли достану!

– Не достанешь. Он теперь по другую сторону.

– Не морочь мне голову! Что значит – по другую сторону? За океан сбежал, что ли?

– Его больше нет. Его убили.

Отец замолчал. Потом сказал:

– Жаль, что не я.

Есть слова, которые вслух произносить нельзя. Ни в коем случае! Никогда! Потому что они продолжают звучать и после того, как сказаны.

Так у Оли не стало отца.

Пуля пробивает Его кожу, ребра, легкие, входит в сердце. Это мог сделать ее отец.

Она посмотрела на него. Разве это ее отец? Кто этот чужой человек с перекошенным от злобы лицом? Что она делает в его доме? Скорее, скорее покинуть эти стены!

Вытянув перед собой руки, как слепая, она нащупала дверь, спустилась по лестнице и, как была раздетая, вышла на улицу. Дошла до остановки и села на скамейку, не ощущая холода.

Она долго сидела, окаменев – без чувств, без мыслей, не

понимая, кто она и что здесь делает. Тут и нашла ее заплаканная мать.

– Оленька, пойдем домой! Он ушел. На завод пошел ночевать. О господи, горе какое! Ну не сиди, доченька, вставай, простудишься. О себе не думаешь, так хоть ребеночка своего пожалей.

Ребенок! Ему холодно! Скорее, скорее назад, одеться. Одеться потеплее, а тогда уйти. Уйти навсегда из дома, где Его могли бы убить.

– Оленька, как же это случилось? – Прислонившись к дверному косяку, мать смотрела, как дочь собирает свои пожитки. – Такое горе! Кто ж его, а? За что?

– Он был милиционером, мама. Ребенка украли, а он его спас. За это и убили.

– Господи, хоть бы одним глазком на него взглянуть. У тебя фото его не осталось?

Она молча протянула матери фотографию Серго.

Прикрыв рукой подбородок, мать долго вглядывалась в его лицо. Вот, значит, каков он, тот, ради кого ее дочь забыла себя. Да, перед таким парнем мало кто устоял бы. Что же ты, сынок, не поостерегся и осиротил свое дитя?

– Он знал? – спросила она дочь.

– Нет, хотела ему сказать при встрече. Он должен был приехать. Теперь уже не скажу.

– Оленька, какой же он грузин? Светленький такой.

– Он грузин, мама. У него и отец, и мать грузины. Его

прапрадед – грузинский князь – привез себе из нашего города синеглазую невесту. А на Серго ее гены сказались. Ну, я пойду.

– Куда же ты, доченька, на ночь глядя? Не уходи, прошу тебя!

Мать опять заплакала.

– Прости, мама! Но я здесь больше жить не буду – под одной с ним крышей. Ты же слышала, он пожалел, что не убил его сам.

– Да что ты его слушаешь, дурака старого! Со зла ляпнул. Огорчила ты его очень. Он же не знал, что да как.

– Прости меня, мама. Но я не останусь. Пойду в общежитие. Переночую у девчат, а завтра комнату сниму. Там много объявлений. Устроюсь – позвоню.

Глава 11. Серго вернулся

Комнату Оле нашла комендант общежития.

– Я знаю одну бабульку, – сказала она, – ей хочется скромную девушку и чтоб не студентку. Студентки такие шумные – вечно к ним парни бегают. А вы, Оленька, все больше за книжками сидите. Вы ей подходите. Она недорого возьмет.

«Скромная ли я? – молча засомневалась Оля. – Что она скажет, когда станет заметно? Ну да ладно, там будет видно. Прогонит – другую подыщу».

Бабулька оказалась молодящейся женщиной шестидесяти лет. В квартире имелись удобства и даже телефон. Правда, цена была не такой уж маленькой – больше половины Олиной стипендии.

Ничего, как-нибудь протяну, думала девушка – развлечений мне не надо, а вместо фруктов буду витамины жевать.

Комната ей понравилась. Светлая и есть вся необходимая мебель: письменный стол, стул, шкаф, кровать. Правда, телевизора нет – так без него она обойдется. Зато телефон есть – это важно.

Но Он уже не позвонит по этому телефону.

«Не думай об этом, не смей тосковать! – приказала она себе. – От этого слабеешь. А тебе надо оставаться сильной. Ведь еще столько предстоит вынести. Серго, прости меня, мне нельзя плакать по тебе. Ведь со мною будет плакать наш

мальш».

«Умница! – услышала она голос внутри себя. – Правильно делаешь. Теперь я всегда буду с тобой, дорогая. Буду хранить вас обоих. Буду Бога молить за вас».

Оля замерла. Что это было? Не сходит ли она с ума? А может, это его душа говорит с ней? Но что бы это ни было, пусть его голос прозвучит еще раз.

– Серго, это ты? – спросила она, как тогда. И, как тогда, услышала: – Это я, дорогая! Не бойся – я с тобой.

Его слова рождались у нее где-то в мозгу. Но звучали они вполне отчетливо.

Не становится ли она душевнобольной? Ведь так болит ее душа!

«Пусть бы, – подумала она, – если бы я была одна. Но ребенок! Ему нельзя иметь душевнобольную мать. Надо идти к врачу. А может, сначала посоветоваться с Юлькой – она все знает».

– Не вздумай никому говорить об этом, – предостерегла подругу Юлька. – У врачей тоже языки есть. Еще распустят слух, что ты ненормальная, голоса слышишь. До Бориса Матвеевича дойдет. Просто ты так хорошо успела узнать Серго, так он в тебя врезался, что заранее знаешь, что бы он сказал, как бы отреагировал на любые твои слова и мысли. Вы же часами изливали друг другу душу – ты сама рассказывала.

– А может, это его душа со мной говорит? – робко спросила Оля. – Он верил, что после смерти душа человека на-

ходит своих любимых. А вдруг это правда?

– Может, и душа, – согласилась Юлька, – ну и что? При чем здесь психиатр? Ты что, хуже соображать стала? Как твоя работа? Продвигается?

– Все нормально. Да я уже ее закончила. Уже автореферат печатаю. Думаю где-то в марте защищаться. Если ничего не случится.

– Вот видишь! Какая же ты душевнобольная? Душевнобольные в математике не соображают. Разговаривай с ним сколько угодно, если тебе так легче. Он парень был с головой, может, и присоветует что-нибудь дельное. И от глупостей предостережет. Ты их и так наделала предостаточно. Лучше скажи: ты у гинеколога была?

– Еще нет.

– Ты что, с ума сошла? Тебе же на учет давно надо было встать. Тебя врач наблюдать должен. Вдруг с ребенком не все в порядке.

– Понимаешь, Юля, я боюсь. Врачи тоже разные бывают. А если инфекцию какую занесут? Помнишь, как с Галкой Голубевой было? Едва спасли. Чувствую я себя хорошо, даже не тошнит.

– Оля, все равно надо обследоваться. Хочешь, я тебя хорошему врачу покажу? Но в своей поликлинике обязательно встань на учет.

– Ну покажи.

Юлькина врачиха только поговорила с Олей да послушала

ее животик.

– Все хорошо, – подтвердила она, – сердечко бьется, ритм хороший. Кого ждем: мальчика или девочку?

– Мальчика, – улыбнулась Оля. – Или девочку. Кого Бог даст.

– Через месяц можете узнать – кого. УЗИ покажет. Приходите.

УЗИ! Ультразвуковые волны высокой частоты. Так ли они безвредны, как уверяют врачи? А вдруг какой-нибудь нежный орган ее малыша отзовется резонансом на эти волны? И в нем лопнет сосудик или еще что-нибудь. Нет уж, не надо нам никакого УЗИ. Мы как-нибудь дотерпим. Вот появимся на свет – и сразу узнаем, кто мы.

Как она назовет мальчика, Оля решила давно. Конечно, Серго – Сергеем, Сереженькой. Сергей Сергеевич – правда, красиво звучит? А если девочка? Его дочь должна быть прекрасной. Ведь девочки чаще похожи на отцов. Елена Прекрасная – вот как она ее назовет. Елена, Еля, Елочка, Леночка, Аленушка – по-разному можно будет называть. Елена Сергеевна – очень красивое имя. Серго бы одобрил. Решено!

В конце января Оля получила извещение из Батуми на посылку и денежный перевод.

– Возьми себя в руки! – твердила она, когда, не разбирая дороги, неслась на почту. – Это не Он! Он больше не выйдет из моря. Второго чуда не будет. Это Отар или его друзья.

– А-а, красавица наша! – встретили ее там. – Не писал, не

писал, и вдруг сразу – и посылка, и деньги. Видать, сильно любит.

Посылка и деньги оказались от Отара.

– Это не он, – сказала Оля, чувствуя знакомую дрожь в груди. Только бы не разрыдаться. – Он погиб. Это от его друзей.

И в разом наступившей тишине выбежала из зала.

В посылке оказались сушеные фрукты, грецкие орехи, изюм и письмо от Отара.

Денег было так много, что Оля сразу заплатила хозяйке за месяц вперед, расплатилась с машинисткой, печатавшей ей диссертацию, а главное, – купила, наконец, сапоги. Старые совсем развалились. Чтобы не ходить с мокрыми ногами, она надевала на чулки полиэтиленовые кульки, а уж потом натягивала сапоги. Теперь можно было выбросить эти развалины в мусорник – что она с наслаждением и сделала. Оставшиеся деньги Оля положила на сберкнижку. На душе у нее потеплело – о ней помнят, о ней заботятся.

А время бежало, бежало. Зима кончилась, наступил месяц март.

– Оленька, вы замуж вышли? – Шеф удивленно разглядывал ее округлившуюся фигурку. – Что же вы мне не сказали? Я бы вас поздравил. Нехорошо! А кто ваш муж?

– Он погиб. – Оля с трудом удерживалась, чтобы не заплакать. – При исполнении служебного задания. Он работал в милиции. Борис Матвеевич, пожалуйста, не спрашивайте

больше ни о чем.

– Конечно, конечно! – с готовностью закивал шеф. – Только скажите, когда это должно случиться? Надо же как-то планировать наши дела.

– В июне, где-то в середине.

– А, ну тогда все в порядке. И защититься успеете, и, думаю, ВАК к тому времени подтверждение пришлет. А как же с работой? Я хотел для вас место старшего преподавателя приберечь.

– Приберегите, Борис Матвеевич. Я постараюсь к сентябрю быть в форме. Что-нибудь придумаю.

Работа над диссертацией была закончена. Оля могла позволить себе передышку. Шеф взял на себя переговоры с оппонентами и членами ученого совета. За это он свалил на нее почти все свои лекции.

Защита диссертации прошла на «ура». Приехавшие из столицы оппоненты дружно признали Олину работу заслуживающей ученой степени доктора наук. Позже один солидный журнал посвятил этому событию целую статью. Олин доклад произвел неизгладимое впечатление на всех присутствующих.

– У этой девушки редкий аналитический ум! – провозгласил академик из дружественного вуза. – Более оригинального подхода к решению столь сложной проблемы я не встречал. Обещаю лично ходатайствовать перед ВАКом о присвоении соискательнице звания доктора наук.

За это предложение ученый совет проголосовал единогласно. Ни одного черного шара.

Во время голосования Оле передали записку. В ней незнакомый ректор одного периферийного вуза предлагал ей кафедру, квартиру и очень приличную зарплату. Оказалось, он специально приехал на ее защиту.

У него, наверно, плохо со зрением, подумала девушка. Или, может, он считает, что я такая толстая от природы?

Шеф ликовал. Еще бы – его аспирантка после защиты кандидатской диссертации стала доктором наук! В двадцать четыре года! Небывалый успех. Правда, нужно еще дождаться утверждения ВАКа – но там его друзья обещали «кричать» за Олю. Поэтому он не сомневался в положительном решении.

На защите было полно студентов – ведь по традиции туда пускали всех желающих. Они устроили Оле настоящую овацию. В верхнем ряду амфитеатра сидела мама и вытирала слезы радости.

Отец на защиту не пришел.

Банкета Оля высидеть не смогла. Дождавшись удобного момента, она незаметно выскользнула из-за стола и потихоньку покинула банкетный зал. С трудом добравшись до дома, упала на кровать. Поясница разламывалась, перед глазами плыли зеленые и черные круги. Острая тревога за ребенка терзала ее.

– Идиотка! – проклинала она себя. – Зачем был нужен

этот банкет? Сразу надо было ехать домой. Можно было и не дожидаться голосования. Ничего бы это не изменило. А теперь что будет?

«Серго! – в отчаянии обратилась Оля к тому, кто был и остался для нее всем, – попроси Бога, чтобы с малышом нашим ничего плохого не случилось. Я больше не буду. Теперь все! Теперь только он! Только о нем будут все мои мысли. Помоги, милый!»

И услышала:

«Я попрошу, дорогая. Не тревожься. Все будет хорошо. Ведь я с тобой».

В комнату заглянула испуганная хозяйка:

– Оленька, вам плохо? Я «Скорую» вызову.

«Скорая» примчалась быстро. Молодой врач успокоил Олю:

– Ничего страшного. С ребенком все в порядке. Но больше так не переутомляйтесь. А завтра – непременно в консультацию.

Так начался у Оли декретный отпуск. Только два часа в день она позволяла себе работать над методичками – остальное время занимали неспешные прогулки с мамой или Юлькой, дневной сон и никаких волнений. Иногда на прогулках ее сопровождала квартирная хозяйка Фаина Степановна. Она привязалась к Оле всей душой. А узнав о ее беременности, пришла в восторг.

– Уж как я мечтала с лялечкой понянчиться! – вздыха-

ла она. – Своих Бог не дал, а так хотелось! Хоть на вашего, Оленька, дитенка погляжу да на ручках поношу. Вы пойдете в сентябре работать, а я с ним буду сидеть. И не думайте ни о какой оплате – мне это в радость.

Хозяйка подружилась и с Олиной мамой. Попивая вместе чай, они строили планы на будущее – как Оля станет работать, а они внука будут смотреть. И никаких яслей, ни-ни!

Дома матери было невмоготу. Отец стал невыносимо груб с ней. Прежде такой выдержанный, он теперь срывался в крик из-за каждого пустяка. Об Оле он не мог слышать. Даже ее успех на защите не смягчил его.

– Она не должна была так поступать! – кричал он. – Я ее вырастил, выучил, я ей все дал! А она? Как она отблагодарила меня? С грузином! Как последняя б... – И он грязно ругался. – Нет у меня дочери и, не говори мне о ней!

«Откуда эта ненависть к людям другой национальности? – думала Оля. – Какая темная сила превращает, казалась бы, нормального современного человека в неандертальца? Ведь это дикость, атавизм! Взять хотя бы моего отца. Почему этот начитанный умный мужчина, коммунист, член партии, провозглашающей равенство всех наций, от одной мысли, что его дочь отдалась грузинскому парню, превратился в озверевшего куклуксклановца, готового вздернуть этого парня на первом попавшемся суку. И ведь вздернул бы, будь его воля. Ладно, если бы причина в разных религиях. Но ведь он атеист».

«Поклянись, – приказала она себе. – Поклянись, что когда твоему малышу придет время любить, кем бы ни был и каким бы ни был его избранник, ты примешь его, как родного. И пусть горький пример наших с Серго отцов послужит тебе суровым уроком».

Верная Юлька нанесла ей кучу книг о матери и ребенке. Из них Оля узнала, как от месяца к месяцу крошечный зародыш прибавляет себе все новые клеточки, превращаясь в человеческое существо. На седьмом месяце это уже готовый человечек. Он может улыбаться и плакать, спать и бодрствовать. Однажды на ее животе появился бугорок и стал быстро-быстро перемещаться слева направо. Она попробовала задержать его двумя пальцами, и в ответ ребеночек недовольно заворочался.

«Наверно, поймала его за пятку или локоток», – с умилением подумала будущая мама.

Она старалась побольше разговаривать со своим маленьким. Ведь, находясь внутри нее, он слышит ее голос. И, может даже, запоминает отдельные слова. А уж интонации – точно. Она рассказывала ему, что делает, о чем думает, как ждет его появления на свет. Как она любит его. Она рассказывала ему о его отце. О его подвиге. О том, какой это был замечательный, лучший в мире человек.

Схватки начались под утро. Перепуганная Фаина Степановна вызвала «Скорую» и в ожидании ее металась от двери к Оле и обратно. У нее все валилось из рук. Оля, как могла,

успокаивала ее.

Она совсем не боялась родов. Страдание? Разве это страдание! О, она знает, что такое страдание. Страдание – это когда пуля пробивает легкое и входит в сердце любимого. Когда кинжальная боль от одной мысли об этом разрушает тело пополам. Вот что такое страдание!

А то, что с ней сейчас происходит, это счастье, которого она так долго ждала. Ее малыш стремится на свет божий – как хорошо! Приходи, мое сокровище, скорее, я помогу тебе.

Не было ни страха, ни муки – было одно долгое трудное ожидание встречи. Когда все кончилось, она посмотрела наверх... и не увидела потолка – на его месте было небо с несущимися к ней звездами. Как тогда.

И тут Оля услышала крик своего ребенка.

– Кто? – спросила она, с трудом шевеля запекшимися губами.

– Девочка. У вас дочка, – ответили ей, – такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Леночка, – прошептала она, – покажите ее.

Господи, ну пусть хоть немного, чтоб хоть немного – его черты!

Личико малышки поднесли близко, совсем близко к ее лицу. Оля увидела прямые брови – его брови, длинные слипшиеся ресницы – его ресницы. Ресницы разлепились, и на нее глянул большой синий глаз – его глаз.

Девочка оказалась точной копией своего отца.

«Мой Серго! – подумала она. – Мой Серго ко мне вернулся. Теперь он навсегда со мной. Благодарю тебя, Господи, за великую милость твою!»

«Я же тебе обещал, – услышала она его голос, – что все будет хорошо. Будь счастлива, дорогая моя! И ничего не бойся – я с тобой».

Глава 12. Начало новой жизни

Все сущее в мире стремится к равновесию – и иногда это ему удается. За великим счастьем часто следует большая печаль. Но случается и наоборот – на смену огромному горю приходит безмерная радость.

Юлька была права: новые чувства могут налагаться на старые, притупляя их. Чувство безбрежного счастья, испытанное Олей, когда она впервые взяла на руки крошечную девочку с лицом Серго, сгладило, притупило остроту потери, истерзавшую ее сердце. Боль осталась, но стала иной – не такой режущей.

В день рождения Леночки пришел подарок от ВАКа – извещение о присвоении Оле ученого звания доктора физико-математических наук. С утра в роддом звонили с поздравлениями. Доктора и медсестры устали поднимать трубку. Приехал Борис Матвеевич с огромным букетом цветов. Правда, букет у него не взяли – в воде, где стоят цветы, быстро заводятся всякие микробы, поэтому цветы в роддом приносить не разрешалось.

Малышка оказалась на редкость спокойной. Другие новорожденные, когда их привозили кормить, часто орали, как оглашенные, – а Леночка только вертела головкой да причмокивала. Ее так и прозвали: «самый спокойный сверток».

Когда Оля впервые приложила дочку к груди, та сначала

ла тихонько почмокала крошечными губками, потом у нее внутри включился невидимый моторчик и она деловито принялась перекачивать в себя молоко. Наевшись, девочка оторвалась от груди и уставилась на Олю большими темно-синими глазами – казалось, она старается получше запомнить лицо своей мамы. Ее взгляд был вполне осмысленным, в нем таилась улыбка.

Этот взгляд растопил ледяную глыбу горя, лежавшую на сердце Оли. Впервые за последние месяцы она почувствовала, что жизнь ее обрела смысл.

– Смотрите, доктор, – сказала она на третий день пожилой врачихе, – малышка уже улыбается мне.

– Скоро тебе зарабатывать начнет, – ответила та, – они теперь такие. Атомные.

Но как перепугалась Оля, когда однажды, взглянув на сверток, положенный медсестрой рядом, не увидела знакомого маленького ротика и родных синих глаз. На нее смотрели круглые глаза чужого младенца.

– Это не мой, не мой ребенок! – в ужасе закричала она. – Где моя дочь? Куда вы дели ее?

Прибежавшая медсестра принялась уверять, что никакой ошибки быть не может, что все новорожденные на одно лицо, – но ее слова еще больше напугали молодую мать.

– Отдайте моего ребенка! – рыдала она. – Где моя девочка?

– Ну чего ты орешь? – слышалось с кровати у двери. –

Она так хорошо сосет – не хотелось ее отрывать. Ладно, несите сюда мою привереду.

Оказалось, у малышей перепутали номерки.

Как сестра могла утверждать, думала Оля, что все они на одно лицо? Да я Леночку узнала бы среди тысяч младенцев.

Вновь обретя свое сокровище, Оля стала умолять о выписке – еще одного такого случая она бы не вынесла. Ее не удерживали.

Такой толпы встречающих персонал роддома не помнил. Все роженицы прилипли к окнам поглазеть на небывалое зрелище. Первым к Оле бросился Отар с огромным букетом роз. Передав букет Юльке со словами «не уколись, там шипы», он взял у Оли розовый конверт и, приоткрыв уголок, долго смотрел на малышку, щурившуюся на солнышке. Лицо его на глазах светлело.

– Спасибо, родная! – сказал он Оле. – Я твой брат. Навсегда твой.

Передав конверт бабушке, Отар обнял Олю и крепко поцеловал.

Вся квартира Фаины Степановны была завалена подарками. Отар привез роскошную коляску, кроватку, массу пеленок, распашонок, костюмчиков и прочей детской мелочевки. Уже в Ленинграде, узнав, что родилась девочка, он накупил ей нарядов едва ли не до свадьбы. Зная об этом, Юлька попросила Бориса Матвеевича не дарить от института никаких вещей, а просто отдать молодой маме собранные коллегами

и выделенные профкомом деньги.

– Ничего не покупай дочке сама, – убеждал Олю ее названный брат, – мы все будем присылать. Ты только говори, что надо. Все достанем на складе. Такие вещи, что тебе и не снились. У нас все есть – как в Греции, даже лучше.

– Спасибо, Отарик, ты и так привез столько всего. Надолго хватит.

Они стояли у кровати и смотрели на портрет Серго, висевший напротив.

– Она его копия, – восхищенно заметил Отар. – Как тебе это удалось?

– Старалась очень, – засмеялась Оля. – А вы с Юлькой что же? Никак не решитесь?

– Юля очень хорошая девушка, – погрустнел он, – но не хочет она в Батуми. А я не могу сюда переехать – надо отцу с матерью помогать. Нас у них семеро, я старший. Как их оставишь?

– А ты ее силой увези. Или сделай ей малыша. Сама прибежит.

– Ей сделаешь! Я же говорю: она – не ты. Очень рациональная!

Перехватив ее взгляд, Отар посерьезнел:

– Как жить думаешь, Оля? Нельзя всю жизнь прожить с портретом. Боюсь, к этому себя готовишь. Ты красивая, молодая – тебе мужчина нужен. А Леночке – живой отец, а не портрет на стене.

– Конечно, ты прав, – вздохнула Оля, – все правильно говоришь. Да я и не собираюсь делаться затворницей. Чтобы девочка моя выросла счастливой, надо самой счастливой быть. Если смогу полюбить кого-нибудь – выйду замуж. Если полюблю.

– А если не полюбишь?

– А если не полюблю, тогда как? Сам подумай.

– Конечно, – грустно согласился он, – тогда никак.

А сам подумал: «Не полюбишь ты никого, дорогая. Разве сможет тебе кто-нибудь его заменить, если будешь каждый день видеть эти два портрета? Эх, Серго, Серго!»

Через неделю Отар уехал. Обещал звонить. Просил сообщать новости о малышке. И правда, звонил каждый месяц, а иногда и чаще.

Девочка расцветала, как бутон. Она была неизменно весела, хорошо кушала и прибавляла в весе. При взгляде на ее приветливое личико у Оли всегда теплело на душе.

«Я перехитрила тебя, Серго, – как-то подумала она, глядя на его портрет, – я унесла с собой твою частичку. Смотри, какая красавица из нее получилась».

И услышала:

– Так уж и перехитрила! Думаешь, я не знал? Все твои планы у тебя на личике читались, дорогая.

Отец ни разу не навестил ее. Он разменял их старую двухкомнатную квартиру на две коммунальные – двухкомнатную для него с матерью и однокомнатную для Оли.

Через два месяца после размена отец умер. От инфаркта. Прямо на работе. Умер, так и не повидав свою внучку.

После его смерти мать отдала Оле двухкомнатную квартиру, а сама перебралась в однокомнатную. Она очень подружилась со своей новой соседкой одного с ней возраста. К ним часто приходила Фаина Степановна, и они втроем гоняли чай допоздна.

И Оле попались хорошие соседи – молодая пара и тоже с малышом. Их дом находился в самом центре города, недалеко от института, где она теперь преподавала. До работы можно было добраться пешком за пять минут.

В три месяца Леночка научилась переворачиваться со спинки на животик, в четыре села. В семь стала пытаться вставать в кроватке, цепляясь крошечными пальчиками за перекладину. В десять пошла.

Однажды хмурым ноябрьским вечером в квартиру Ольги позвонили. Она открыла. На пороге стояли три женские фигуры в черном. Оля сразу догадалась, кто они – это были мать и сестры Серго. От Отара она знала, что отец Серго умер от горя, не пережив гибели единственного сына.

Молча прошли они в комнату, подошли к кроватке и долго глядели на малышку. Широко раскрыв синие глазенки, Леночка без страха смотрела на незнакомых тетю.

– Это он, – наконец глухо сказала мать – и упала перед Олей на колени. – Прости нас, дочка!

– Прости нас! – эхом повторили его сестры, опускаясь на

колени рядом с матерью.

– Ну что вы, встаньте, не надо! – Оля бросилась к ним, пытаясь поднять. Но они только качали головами.

– Скажи, что прощаешь. Иначе не встанем.

– Прощаю, прощаю, конечно, прощаю! – торопливо заговорила Оля, – Встаньте, пожалуйста! Вы с дороги, раздевайтесь. Я сейчас ужин разогрею – покушаете.

Во все глаза глядела она на его мать и сестер, пытаясь найти в них черты Серго, но ничего общего не находила. Все трое были настоящие грузинки – носатые и черные, как галки.

– Послушай, дочка, что скажу. – Мать неотрывно глядела на портрет сына. – Мы теперь твоя семья. Как он любил тебя – сказать нельзя! Все твердил: почему его предку можно было взять русскую невесту, а ему нет. Я волосы на себе рвать готова. Согласись мы тогда, может, живой бы остался. Все к тебе рвался, да отец не пускал.

«А родителям того малыша стали бы присылать его пальчики», – подумала Оля. Нет, не мог Серго остаться в живых. Слишком сильно он любил людей, слишком был хорош для этого жестокого мира. Такие долго не живут – они Богу нужнее.

Ах, если бы она могла оказаться с ним рядом! В тот момент. Она бы оттолкнула его. Не дала бы убить. Собой бы закрыла, наконец. Отдала бы за него жизнь, не раздумывая.

А Леночка? Она ведь тогда умерла бы тоже. Бог не дал ей

выбора.

– Я часто слышу его голос, – вдруг сказала Оля то, что не говорила никому, кроме Юльки. – Он разговаривает со мной. Это правда – я не придумываю.

– Как разговаривает?!

– Ой, только вы не подумайте, что я ненормальная! – спохватилась она, памятуя Юлькины наставления. – Я доктор наук – у меня с головой все в порядке.

– Да мы знаем, знаем!

– Понимаете, я иногда мысленно спрашиваю Серго о чем-нибудь, а он отвечает. Я слышу его голос где-то внутри себя. Часто с ним разговариваю. Подруга говорит, что это я сама за него ответы придумываю. Потому что мы очень близки были, понимали друг друга с полуслова. А я все думаю: может, это его душа со мной говорит? Он верил, что после смерти душа стремится к тем, кого любила при жизни. Я знаю: когда умру, наши души соединятся.

Мать Серго перекрестилась. Потом заплакала:

– Что мы наделали, дочка! Зачем вас разлучили? Почему Господь не вразумил нас? Горе мне, горе!

Тут Оля, не выдержав, заплакала тоже. И сейчас же заплакала в своей кровати Леночка. Тогда Оля взяла себя в руки.

– Не плачьте, мама! Теперь у вас есть внучка. Я научу ее любить и почитать вас. Приезжайте к нам и живите, сколько хотите.

– Ты тоже приезжай к нам, дочка. А хочешь, насовсем

приезжай. У нас дом большой – всем места хватит. Сад есть, в нем мандаринов много, виноград. Горы кругом, воздух, лето круглый год. Леночке раздолье будет. Море рядом. Приедешь?

– Вот дочка подрастет – непременно приеду.

– С матерью твоей хотим повидаться.

– Завтра и повидаетесь. Мама у меня хорошая, добрая, рада вам будет. А сейчас ложитесь, отдохайте. Она завтра придет перед моим уходом на работу – с Леночкой посидеть. Тогда и познакомитесь.

И побежали месяц за месяцем, год за годом.

Леночка подрастала, умнела. В три года она уже знала все буквы и научилась читать. Оля очень хотела отдать дочку в садик, чтобы девочка привыкала к обществу других детей, не росла одиночкой. Но бабушка с Фаиной Степановной так восстали против этого, что она сдалась.

Леночке разрешалось почти все. Но при этом она с удивительным для такой крохи чутьем понимала, что можно делать, а чего нельзя. Юлька, бывая у них в гостях, с замиранием сердца наблюдала, как малышка пытается вдеть нитку в иголку, ножом отрезает хлеб, наливает горячий чай в чашку.

– Оля, она порежется! Или обварится! – возмущалась Юлька. – Ну как ты не боишься?

– Я не обварюсь, – уверенно отвечала за маму Леночка. – Я остороженько. Давайте, тетечка Юлечка, я вам еще чайку налью. С сахарком.

Когда однажды заболели сразу и бабушка, и Фаина Степановна, Оле пришлось взять дочку на работу. На лекции та сидела тихо-тихо, словно мышка, и во все глаза глядела, как ее мама учит чему-то много-много больших дядей и тетей. И как они слушают ее маму. А на перемене эти дяди, и особенно тети, буквально затискали ее – пришлось от них спастись у мамы под столом.

Пока Леночка была совсем маленькой, она почти не болела – сказывались заботы бабушки. Та внимательно следила, чтобы внучка тепло одевалась, вовремя кушала и соблюдала режим дня. Когда же бабушка слегла – сердце забарахлило и замучило давление – и девочка целыми днями стала пропадать у мамы на работе, общение с чихающими и кашляющими студентами не пошло на пользу ее здоровью.

Однажды Леночка сильно простудилась. Кашель перешел в бронхит, бронхит – в тяжелое воспаление легких. После этого девочка стала болеть все чаще и чаще.

Врачи посоветовали свозить дочку на море. Ольга с Леночкой провели два месяца в Батуми. Там их буквально носили на руках. Катали по морю, возили в горы и кормили, кормили, кормили. Где бы они ни появлялись, их сейчас же усаживали за стол – и начиналась пытка под названием «угощение дорогих гостей». Друзья Серго и родители спасенного малыша завалили их подарками.

За эти два месяца Леночка поздоровела, окрепла. Но стоило им вернуться в Ленинград, как все началось сначала. В

конце концов, врачи сошлись на том, что девочке нужен юг.

Ольге очень не хотелось оставлять маму, бросать кафедру, налаженный быт. Но выхода не было. В сыром и холодном Ленинграде ее дочь больше жить не могла. Наверно, сказано и то, что отец Леночки был коренным южанином.

С работой, как всегда, помог Борис Матвеевич. В одном из вузов крупного донского города объявили конкурс на замещение должности профессора кафедры высшей математики. К тому времени Ольга уже имела это звание. Она послала документы на конкурс. И хотя никто из других докторов наук больше документов не подал, эта должность ей досталась с большим трудом.

Вся кафедра дружно проголосовала против ее избрания. Будущих коллег не интересовали ни ее научные заслуги, ни ее педагогический опыт – ничего. Ну не хотели они доктора наук – и все. Их вполне устраивало его отсутствие.

В Ленинграде такое в принципе было бы невозможно. Там любой вуз гордился бы таким приобретением. Имя Ольги Туржанской было известно не только в стране, но и за ее пределами, – а статус вуза напрямую зависел от количества в нем докторов наук и академиков.

Но и на ее известность в научном мире будущим коллегам Ольги было глубоко наплевать.

Тогда БМВ запустил в бой «тяжелую артиллерию». Ректору вуза позвонил знакомый из ВАКа и предупредил, что если его подчиненные не примут «правильное решение», то вузу

могут и категорию понизить. Поскольку там докторов наук – раз-два и обчелся. А категория вуза – это ставки, должности и прочие блага.

Тут уже и ректор забеспокоился. Он вызвал к себе заведующего кафедрой математики и устроил ему выволочку. Тот сначала разводил руками и пожимал плечами – мол, а что я могу поделать, у нас демократия. Тогда ректор пригрозил досрочно объявить конкурс уже на его должность – по причине полного отсутствия достижений на поприще науки. И заведующий сдался.

О чем он говорил с подчиненными, что обещал, чем угрожал, – об этом история умалчивает. Но, в конце концов, с перевесом в три голоса, кафедра проголосовала положительно. А уж ученый совет утвердил Ольгу единогласно. Так она стала профессором вуза в далеком южном городе, где никогда не бывала.

Она не потребовала у института квартиру, хотя по должности имела на это право. Удачно обменяла ленинградскую коммуналку на хорошую изолированную и уехала из своего любимого Ленинграда, оставив там дорогих ей людей, навсегда.

Часть 2. Воспитание чувств

Глава 13. Братик и сестричка

– Это Гена, Гена! – услышав звонок в дверь, закричала Леночка. – Mamочка, можно я открою? Я уже умею.

– Ну открой. Только сначала спроси, кто там.

– Кто там? – запела девочка. – Кто там? Кто там?

– Это я, почтальон Печкин! – густым голосом ответил Гена.

– Кто-о? Мама, там какой-то почтальон.

– Это из мультика про дядю Федора и кота Матроскина, – засмеялась Ольга. – Гена так шутит.

– А-а-а, помню, помню! – захлопала в ладошки Леночка. – Как я сразу не догадалась? Mamочка, помоги – что-то колесико не поворачивается. Гена, не уходи, не уходи, подожди, мы сейчас откроем. Замочек неподдающийся.

– Да я не уйду.

Гена готов был ждать хоть до вечера. Но так долго не пришлось. Дверь отворилась, и дети кинулись друг к другу.

– Пойдем, пойдем ко мне! – Леночка схватила Гену за руку. – Я покажу тебе свои игрушки. Сам выбирай, во что будем играть. Как ты смешно придумал про Печкина! Я бы так не смогла.

Теперь буду все время придумывать, решил Гена, раз ей так нравится. Надо будет все смешное запоминать, а потом ей рассказывать. Как она смешно смеется, – как колокольчик. И в ладошки хлопает.

От обилия игрушек в ее комнате у него разбежались глаза. Ну просто магазин игрушек. Какая у нее хорошенькая комната! Такая же, как у них с мамой, но здесь гораздо красивее. Какие цветочки на стенах! И картинки! И коврик на полу! И детский уголок! Много куколок сидит вокруг игрушечного столика, а на нем чашечки и блюдечки – совсем как настоящие. И как хорошо пахнет!

– Кто это? – засмотрелся он на большую фотографию дяди с лицом его подружки. – До чего вы похожи! Как две капельки воды.

– Это мой папа.

– А где он? На работе?

– Нет, он умер. Его застрелили.

– Застрелили? – Глаза мальчика стали еще круглее. – По-настоящему? А кто, бандиты?

– Да, он милиционером был. Мальчика украли у папы с мамой, а он его спас. За это бандиты его застрелили. Это давно было – я тогда только должна была родиться.

– А бандитам что было?

– Их убили тоже. Мама всегда плачет, когда говорит про папу. Ты ничего у нее не спрашивай, ладно?

– А моей маме сказать можно?

– Можно. Ну, во что будем играть?

Но Гена не отвечал. Он потрясенно смотрел на портрет Леночкиного папы. Значит, так бывает на самом деле, а не только в книжках и в кино.

Но зачем люди так делают? Зачем они украли мальчика? Неужели не знали, что их тоже могут убить? Могли же предполагать? Им бы отпустить мальчика, а самим убежать и спрятаться. И Леночкин папа живой остался бы. И всем было бы хорошо.

– Твой папа тебя любил? – задал он самый главный для него вопрос.

– Он даже не знал, что я должна родиться.

– Как не знал? Разве так бывает?

– Ну да. Его убили раньше, чем он узнал.

Рой вопросов закружился в голове Гены. Но он не успел их задать.

– Леночка, а оладушки? – позвал из кухни голос ее мамы. – Идите есть, пока тепленькие.

– Да он только что пообедал, – слышался голос Гениной мамы. – Он не хочет.

– Очень даже хочу! – неожиданно заявил Гена. – Так вкусно пахнет!

– Тебе со сметанкой или с вареньем? – Маленькая хозяйка с интересом наблюдала, как гость накладывает себе на тарелку целую гору оладьев.

– Со сметанкой. И с вареньем.

Гена полил оладьи сметаной, сверху положил варенье и с аппетитом принялся все это уминать. Как вкусно! Он давно не ел с таким наслаждением.

Цепляя на вилку сразу по две оладьи, мальчик пытался засунуть их в рот, но они не помещались. Сметана капала ему на колени – он весь измазался вареньем. Сопя и причмокивая, Гена поглощал вкусные оладьи, не замечая, как изумленно три особы женского пола взирают на него.

Будто с голодного края, думала его мама. Еще решат, что мы его голодом морим. Ведь только что пообедал.

Вот это аппетит! – думала Ольга. Надо почаще его приглашать. Может, и Леночка рядом с ним станет есть получше. А то клюет, как птичка. После болезни совсем есть перестала.

Как он быстро кушает, думала Лена. Словно за ним гонятся. Наверно, хочет поскорее пойти играть. Но как много!

Беря с Гены пример, она тоже положила на оладушек сметану, а сверху варенье. Придерживая его вилкой, разрежала на четыре части и, подцепив одну из них, отправила в рот. Действительно, вкусно.

– Ты клади побольше сметаны, – посоветовал Гена, – так будет еще вкуснее. И жевать легче.

Он тоже разрежал оладышек и попробовал есть, как она. Оказалось, так удобнее и меньше пачкаешься.

– Гена, вытри ротик. – Леночка протянула ему салфетку. И вовремя: он как раз хотел его вытереть – только рукавом.

Попив чаю, они вернулись в Леночкину комнату.

– Давай построим из твоих и моих кубиков башню, – предложил Гена, – высокую-высокую. Насколько кубиков хватит.

– Давай.

Пока дети играли, их мамы облегчали души, рассказывая друг другу о себе. Они быстро перешли на «ты». Выяснилось, что Ольга будет преподавать как раз в том институте, который так и не окончила Светлана. Обсудив проблему детсада, решили, что Светлана попросит директрису, чтобы Леночку определили в одну с Геной группу. И ребятам веселее, и легче присматривать за ними.

Бедняжка, как же ей нелегко приходится, если с таким сроком она еще работает, думала Ольга. Буду ей помогать, чем смогу. А родятся малыши – научу Леночку о них заботиться.

– Пойдем, посмотрим, чем там ребята занимаются, – предложила она, когда посуда была вымыта, – что-то они притихли.

Посреди комнаты возвышалась высокая башня из кубиков. Сидя на ковре возле нее, дети рассматривали содержимое трех коробок, снятых Леночкой с верхней полки. В каждой коробке было по детской железной дороге.

Забыв обо всем на свете, Гена любовался этими сокровищами. Железную дорогу ему доводилось видеть только в витрине «Детского мира». Приплюснув нос к стеклу, он жадно рассматривал все эти рельсы, вагончики, горки с тоннелями, крошечные станции и прочие атрибуты детского счастья. И

вот, пожалуйста, – у Леночки их целых три.

– Давай разложим! – с дрожащими от нетерпения руками предложил он.

– А у нас получится? – засомневалась Леночка. – Я еще ни разу не пробовала. Это папины друзья подарили. Дядя Отар обещал, когда приедет, показать, как ее собирать, – да все не едет.

– А может, попробуем? – умоляюще попросил Гена. – А вдруг получится? Ты будешь читать инструкцию, а я собирать.

Сам он читать так и не научился. Охоты не было. Вот когда мальчик пожалел об этом. Но теперь, решил он, не отстаю от мамы, пока не научусь.

Вдруг Лена, не говоря ни слова, схватила свою маму за руку и увела в коридор. Там они о чем-то пошептались. Потом вернулись. Взяв в руки самую большую коробку, девочка торжественно объявила:

– Гена! В честь нашего знакомства я дарю тебе эту железную дорогу.

Гена так и сел. Он даже забыл, что принято говорить в таких случаях. Так бы он и сидел, если бы его мама не напомнила:

– Гена, что надо сказать?

– Ой, спасибо, спасибо! – закричал мальчик, прижимая к груди свое сокровище. Сердце у него колотилось от радости, слезы выступили на глазах. Сколько счастья в один день! И

все-все связано с этой девочкой, похожей на маленькую фею. Что бы ей такое сказать приятное?

– А у меня скоро будут два братика. Или две сестрички. Или братик с сестричкой, – выпалил он и сам удивился: чего это ему взбрело в голову?

– Я знаю, – засмеялась Лена, – они у твоей мамы в животике. Ты тоже там был, и я была у моей мамы – до того как мы родились. Я тебе так завидую! У меня есть двоюродные братики, но они живут очень далеко.

– А давай я буду тебе братиком, – вдруг предложил Гена, – а ты мне сестричкой. Хочешь?

– А можно? Мама, можно, чтобы Гена мне был как будто братик, а я ему – как будто сестричка?

– А почему нет? – улыбнулась Леночкина мама, – Будете названными братом и сестрой. Очень даже хорошо.

– И в садике можно будет сказать?

– И в садике можно. Будете заботиться друг о друге, помогать друг дружке, не давать в обиду – все поверят, что вы брат и сестра.

– Ну, сынок, пора и честь знать. – Светлана взяла сына за руку. – Попрощайся с сестричкой. Завтра вместе в садик пойдете, там за день вдоволь наиграетесь.

Так закончился этот замечательный день – самый лучший день в жизни Гены.

От пережитого волнения мальчик долго не мог заснуть. А когда уснул, ему приснился страшный сон. Будто он ма-

шинист поезда и его поезд несется через длинный-длинный тоннель. Вот он вылетает из тоннеля на свет, и Гена видит Леночку. Она стоит близко, совсем близко от рельсов и машет ему рукой. А он силится крикнуть, чтобы она отошла подальше, но не может. От ужаса, что сейчас поезд ее сшибет, он проснулся.

Как хорошо, что это только сон, подумал Гена. Наверно, он означает, что я должен ее беречь. Я никому не дам ее в обиду – никому, никогда.

И с этой мыслью он снова уснул.

Глава 14. В детском саду

– Вставай, сынок, в садик опоздаешь! – услышал Гена, но не пошевелился. Сон теплым облаком обволакивал его, и из него никак не хотелось выныривать. Скажу, что заболел, подумал мальчик, что голова болит и нос не дышит. Может, пожалеют.

– Гена, пора! – опять пропел мамин голос. – Вставай! Леночка, наверно, уже встала, а ты все лежишь.

Леночка! Сон как рукой сняло. Гена вскочил и на одной ножке попрыгал в ванную комнату. Широко раскрыв глаза, бабушка изумленно наблюдала, как ее обычно сонный и вялый по утрам внук мгновенно умылся, оделся и без фокусов слопал завтрак. Не прошло и четверти часа, как он объявил: – Я готов! Пошли за Леной.

– Доброе утро! Заходите, – приветствовала их мама Лены. – Дочка уже ждет вас. Леночка, за тобой пришли.

Увидев свою названую сестричку, Гена только и сказал: «Ох ты!». Других слов, чтобы выразить свое восхищение, он не нашел.

И действительно, его подружка выглядела ослепительно. На ней было голубое платье, вышитое бисером, ее золотистые локоны были схвачены невиданной красоты заколкой в виде букетика цветов на длинных стебельках. Свободно свисающие с головки цветы были похожи на настоящие, только

в серединке каждого блестела золотая бусинка. Ее наряд дополняли голубые с вышивкой гольфы и лакированные синие туфельки с серебряными застежками. Нет, такой нарядной девочки Гена еще никогда не видел.

– Как я тебе нравлюсь? – Леночка развела двумя пальчиками юбочку, встала на носочки и повернулась вокруг своей оси.

– Ты похожа на принцессу, – признал Гена. – Но зачем ты так нарядилась? Сегодня же не праздник.

– Я хотела деткам понравиться. А что, не надо?

– Нет, ничего. Только... только у нас есть такие противные мальчишки. И девчонки тоже. Будут к тебе приставать.

– А как они пристают?

– Ну... по-всякому. Но ты не бойся – я тебя защищу. Я же твой брат.

– Гена, не пугай девочку. Леночка, не слушай его, у нас все детки хорошие. – Светлана укоризненно посмотрела на сына.

Но Гена знал, что говорил. В их группе были очень вредные мальчишки. Они могли ни за что ударить, толкнуть или подставить ножку. Или стул из-под тебя выдернуть, когда садишься. А некоторые девчонки так щипались, что оставались синяки! Причем делали они это исподтишка или когда в группе не было никого из взрослых. Правда, Гену никто особенно не обижал, потому что боялись его маму. Но другим деткам доставалось от них изрядно.

Как-то они отнесутся к его сестричке? Гене было страшно даже подумать, что ее может кто-нибудь ударить или ущипнуть. Но кто? Олень – так прозвали Сашеньку Оленина – занят Ирочкой Соколовой и не отходит от нее. Со Славкой Гусевым он – Гена – справится легко. Вася Репкин девочек не обижает. А вот Венька Ходаков – этот да! Этот никому проходу не дает. Придется драться.

Гена не любил драться. Во-первых, больно. Во-вторых, если ему попадали по носу – а по нему попадали всегда, – из него обильно шла кровь, и ее очень трудно было остановить. Поэтому он предпочитал отступить, чем вступить в драку. Но если будет надо! Он шумно втянул воздух и засучил рукава. Пусть только попробуют.

Детский сад находился за углом. Оставив Гену и Лену в группе, Светлана пошла к директору. И началось!

Девочки, сбившись в шумную толпу, стали разглядывать новенькую и обсуждать ее наряд. А вот мальчишки! Мальчишки просто пошли на Леночку стеной.

Забившись в угол, девочка испуганно смотрела на них.

Этого Гена стерпеть не мог. Он загородил собой Лену и выставил вперед кулаки.

– А ну отойдите! Это моя сестра! – грозно выкрикнул он. – Кто ее тронет, убью!

– Подумаешь, цаца! – Венька скорчил рожу и показал язык. – А ну сам отойди, а то в глаз получишь!

– Не отойду! Только тронь, попробуй! – Гена почувство-

вал, как в нем закипает холодная ярость, наполняя все его существо. Он вдруг совсем перестал бояться. При мысли, что сейчас на его подружку может напасть эта толпа, весь страх куда-то испарился. Гена приготовился к бою.

Видно, что-то такое было в его глазах, из-за чего мальчики сразу отступили назад. И только Венька, который не мог допустить своего поражения при всех, кинулся на Гену. Они сцепились и покатались по полу.

Вдруг Венька заорал как резаный и схватился за ухо.

– Он меня укусил, укусил! – вопил он. На его пальцах была кровь.

Гена стукнул его еще пару раз для порядка и встал.

– Ну, кто еще хочет получить? – грозно спросил он.

Больше желающих не нашлось.

Тут инициативу взяла на себя Лена. Она вышла на середину комнаты и добрым-добрым голосом, как ее учила мама, сказала:

– Мальчики и девочки! Меня зовут Лена Туржанская. Я приехала из Ленинграда. Я так нарядилась, чтобы вам понравиться. Я хочу со всеми дружить. Не надо драться, пожалуйста. Давайте лучше играть в «ручеек». Мы так во дворе играли. Это очень весело! А ты, Веня, помочи холодной водичкой ушко, и кровь перестанет идти. Ты сам виноват – ты же первый начал. Давай я тебе ушко платочком вытру. Ну не плачь.

Когда воспитательница вошла в комнату, она не повери-

ла своим глазам. Вся самая шумная старшая группа, разбившись на пары, увлеченно играла в «ручеек». Правда, вначале чуть не произошел сбой. Дело в том, что, кроме Гены, Лену захотели выбирать и другие мальчики. Но Гена этого допустить не мог. Он снова и снова выбирал свою сестричку, из-за чего «ручеек» быстро пересох. Тогда Леночка объявила, что ее будут выбирать все по очереди, чтобы никому не было обидно. И игра возобновилась.

Так Гена изменил в группе свой статус. Теперь он сам мог назначать, кому сидеть за их с Леной столом – на правах брата. Потому что с ними захотели сидеть все мальчики, даже Сашенька. Но Гена остановил свой выбор на Васе Репкине. Во-первых, Вася был толстым и, значит, не очень привлекательным. Во-вторых, он девочек никогда не обижал, потому что был к ним равнодушен. Четвертой к ним за стол Гена пригласил Маринку Башкатову, живущую в соседнем подъезде. Маринка тоже была очень хорошенькая – хотя, конечно, с Леночкой ни в какое сравнение не шла.

Будем вместе ходить домой, решил Гена. Он представил, как идет между двумя красивыми девочками, держась с ними за ручки, как ходят Сашенька с Ирочкой. И эта картина ему очень понравилась.

Гена вдруг почувствовал, что со вчерашнего дня сильно изменился. Еще вчера он был маленьким плаксивым мальчиком, нуждавшимся в защите мамы и бабушки. А сегодня сам стал защитником замечательной девочки, красивее ко-

торой, наверно, нет на свете. И эта девочка сама его выбрала, назвала братиком. Значит, он этого достоин.

Вот только если б не нос. Из него постоянно выглядывала предательская сопля, которую приходилось все втягивать и втягивать. А из-за того что он дышал ртом, у него сохли губы, поэтому их надо было все время облизывать. Ну кому это понравится? Особенно во время еды.

Тут Лена будто прочла его мысли.

– Гена, хочешь, я покажу, что нужно делать, чтобы носик прошел? Меня доктор в Ленинграде научила.

– Покажи, – попросил Гена. Да она просто волшебница, эта девочка. Неужели можно избавиться от этого ужасного насморка?

– Надо делать так. Потри сильно-сильно пальчиками вот здесь. – Лена прикоснулась к крыльям его носа. – А потом вот здесь. – Она показала на переносицу. – Три, три и считай до десяти. Ты умеешь считать до десяти?

– М-м-м, – ответил Гена. Немножко считать он умел, но вот до десяти...

– Ну повтори: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

– Раз, два, три, – послушно начал Гена, – четыре, пять... – Дальше он сбился.

– Давай еще раз, – терпеливо сказала Леночка, – повторяй за мной: шесть, семь, восемь...

С третьей попытки у Гены получилось. Но после того как

он под этот счет потер там, где показала Лена, ему неудержимо захотелось чихнуть. Еле успел достать носовой платок.

– Ты неправильно сморкаешься, – укорила его девочка. – Надо сначала закрыть один носик, а в другой сморкнуть, а потом их поменять.

– Но у меня всего один носик, – робко возразил Гена.

– Ой, я не так сказала! – засмеялась она. – Не носик, а дырочку. Ты попробуй.

Он попробовал. И правда, из носа с шумом вылетел густой комок и сразу стало легче дышать. Он попробовал высморкаться еще. Нос прочистился. Гена теперь мог дышать с закрытым ртом.

– Ты так три почаще, и твой носик пройдет. А если горлышко заболит, надо потереть там, где гланды. – И Леночка показала, где.

– Тебе надо быть доктором, – решил Гена, – ты бы всех хорошо лечила. Ты такая добрая! У нас в садике дети часто болеют. Давай и их научим этому?

– Давай, – согласилась Леночка. – Только я не доктором хочу быть, когда вырасту. Я хочу быть, как мама, математиком. Это так интересно! Интереснее всего на свете.

– Кем-кем?

– Математиком. Это такая наука. Я тебе про нее книжки покажу. Они у меня дома.

Теперь, как только Гена чувствовал, что у него начинает закладываться нос, он тер места, показанные Леночкой, и нос

откладывало. А после того как нос погрели в поликлинике, из него перестало течь совсем.

Глава 15. Бой местного значения

Уверившись, что дружба внука с соседской девочкой пошла тому на пользу, Людмила Ивановна смягчилась и позволила Гене пригласить Леночку в гости. Ей самой было любопытно посмотреть на это маленькое чудо, так разительно изменившее их вечно хнычущего, избалованного мальчугана.

Леночка произвела на нее неизгладимое впечатление. Сначала она вежливо поздоровалась. Потом рассказала, какой Гена смелый и умный. Потом, когда их пригласили за стол, она только взглянула на ее внука, и тот без всякого напоминания побежал вместе с сестричкой мыть руки. А раньше-то?

Но когда Гена с помощью ножа разрезал котлетку и, держа вилку в левой руке, стал есть, отправляя в рот по маленькому кусочку, а не как прежде – по две котлеты сразу, она была сражена окончательно. Леночка завоевала ее сердце прочно и навсегда.

Отныне стоило ее внуку сказать: «Я у Лены», – вопросов больше не возникало. И потому он дома почти не бывал. Теперь Гена был занят архиважным делом – он учился читать. Ну как пережить, что Лена уже прочла множество книг, а он до сих пор ни одной? Он должен, должен прочесть больше, чем она. Ведь он мужчина. Ему стыдно отставать от девочки. Так говорила его мама – и тут он был с ней полностью

согласен.

Не прошло и двух недель, как Гена одолел букварь. Потом он сам прочел свою первую книжку под названием «Мой додыр». Затем пришел черед книг потолще.

До школы у них был еще целый год. Правда, Леночка полностью одолела программу первого класса – а по математике так далеко ушла вперед, что трудно было даже представить, где она сейчас находится. Но из-за слабого здоровья Ольга решила не отдавать дочку в школу этой осенью. Пусть походит еще в садик, окрепнет, привыкнет к детскому коллективу – а через год можно и в школу.

Леночка знала много разных игр и всегда была заводилой. Она умела мирить самых заядлых драчунов. Этому ее научила мама.

– В каждом мальчике и девочке, – внушала дочери Ольга, – обязательно есть что-то хорошее. За это их надо почаще хвалить при всех. Главное – уметь это хорошее увидеть. Для этого надо присмотреться к своим товарищам. И запомнить хорошее в них, чтобы при удобном случае сказать об этом ребятам. Не бойся хвалить – пусть слышат все. Справедливая похвала еще никого не сделала зазнайкой. А вот недовольство высказывай только наедине, чтоб остальные детки не слышали. Понятно, почему?

– Да. Чтобы ему не было обидно. Мама, а что мне делать, если Ирочка Соколова меня все время толкает? Гена уже пригрозил: если она меня еще раз толкнет, то он ей так даст!

А я не хочу, чтобы он ее бил.

– А ты не догадываешься, почему она так к тебе относится?

– Догадываюсь. Раньше Саша Оленин с ней все время ходил, а теперь он все больше со мной играет и в ручеек только меня выбирает.

– То, что испытывает Ирочка, называется ревностью. Это очень тяжелое чувство. Ей обидно, что раньше он с ней дружил, а теперь к тебе тянется. Тут есть только один выход: принять ее в вашу компанию, подружиться с ней.

– А как, если она на меня и смотреть не хочет? Все время злится. И язык показывает.

– А ты похвали ее за что-нибудь. Ведь есть же в ней что-нибудь хорошее? Или выбери ее сама в ручеек.

– Может, лучше сказать Саше, чтобы он ее почаще выбирал?

– Тоже правильно. Только смотри, чтоб она не слышала. И похвалить при всех не забудь. За что ее можно похвалить?

– У нее очень красивые волосы. Такие коричневые, закрученные и блестят. И вообще она на шоколадку похожа.

– Вот и скажи ей это при удобном случае. А что она умеет делать?

– Она умеет? – Лена задумалась. – Она длиннее всех язык умеет высовывать. А еще – ей очень Сашенька Оленин нравится. Он такой хорошенький – беленький-беленький и глазки у него голубые-голубые, а щечки розовые-розовые. И куд-

рвяенький. Он всем девочкам нравится.

– А тебе?

– Мне? Нет, так он мне не нравится. Но я к нему хорошо отношусь. Как к другим. Даже Веня мне стал нравится. Знаешь, он умеет стоять на голове. И так смешно кукарекает, как настоящий петушок.

– А как это – так нравится?

– Ну мам, ну что ты – не понимаешь? Как мальчик девочке.

– А тебе кто так нравится?

– Так – мне пока никто. Я со всеми дружу.

– А как у тебя с Геной?

– О, Гена! Гена мне брат. Он за меня горой. Он от меня ни на шаг не отходит.

– А к другим мальчикам он тебя не ревнует? Не сердится, когда ты с ними играешь или разговариваешь?

– Есть немножко. Но я же и так все время с ним. И в садике, и дома.

Конечно, хорошо, что у дочки такой преданный друг и защитник, думала Ольга. Но не стал бы он со временем считать Леночку своей исключительной собственностью. Ни на шаг не отходит – хорошо ли это? Надо же – такие крохи, а у них уже проблемы в отношениях. А что дальше будет?

– Когда же это нам мальчишки стали *так* нравиться? – попыталась вспомнить она. – Где-то в седьмом или восьмом классе, значит, нам было по пятнадцать-шестнадцать лет. А

этим всего-то по шесть-семь. Н-да!

Все чаще, приходя к Лене, Гена стал заставлять у нее Маринку Башкатову. Обычно девочки с увлечением играли в куклы, коих у Леночки было великое множество. Сначала мальчику это не нравилось. Чем играть в куклы, лучше бы она с ним занялась арифметикой. И Башкатова эта вечно лезет в их разговор. Он долго терпел присутствие Маринки, но однажды не выдержал.

– Лен, чего эта Башкатова вечно у тебя торчит? Из-за нее ты занятия со мной совсем забросила. Обещала научить примеры решать, а сама? Все в куклы да в куклы.

– А ты таблицу умножения выучил? Вот видишь! Какие примеры, если ты до сих пор умножать не умеешь? Тебе уже семь лет, а ты таблицы умножения не знаешь.

– Но, Лена, другие у нас в группе еще считать до десяти не научились. А я уже и складываю, и вычитаю.

– А ты на других не кивай! При чем здесь другие? Раз ты умный, значит, учи. А Марина хорошая девочка. Мне с ней интересно. Знаешь, какие она ужастики умеет рассказывать!

Леночка сделала «страшные» глаза и низким, с завыванием, голосом произнесла:

– В одном черном-черном лесу стоял черный-черный дом. В этом черном-черном доме стоял черный-черный гроб...

– Ой, не надо, не надо! – Гена закрыл ей рот ладошкой. – Я не люблю ужастики. Не боюсь, но просто не люблю. Ладно, пусть она приходит, раз тебе так хочется. Но обо мне не

забывай!

– Как же я о тебе забуду, – засмеялась Лена, – если ты с утра до вечера передо мной? Я буду игрушки убирать, а ты учи умножение на пять. Пока не выучишь, играть не будем. И повтори то, что раньше выучил.

Так они стали дружить втроем. Утром втроем шли в садик, вечером втроем шли из садика. И во дворе тоже гуляли вместе. Борька куда-то делся, и Гена совсем потерял прежний страх. И, как оказалось, зря.

Почему-то все плохое случается внезапно, когда его меньше всего ждешь. В тот день заведующая попросила Светлану задержаться после работы в связи с ее уходом в декретный отпуск. Поэтому Светлана разрешила детям после смены самим идти домой. А чего бояться? Дом за углом, дорогу переходить не надо.

Держась за руки и весело болтая, дружная троица вошла во двор. И тут...

– О-о-о, кого я вижу! – Борька-верзила, расставив ноги и подперев руками бока, стоял посреди двора. – Сопливый Геночка собственной персоной. Давненько я о тебя кулаки не чесал. А это кто с тобой? Ух, ты, какая куколка!

– Я не куколка, я девочка. Меня Леной зовут. – Леночка без страха смотрела на Борьку.

– Да что ты говоришь? А вот я сейчас пощупаю – настоящая ты или резиновая.

И Борька, схватив ее за руку, потянул к себе.

– Не трожь ее! Это моя сестра! – Чувствуя уже знакомый холодок в груди, Гена коршуном бросился на хулигана.

– Ах, ты, шмакодявка!

Напоровшись на Борькин кулак, мальчик кубарем покатился по асфальту. Кровь хлынула у него из носа и потемнело в глазах. Но Гена, не чувствуя боли, мгновенно вскочил на ноги и снова кинулся в атаку.

Укусить! Укусить его до крови, где побольнее!

И, воспользовавшись тем, что Марина с Леной повисли на Борькиной левой руке, из-за чего тот нагнулся, пытаясь их стряхнуть, Гена подпрыгнул и вцепился Борьке в нос, колотя обоими кулаками с зажатой в них землей по его глазам.

– А-а-а! – завопил гроза окрестных малышей. – Ты что, гаденыш, делаешь? Убью урода!

Его светлая рубаша мигом окрасилась кровью, обильно текшей из носа Гены. Из-за попавшей в глаза земли он не мог их открыть и даже потерять, поскольку на обеих руках висели малыши. Наконец на их дружный визг из дома выскочили взрослые.

– Что здесь происходит? Что же ты, подонок, делаешь? – Людмила Ивановна, увидев внука, перепачканного кровью, бросилась к ним с криком: – Вызывайте милицию! Сколько этот мерзавец будет над детьми измываться?

Милиция явилась быстро. Плачущего, с зажмуренными глазами, Борьку увели. Он клялся и божился, что Гена напал на него первым, но ему никто, конечно, не верил.

В милиции Борьке промыли глаза и продержали до вечера, пока за ним не пришел отец. Отца предупредили, что если на сына поступит еще хоть одна жалоба, его упекут в колонию для малолетних преступников.

Выпоротого Борьку отец привел домой к Гене извиняться. И хотя Гена ни на секунду не поверил Борькиным извинениям, он кивнул головой в знак прощения. Но про себя решил:

«Все! Надо учиться драться по-настоящему. Все равно Леночке проходу давать не будут. Не Борька, так кто-нибудь другой. Надо достать книги про борьбу. А к маме приставать, чтоб записала в какую-нибудь секцию, где учат драться. Приставать до тех пор, пока не запишет. Ведь есть же где-нибудь секция, где не берут деньги? Не может быть, чтобы не было».

И такая секция нашлась – при Дворце пионеров. Когда Гена объяснил тренеру, что должен научиться драться, чтобы защищать свою сестренку и других девочек от хулиганов, его зачислили в порядке исключения. А Борька теперь, едва завидев Гену, только издали грозил кулаком и ругался матом, но подходить не решался. Кому же охота в колонию?

Глава 16. Первые трудности

Заведующий кафедрой математики Александр Александрович Паршиков, сидя у себя в кабинете, нервно постукивал карандашом по столу. Вот уже минут сорок он переживал внутреннюю борьбу и никак не мог прийти к окончательному решению: что предпринять. Сразу съесть новоявленного профессора или, действуя постепенно, вымотать ей нервы так, чтобы сама захотела уйти.

Когда он познакомился с Ольгой Туржанской, все его худшие опасения подтвердились. Умна, хороша собой, держится уверенно.

Вот невезуха! Столько лет он стремился к этой должности, столько врагов одолел – и внутренних, и внешних. Он помнил, как одновременно с ним заявление на конкурс подал доктор наук из университета. Как дружно кафедра провалила этого доктора. И ведь тогда обошлось. Правда, внутри самой кафедры нашлись и другие претенденты на должность заведующего, считавшие, что имеют на нее не меньше прав, чем он.

Они дрались, как пауки в банке. Сколько пришлось собрать компромата, сколько написать анонимок!

И вот теперь через год все может рухнуть из-за какой-то пришедшей бабы. Через год ему переизбираться. В том, что она будет претендовать на его должность, он не сомневался. Про-

фессор же – ей и карты в руки. Он на ее месте по трупам бы пошел. Как уже шел однажды.

И ведь ее изберут. Вон у нее трудов сколько – и научных, и методических. А у него – кот наплакал. Да и кому она здесь нужна – эта наука?

Но она-то будет ею продолжать заниматься. И им из-за этого не будет покоя – ректор сожрет. Он и так в последнее время что-то стал слишком многого требовать – и чтоб качество знаний подняли, и чтоб науку двигали, да с публикациями в центральной печати. И чтоб методическая работа велась не от случая к случаю, а постоянно. Отчеты ему подавай.

Но что же предпринять? Сразу съезды, похоже, не удастся. У нее за спиной мощная поддержка – он уже убедился в этом. Значит, нужно время. А его в обрез. За этот год, лучше за полгода, ее обязательно надо «уйти».

Слезами горю не поможешь, решил, наконец, заведующий, пора выработать план действий.

– Верочка, – позвонил он секретарше. – Щадринского, Матусевича и Тихонову ко мне.

Когда вся троица во главе с парторгом кафедры Марией Тихоновой явилась пред его светлые очи, заведующий, кратко изложив им суть проблемы, попросил высказать свои предложения.

– Пробную лекцию ей завалить, – сразу выдал Щадринский. – В первый раз, что ли? Мало мы душили?

– А если ректор придет?

– А что он в этом понимает? Скажем: здесь неграмотно, тут методически неверно, там нерационально. Запишем решение кафедры: лекция прочитана на недостаточном методическом и научном уровне – звучит? Что, наши не проголосуют, что ли?

– Хорошо. Это сделаем. Еще?

– А ты потом пару раз сходи к ней на другие лекции, вроде как с проверкой – выполнила она рекомендации кафедры или нет. И запиши, что не выполнила. Пусть подергается.

– Это само собой. Какие еще есть предложения? Вы думайте, думайте. Станет она заведующей – вам всем туго придется.

– В ее группах надо найти своих студентов, сам понимаешь, кого. И дать им задание: пусть записывают все ее оговорки и промахи. До сессии собирать, а потом на заседании кафедры обсудить и осудить. Сделать письменное предупреждение с занесением в протокол. А осенью повторить. Вот уже и вывод о служебном несоответствии.

– Хорошая мысль. Молодец, Игорь! А вы что молчите? – напустился он на Матусевича и Тихонову. – Вас это не касается? Изберут ее – вам всем труба.

– Говоришь, не замужем? – Матусевич почесал затылок. – А давайте ей Лисянского подсунем. Вдруг клюнет? А тогда его жене сообщим. Женька баба бешеная. Шуму будет! Бьюсь об заклад: сама сбежит, не выдержит.

– А Лисянский согласится?

– Для дела – а чего ж? Тем более она, говоришь, смазливая. А Гарик, сам знаешь, ни одной юбки не пропустит. И ни одна юбка к нему не останется равнодушной – красивый кобель. По крайней мере, до сих пор таких не находилось.

– Все это хорошо, но мелко. Надо бы что-то придумать покрупному. Чтоб ее сразу так шарахнуть! Чтоб уже не очухалась.

– Не выйдет. Ничего ты с ней сразу не сделаешь. Не забывай, кто она и кто за ней. Бьюсь об заклад, о ней ректору уже все уши прожужжали. Нет, здесь надо действовать аккуратно. Ничего, мы ее постепенно дождем.

– Маша, а ты что предлагаешь?

– А я подговорю наших создать вокруг нее вакуум. Никакой поддержки, никакого общения – полная отчужденность. Пусть поймет, что она здесь никому не нужна. Это, знаешь, очень действует на нервы.

– Хорошо. Ваши предложения принимаю. Идите и приступайте. Открытую лекцию ей назначу на следующей неделе.

– Ты выбери тему покруче. Чтобы наши олухи ничего не поняли.

– Это само собой. Ну, идите, а то мне на совет пора.

Разговор с заведующим кафедрой надолго испортил Ольге настроение. Внутренне она была готова к тому, что ее ничего хорошего не ждет, – ведь знала, как ее избирали. Но

чтобы такая откровенная неприязнь – этого она, признаться, не ожидала.

Нет, он был, конечно, вежлив, предложил сесть, расспросил, как устроилась, как настроение. Но когда Ольга попыталась рассказать ему о планируемой ею учебной, методической и научной работе, он все с ходу отмел, даже не вникая в суть ее предложений.

Дополнительные консультации? Зачем это? У студентов и так мало времени – у них ведь не одна математика. Тесты для выявления пробелов? Опытный преподаватель сам знает, где студенты плавают. Методички в помощь отстающим? А мы свои разрабатываем – нам ваши не подходят. Научная работа? У кафедры другие научные интересы. А вы, Ольга Дмитриевна, готовьтесь к пробной лекции – у нас так положено. Ну и что же, что у вас большой опыт чтения лекций. То у вас, а то у нас. Подберите тему и сообщите ее мне сегодня же.

Но когда Ольга через полчаса принесла ему название темы, он на нее и не взглянул.

– Открытой будет другая лекция, – заявил заведующий, – мне хотелось бы знать, как вы изложите вот этот материал. Учтите: ваш поток слабый, с зимней сессии осталась масса двоек. Многие до сих пор не пересдали. Теперь вам придется принимать у них переэкзаменовку.

Ага, прими, прими у них экзамен, злорадно подумал он. Ты, видать, добренькая. А я потом проверю, что у них в го-

лове осталось. И выдам тебе по первое число.

– Но вы же отвергаете дополнительные консультации, – удивилась Ольга, – как же их подготовить к переэкзаменовке? Уже летняя сессия скоро. Если не усвоен материал первого семестра, они же не справятся с новым. Им срочно нужна помощь.

– Пусть сами готовятся. Нечего лекции пропускать да спать на них. А не могут – пусть репетиторов нанимают. Никто с ними носиться не обязан. Все, кончаем этот разговор. Идите и готовьтесь к открытой лекции.

– Только один вопрос, – задержала его Ольга. – Вы, конечно, знаете, что эту теорему можно доказать двумя способами. Первый подлиннее, но зато понятен даже слабым студентам. Второй короче, но более красив. Правда, поймут его только те, кто хорошо знает основы школьного курса. Посоветуйте, какой способ мне применить на лекции, – вы же лучше знаете своих студентов.

– Думаю, второй способ предпочтительнее, – ответил заведующий, – во-первых, он короче, во-вторых, пусть приучаются думать. Не обязательно, чтобы все было понятно. Пусть поломают голову – это полезно.

– Вам виднее, – согласилась Ольга, – последую вашему совету.

Со студентами своего потока она уже познакомилась на практических занятиях – в процессе решения задач. Математику они знали значительно хуже, чем ее ленинградские

студенты. Протестировав их по своей методике, Ольга выявила наиболее уязвимые места в их знаниях – таких мест оказалось катастрофически много.

Как же они могут понимать лекционный материал? – поражалась Ольга. – Им нужен срочный ликбез! И его надо было организовать еще в первом семестре. А мне заведующий кафедрой запрещает проводить консультации. И ведь это его курс, он же знает – не может не знать о положении дел. Как его понимать? – ума не приложу.

Она сидела в преподавательской предаваясь невеселым размышлениям. Здесь и застал ее звонок секретаря Ученого совета.

– Ольга Дмитриевна, вам как профессору положено принимать участие в заседаниях совета вместе с заведующим кафедрой. Разве он вас не предупредил?

– Нет. Он меня приглашал, но только чтобы объявить об открытой лекции.

– Странно. Я же ему напоминал. Будьте добры немедленно явиться в большую лекционную аудиторию.

Когда Ольга, запыхавшись, прибежала туда, совет уже начался. Выступал ректор. Он очень эмоционально поведал присутствующим о тяжелой ситуации с учебной работой студентов младших курсов. Куча «хвостов» еще с зимней сессии, множество задолженностей по лабораторным работам, массовые пропуски лекций. А всего через полтора месяца – летняя сессия.

– Я еще понимаю, когда студенты получают двойки на экзамене по математическому анализу! – возмутился ректор. – Там надо уметь думать. Но почему столько двоек по истории партии?

– Вы хотите сказать, что на моем предмете думать не надо? – возмутился заведующий кафедрой научного коммунизма.

– Нет-нет! – испуганно возразил ректор. – Я только хотел сказать, что на математике надо соображать.

– А у меня что, соображать не надо? – взвился историк под дружный хохот совета.

– Смейтесь-смейтесь – как бы плакать не пришлось! – Ректор горестно махнул рукой и, собрав листки с цифрами, передал слово проректору по учебной работе.

Теперь объясняясь с этим заядлым коммунистом на партсобрании, огорченно подумал он и вдруг обозлился: а чего в самом деле? Тридцать двоек по истории партии. Подумаешь, какой сложный предмет. Вызубрить даты и решения партсъездов – и все дела. Нет, все принципиальными себя показывают. Вот он, ректор, тоже покажет себя принципиальным. Вкатает выговор заведующим самых «хвостатых» кафедр и назначит окончательный срок ликвидации задолженностей. И пусть попробуют их не ликвидировать.

Особенно негодовал ректор на математиков. Вроде и конкурс был неплохой – три человека на место. А набор опять – хуже некуда. Конечно, он нажмет – тройки всем поставят,

куда они денутся. А что потом? Потом спецкафедры будут за головы хвататься. Как учить таких студентов, если они интегрировать не умеют и в теории вероятности ни бум-бум? Ведь математика – язык всех технических наук.

Он вспомнил, как в свое время изучал этот предмет. Тех, кто не знал наизусть таблицы пределов, производных и основных теорем, их доцент не допускал не то что к экзамену – к зачету. И конкурс тогда был не больше, чем теперь. Но таких «темных», как нынешние, у них в потоке вообще не было.

Причины резкого ухудшения знаний у выпускников школ ректору, конечно, были известны. Много лет подряд педагогические вузы страны при приеме отдавали предпочтение ребятам из сельских школ и семей рабочих – или отслужившим в армии. Льготы имели также те, кто имел двухлетний рабочий стаж. Им было достаточно получить на вступительных экзаменах одни тройки, чтобы быть зачисленными. А городские абитуриенты из семей служащих, сдав экзамены на четверки и пятерки, зачастую оказывались за бортом вуза. В итоге поступали в педвузы в основном бывшие троечники и двоечники. Надежды на то, что они, познавшие трудности, будут активно стремиться к вершинам знаний, не оправдывались. Бывший слабый ученик становился плохим учителем.

Может быть, для будущих педагогов некоторых гуманитарных дисциплин такой подход и имел смысл. Но приме-

нительно к математикам и физикам подобная практика привела к катастрофическим последствиям. Ведь выпускники педвузов обязаны были работать только в школе – больше нигде. Любой начальник отдела кадров, принявший молодого педагога на работу, рисковал своей должностью. И все эти педагоги, зачастую сами не умеющие решать задачи из школьных задачников, заполнили школы – и принялись учить детей наукам, без знания которых немислим технический прогресс ни в одной стране мира. Все будущие техногенные катастрофы, крупнейшие аварии, отставание от ведущих стран мира были обусловлены этим ошибочным подходом к набору абитуриентов на наукоемкие факультеты.

А теперь подошло время поступления в вузы уже учеников этих, с позволения сказать, учителей – что и дало такое резкое снижение качества знаний у первокурсников.

Но ведь нельзя сидеть сложа руки, ссылаясь на объективные причины. Надо же что-то делать. Надо совершенствовать систему набора, отбирать лучших – ведь теперь, слава богу, почти все льготы отменены. Даже медалисты сдают экзамен. Правда, только один, но в их вузе это математика. Надо сделать подкурсы более эффективными. Надо начинать работать с отстающими с первых дней учебы, организовать систематические консультации, разрабатывать новые методики. Почему спит заведующий? Для чего взяли на кафедру профессора? Разве не для этого?

– А вы знаете, коллеги, – обратился он к аудитории по

окончании доклада проректора, – что наш новый профессор кафедры математики умеет отлично работать с двоечниками. Дадим ей слово – пусть изложит свою точку зрения на выход из нынешнего плачевного положения.

– Вообще-то я не готовилась к выступлению, – растерялась Ольга. – У меня, конечно, есть мысли о том, что и как надо делать. Я поделилась ими с заведующим кафедрой, но он, к сожалению, их не одобрил.

– А вы поделитесь с нами, – настаивал ректор, – с вашим заведующим мы потом обсудим, что его не устраивает в ваших предложениях.

Паршиков позеленел. В голосе ректора, прозвучавшем столь многообещающе, он не услышал для себя ничего хорошего. Вот стерва! Ну кто ее за язык тянул? Черт, он совсем забыл, что она тоже член совета. Вернее, даже не забыл, а понадеялся, что обойдется. Ну не пришла и не пришла. Кто ж знал, что этот настырный секретарь найдет-таки ее. Теперь начнется.

Все его худшие ожидания оправдались сполна. Конечно, Туржанская рассказала о проведенном ею тестировании студентов. Все-таки провела вопреки его запрету. Ну погоди! О катастрофическом положении в его бывшем потоке. О необходимости принятия срочных мер. О предлагаемых ею консультациях, которые следует организовать с привлечением всего преподавательского состава. Поделилась опытом проведения вступительных экзаменов в ленинградском вузе. По

ее словам, все блатные дела они свели у себя практически на нет.

От ее предложений ректор пришел в восторг.

– Я лично поручаю вам, Ольга Дмитриевна, – с воодушевлением заявил он, – внедрить вашу систему приема экзаменов в нашем институте. Назначаю вас председателем экзаменационной комиссии. Прошу вас и заведующего кафедрой математики завтра в 15 часов ко мне в кабинет.

Услышав все это, Александр Александрович впал в глубокое уныние. Все мероприятия, по удалению Туржанской с кафедры, теряли всякий смысл. Поскольку они предпринимались, чтобы удержаться у власти, а власть ему нужна была в основном, чтобы держать прием абитуриентов под личным контролем. Ведь приемные экзамены – это золотой Клондайк для умных и предприимчивых людей.

Что ж, надо временно лечь на дно. Делать вид, что он полностью поддерживает все начинания профессора. Но компромат копить, копить – авось пригодится. И пусть дружная тройка соратников напрягается. А в случае чего, их можно будет подставить.

В заключение профессор Туржанская пригласила членов совета на свою открытую лекцию, чем окончательно добила Паршикова. Нет, до чего наглая баба! Ничего не боится. Что ж, посмотрим, как ты ее прочтешь.

Глава 17. Тучи сгущаются

Перед Ольгой была поставлена почти невыполнимая задача: прочесть понятно и доходчиво лекцию, в которой большая часть студентов не сможет ничего понять – по той простой причине, что не знает основ школьной математики и не усвоила материал первого семестра.

До лекции еще неделя. А сегодня в три часа у них встреча с ректором. Она решила послушать, что скажет Паршиков, что скажет ректор, а потом выдать им все, что думает. Правда, ректор может предоставить ей слово раньше, чем выскажется сам. Похоже, что он болеет за дело. Но как же он допустил такое в своем вузе?

Ее опасения оправдались – ректор предложил ей первой поделиться своим мнением о ситуации с успеваемостью на курсе. Когда Ольга рассказала о результатах проверки знаний у бывших студентов Паршикова, в кабинете повисло тяжелое молчание. Наконец ректор заговорил:

– Александр Александрович, чем вы объясните столь страшную картину? Ведь это катастрофа! Больше половины студентов фактически ничего не знают по вашему предмету. Их что, снова возвращать к началу первого курса?

– Ну... я думаю, Ольга Дмитриевна преувеличивает, – попытался выкрутиться Паршиков. – Дела обстоят не так уж плохо. Конечно, есть отстающие – я ей сам об этом говорил.

Но чтобы больше половины – это преувеличение.

– Вот, пожалуйста, Леонид Александрович. – Ольга положила перед ректором листки с ответами студентов, – судите сами. Практически никто из первокурсников не справился с простейшим заданием из материала первого семестра. Мне предстоит читать им лекцию, опираясь на этот материал, то есть на знания, которых нет. Вы же понимаете, что это пустая трата времени.

– Но мы можем отменить вам открытую лекцию, – пошел на попятную Паршиков, – раз вы так боитесь. Давайте ее отложим.

– Да при чем здесь открытая лекция! – взорвался ректор. – Вы что, в самом деле не понимаете, о чем речь? Если в вашем потоке так обстоят дела, то что в других? Что предлагаете, Ольга Дмитриевна? Можно хоть как-то поправить положение?

– Я предлагаю взглянуть правде в глаза, – твердо сказала Ольга, – и провести подобную проверку во всех потоках первого курса. Кстати, раз на первом курсе так плохо, то скорее всего и на втором положение не лучше. Но давайте начнем хотя бы с первого.

После анализа результатов проверки надо срочно выработать пожарные меры, вплоть до повторного чтения некоторых лекций из первого семестра. Организовать ежедневные консультации. Добиться, чтобы все студенты выучили основные теоремы и формулы, включая таблицы производ-

ных и интегралов. Как может студент решать задачи, если он не знает теоремы Пифагора? Это же абсурд!

Проверкой этих знаний должны заняться ассистенты – это их прямая задача. Пусть студенты учат теоремы и формулы в их присутствии – на практических занятиях. И не допускать к сессии, пока не выучат.

– А когда же задачи решать? – возразил ей Паршиков. План же надо выполнять.

– О каких задачах вы говорите? – возмутилась Ольга. – Я была на одном практическом занятии. Два часа преподаватель со студентом мучили одну задачу, а остальные ее списывали с доски. Что толку от такого решения? Одна видимость. Каждый студент должен иметь индивидуальное задание и решать его сам. И не одну задачу за занятие, а не менее четырех-пяти. И с десятков получать на дом. Но для этого надо разработать соответствующие методички с примерами решений и заданиями для самостоятельной работы.

– У вас есть подобные разработки? – поинтересовался ректор.

– Да, я пыталась показать их Александру Александровичу, но он сказал, что кафедра имеет свои.

– И много она их имеет? – голосом, не сулившим ничего хорошего, спросил ректор заведующего.

– Да нет, – замялся тот, – мы пока думаем над этим.

– Ну, мне картина ясна, – подвел итог ректор. – Ольга Дмитриевна, оставайтесь, а вы, Паршиков, свободны. Я край-

не разочарован вашей работой. Давно подозревал, что дела на кафедре не ахти, – но чтобы так плохо! Фактически работа развалена: ни учебы, ни методики, ни науки – ничего. Идите и ждите оргвыводов.

– Я полностью согласен со всеми вашими предложениями, – обратился ректор к Ольге, когда заведующий вышел. – Что вам нужно, Ольга Дмитриевна, для их реализации? Говорите, я все сделаю.

– Полномочия.

– Какие? Я ведь назначил вас ответственной за вступительные экзамены.

– Вы знаете какие, Леонид Александрович. Речь идет не только о вступительных экзаменах. Речь идет о самом процессе обучения студентов высшей математике – предмету, важнейшему для любой инженерной специальности. И речь идет о больших деньгах. Очень больших! Без необходимых полномочий я ничего не сделаю. Это просто опасно.

– Хорошо. Приказ подпишу сегодня же. Вы свободны. Кстати – как с открытой лекцией? Будете читать?

– Конечно. Я же совет пригласила. Обязательно буду.

Когда Ольга вышла из кабинета, в приемной увидела ожидавшего ее Паршикова.

– Кто вас за язык тянул с вашим тестированием? – напустился он на нее. – Что вы себе позволяете! Вы не у себя в Ленинграде! Кто вам дал право через голову заведующего кафедрой действовать? У нас принято сначала с непосред-

ственным начальником советоваться.

– Разве я с вами не советовалась? – спокойно ответила Ольга. – Вы же все отмели с ходу. Все мои предложения.

– Вот и надо было помалкивать! Лезете, куда вас не просят. Только явились, а уже начинаете свои порядки наводить. Скромности вам не хватает!

– Но позвольте! – Ольга возмутилась. – Кто вам дал право разговаривать со мной подобным тоном? Я что, о личном благополучии пекусь?

– Лучше бы вы о нем пеклись – больше пользы было бы! Что вам ректор наговорил без меня?

– Вот вы об этом его и спросите. Сами. Или потерпите до завтра, тогда узнаете.

Выпалив это, она выскочила в коридор, оставив Паршикова ломать голову над ее словами.

Но на этом неприятности не кончились. Когда Александр Александрович вернулся в свой кабинет, Верочка огорошила его сообщением, что завтра после занятий все члены кафедры должны собраться в преподавательской. Придет ректор и зачитает им какой-то приказ.

Определенно эта стерва знает, что за приказ, подумал заведующий, напрасно я с ней повздорил. Надо было сначала выяснить, в чем дело. Что же делать, что же делать?

Он пометался по аудиториям в поисках соратников, но те уже разошлись по домам. Лишь Верочка терпеливо дожидалась его распоряжений да уборщица грохотала ведрами, уби-

рая мусор, оставленный студентами.

«Эх, будь что будет! – решил Паршиков. – Завтра посмотрим. В конце концов, я ее начальник, а она моя подчиненная, – неужто не справлюсь? Не таких обламывали».

И с этими мыслями он поехал домой.

Глава 18. Крутые перемены

На следующий день после занятий кафедра в полном составе собралась в преподавательской. Стульев не хватило, и их пришлось приносить из аудитории.

Никто, кроме Ольги, не знал, зачем их собрали. Но Паршиков дал понять своим людям, что ей все известно, и потому кафедра с интересом поглядывала на Ольгу. А Гарик Лисянский, пытаясь приобнять ее, вкрадчиво спросил:

– Ну что, милочка, может, поделитесь тайной – зачем нас сюда согнали, как стадо на бойню? Что за новость большой пастух приготовил?

– Меня зовут Ольга Дмитриевна, – ответила она, уклоняясь от его ловких рук. – Да, я догадываюсь, зачем собрали кафедру. Но не скажу, поскольку на сто процентов не уверена. И даже если бы была уверена, все равно бы не сказала. Пусть ректор все сообщит сам. Потерпите немного.

Увидев ректора с проректором, кафедра притихла. Стало ясно, что дело нешуточное, – раз в бой выдвинуты такие силы. И тем не менее, сказанное ректором прозвучало как гром с ясного неба.

– За развал работы, крайне слабые знания студентов, многолетнее бездействие по части науки и методики, – грозно объявил ректор, – выношу Паршикову Александру Александровичу строгий выговор и отстраняю от должности заведу-

ющего кафедрой. Исполняющей обязанности заведующего назначаю профессора Туржанскую Ольгу Дмитриевну, приказ номер такой-то от вчерашнего числа.

В преподавательской воцарилась гробовая тишина. Кафедра потрясенно молчала. Наконец Паршиков не выдержал.

– Леонид Александрович! – начал он возмущенно, – почему же сразу отстранить? Обычно человеку делают выговор с предупреждением, дают время на исправление. А вы сразу – к высшей мере. Меня, между прочим, избрали по конкурсу. Я в суд подам.

– Не подадите, – уверенно ответил ректор, – я там кое-что расскажу про вас же. Мне преподаватели с других кафедр поведали. Надо было в прокуратуру заявить, да я вас тогда пожалел. И лишний шум институту ни к чему. Советую вам тихо закончить учебный год и подавать на конкурс в какой-нибудь другой вуз. Мешать не буду и характеристику нужную подпишу. Это все, что я могу для вас сделать.

А кафедре вот что скажу. Знание высшей математики у студентов – хуже некуда. Да вам и самим это известно лучше, чем мне. У Ольги Дмитриевны намечена целая программа по выводу кафедры из прорыва. Программа эта согласована со мной. Поэтому прошу неукоснительно выполнять все требования вашей новой заведующей. Вам слово, Ольга Дмитриевна.

– Всех доцентов, – Ольга сразу взяла быка за рога, – прошу

к завтрашнему дню подготовить по варианту контрольных работ – для проверки знаний студентов первых курсов по материалу обоих семестров.

Второе. Все преподаватели разрабатывают к вступительным экзаменам по десять билетов. В каждом – десять заданий. Завтра на Доске объявлений будет вывешен примерный вариант билета. Срок исполнения – неделя.

Третье. Прошу каждого обозначить мне область его научных интересов. Какие есть статьи, где и когда опубликованы. Чем хотел бы заниматься. Считаю, что преподаватель, не занимающийся научной работой, – это нонсенс, это человек с завязанными глазами, пытающийся вести за собой других. К завтрашнему дню на Доске объявлений я обозначу область своих научных интересов и всем желающим предлагаю к ним присоединиться.

Доцентов прошу в течение недели положить мне на стол билеты к летней сессии. Можно в рукописном виде. Можно прошлогодние. Да, еще. В ближайшую неделю я побываю у всех на занятиях, чтобы поближе познакомиться с вами как с преподавателями. Прошу отнестись к этому спокойно, как к рядовому рабочему моменту.

Это все. Какие будут вопросы?

Все молчали. В полной тишине ректор с проректором встали, пожелали кафедре успешной работы с новым руководителем и вышли. После их ухода один из ассистентов поднял руку:

– Ольга Дмитриевна, я готов подписаться под каждым вашим словом, хотя, конечно, это круто. Но вы у нас работаете меньше двух недель. Мы ничего о вас не знаем. Расскажите немного о себе.

– Хорошо. Я родом из Ленинграда. Мать – пенсионерка, живет там. Отец умер. Мой муж работал в милиции. Спасая ребенка, он погиб. У меня есть дочь, ей скоро семь лет. Из-за проблем с ее здоровьем я вынуждена была переехать в ваш город. Мне тридцать один год. Вот, пожалуй, и все. С моими методическими и научными трудами любой из вас может ознакомиться у меня в кабинете.

– Почему вы до сих пор не встали на партийный учет? – Тихонова решила показать свою власть. – Вы ведь должны были сделать это в трехдневный срок.

– Я беспартийная.

– Как? Вы не член партии? Как же вы будете руководить кафедрой? – растерялась Тихонова. «Как же я буду давить на тебя?» – подумала.

– Я уже ответила на ваш вопрос. Кстати, мой научный руководитель – член-корреспондент Академии наук – тоже беспартийный, что не мешает ему возглавлять целый коллектив.

– И вы не собираетесь подавать заявление о приеме в партию?

– Пока нет. Не вижу в этом необходимости. Считаю, что можно успешно работать, оставаясь беспартийной. Но наде-

уюсь на деловое сотрудничество с вами.

Еще есть вопросы? Если нет – все свободны. Кроме Паршикова. Александр Александрович, прошу вас в теперь уже мой кабинет – передать мне дела.

– А чего там передавать? Передавать особенно нечего. Занимайте, раз уж так сложилось.

Паршиков горестно махнул рукой, оделся, взял портфель и, не оглядываясь, вышел из кабинета, хозяином которого был без малого четыре года.

Проводив его, Ольга отправила Верочку в отдел кадров за личными делами сотрудников кафедры.

Сложив их в папку, она тоже направилась домой с твердым намерением не ложиться спать, пока не изучит все дела и не сделает необходимые выписки.

Не успела она пройти и полквартала, как возле нее притормозила вишневая «Лада».

– Ольга Дмитриевна! – окликнул ее голос Лисянского, – позвольте вас подбросить до дому, нам по пути.

– Ну, подбросить меня вам вряд ли удастся, – мрачно пошутила Ольга, – комплекция у вас не та, да и я не мячик. Благодарю, но мне недалеко.

– Но и не близко, – возразил Лисянский, – а вы, как я понимаю, с утра не были дома и работу с собой взяли. Садитесь, не упрямитесь – мне действительно в ту же сторону.

– А вам откуда известно, в какую мне сторону? – поинтересовалась Ольга, садясь в машину. Пусть подвезет, решила

она, есть ужас как хочется и Леночка, небось, заждалась.

– Так у меня в отделе кадров свои люди – они меня и про-светили. И насчет вашего адреса, и насчет личных дел. Кру-то начинаете, Ольга Дмитриевна. Вы что, действительно, хо-тите поломать систему приемных экзаменов?

– Обязательно!

– И зачем вам это нужно?

– То есть как зачем? Вы что, не поняли? Чтобы в наш ин-ститут поступали те, кто имеет знания, а не мохнатую ла-пу. Вам, Гарри Станиславович, не противно читать лекцию аудитории, половина которой ничего в ней не понимает? Вам не жаль своего времени и государственных денег?

– А почему мне должно быть противно? Вторая же поло-вина понимает. Пусть противно будет тем, кто спит на лекци-ях и прогуливает. Вы всерьез полагаете, что вам удастся что-то изменить? Да вы не представляете, каких могуществен-ных врагов себе наживете. Никакой ректор вас не спасет.

– Ничего, в Ленинграде справились и здесь справимся.

– Э нет, здесь вам не Ленинград, здесь провинция. А у нее свой закон – живи сам и не мешай жить другим.

– Гарри Станиславович, у вас есть дети? – спросила Ольга, теряя терпение.

– Есть дочь.

– Сколько ей лет?

– Скоро шестнадцать.

– Значит, у нее выпускной возраст, впереди вуз. Что она

будет чувствовать, о чем думать, если узнает, что родители за ее поступление заплатили деньги?

– Нормально будет себя чувствовать. А что здесь такого? Все платят.

– Неужели все?

– Ну, почти все. Если, конечно, их дети не круглые отличники и не вундеркинды. А моя не из таких. Найму ей в выпускном классе репетиторов из вуза, который она выберет, и подстрахую на экзаменах. И пусть знает, чего мне это стоило, – чтобы чувствовала ответственность.

– Нет, похоже, мы с вами говорим на разных языках, – вздохнула Ольга, – остановите машину, я уже приехала. Обещаю и клянусь, что ничего подобного в нашем вузе больше не будет. По крайней мере, пока я нахожусь на этом посту.

– Жаль! А я хотел вам предложить парочку учеников. Родители очень влиятельные люди. И богатые. На котик, под котик хватит, и еще останется.

– Спасибо, мне зарплаты достаточно. Больше не обращайтесь ко мне с подобными предложениями.

– Понял. На чашку чая не пригласите?

– Не приглашу. Думаю, вас жена заждалась. До свидания!

– До свидания, непреклонная женщина. А над моими словами все же подумайте.

И он уехал.

Нет, каков нахал, думала Ольга, поднимаясь по лестнице. Но в одном он прав – мне следует быть предельно осторож-

ной. И необходимо срочно найти сторонников. Надо изучить каждого: кто чем дышит, кто с кем дружит, вплоть до семейного положения и состояния здоровья.

– Мамочка, как ты поздно! Дядя Отар звонил, – встретила ее Леночка. Им недавно поставили телефон, и теперь девочка с радостью бежала на каждый звонок. – Алле! – важным голосом говорила она. – Вас слушают. Говорите, пожалуйста!

Ну совсем как мама.

– Отарик! – обрадовалась Ольга. – Что он сказал? Когда приедет? Как они там?

– Что бабушка, и тети, и он ждут нас летом в гости. Если приедем, то он к этому времени свой отпуск приурочит. Он спрашивал, когда нас ждать. Сказал, что еще позвонит. Мамочка, мы поедem?

– А тебе хочется?

– Очень, очень хочется! Я так по морю соскучилась! Так плавать хочется! В ванной ведь не поплаваешь. Ложусь на ковре на животик – и руками и ногами гребу, как будто плыву. Так хочется!

– Ну, раз так хочется, непременно поедem.

Глава 19. На подъеме

Посещение занятий произвело на Ольгу удручающее впечатление. На лекциях преподаватель зачастую был сам по себе, а студенты – сами по себе. Лектор что-то писал на доске, объясняя неизвестно что неизвестно кому, а в это время аудитория развлекалась как могла. На верхних рядах откровенно спали, читали или резались в карты – даже не стесняясь сидевшей рядом Ольги.

Пропуски занятий приняли повальный характер. Низкая требовательность деканатов, отсутствие проверки посещаемости, скука на лекциях в сочетании с солнечными днями начала мая и обилием праздников привели к тому, что в аудитории зачастую сидели менее трети первокурсников. И это на высшей математике – самом трудном, самом ответственном предмете. Чего уж говорить об остальных дисциплинах? У физиков количество задолженностей по лабораторным работам превысило все мыслимые пределы.

Впрочем, эта ситуация повторялась из года в год. Когда подходило время сессии, преподаватели закрывали глаза на прошлые грехи и выставляли почти всем задолжникам зачеты. Зачастую – в зависимости от личной заинтересованности.

Из-за всего этого Ольга едва не впала в отчаяние. Что делать, как спасти положение? Ведь до июньской сессии

оставалось чуть больше месяца. А тут еще эти бесконечные праздники. Но она заставила себя собраться с силами и приступила к выполнению намеченного.

Составленные доцентами варианты проверочных работ сразу показали, кто есть кто. Кто работает добросовестно, а кто спустя рукава. На кафедре было восемь доцентов, включая экс-заведующего Паршикова. Тот вообще ничего не составил, хотя со вчерашнего дня уже был рядовым доцентом. Лисянский и Щадринский, ссылаясь на нехватку времени, положили ей на стол откровенную халтуру. Остальные варианты были более-менее приемлемыми.

Поручив секретарю отпечатать необходимое количество билетов, Ольга пригласила к себе в кабинет всех халтурщиков.

– Делаю вам устное замечание, – хмуро сказала она, – и постарайтесь впредь работать добросовестнее. Если вы не измените отношения к моим требованиям, я устным замечанием не ограничусь. Ситуация с учебой столь серьезна, что у меня нет иного выхода.

– Да что вы нагнетаете! – небрежно бросил Щадринский. – Подумаешь, низкие знания. А где они высокие? Вы посмотрите, что в школах делается. Откуда возьмутся хорошие студенты, если выпускают поголовно дебилов. Вы что, одна думаете все изменить? Да ни в жизнь!

– Нет, я не думаю менять все одна. Найдутся единомышленники – они не могут не найтись. Но даже если вы и правы,

тем более надо бить во все колокола. А вы что предлагаете? Оставить все как есть?

Выражение их лиц показывало, что именно этого они и хотели бы. Но сказать вслух уже не решались. И то ладно.

– Вот видите! – заметила она удовлетворенно. – Вы тоже хотите перемен к лучшему. Значит, давайте работать вместе. Надеюсь, к подготовке экзаменационных билетов вы отнесетесь более ответственно. Учтите – я ничего не забываю и всегда стараюсь сдерживать свои обещания. А это, – она кивнула на их работы, – заберите и переделайте.

В полном молчании вся троица покинула кабинет.

Проверка знаний студентов во всех потоках подтвердила ее худшие предположения. Поскольку списывать было не с чего – у каждого студента имелся свой вариант заданий – оценки оказались самыми плачевными. Средний балл у первого курса равнялся двум целым трем десятым. То есть двойке. Хуже некуда.

Результаты были немедленно сообщены ректору. Тот срочно собрал Ученый совет, на котором минут двадцать метал громы и молнии.

– Вы думаете, эту двойку получили только студенты? – шумел ректор. – Это двойка всем математикам как преподавателям! Вы не им – вы себе поставили два! Своей работе!

Ученый совет подавленно молчал. Да и что тут скажешь?

– Ольга Дмитриевна! – взмолился, наконец, уставший ректор. – Если вам удастся вывести курс из прорыва, честное

слово, награжу. Ну постарайтесь, ей богу! Должен же быть какой-то выход.

– Не надо награды, Леонид Александрович, – поднялась Ольга, – вы лучше помогите нам с художниками – плакаты изготовить. И надо методички размножить.

– Слышали? – обратился ректор к проректору по хозяйственной работе. – Все просьбы профессора – немедленно и неукоснительно.

– Сделаем, – заверил тот.

Оставалось самое трудное – заечь тех, для кого все это делалось, – самих студентов. Еще в Ленинграде Ольга убедилась, что если с ними разговаривать как с коллегами по учебному процессу, как с равными его участниками, абсолютное большинство студентов становится на твою сторону.

Собрав первокурсников в большой лекционной аудитории, Ольга сообщила о результатах проверки их знаний. Как и ожидалось, они не сильно огорчились. Когда ты не один такой, пережить неудачу легче. Но после объявления мер, ожидавших тех, кто не исправит двойку до сессии, многие приуныли.

Были назначены сроки ликвидации задолженностей. Объявлены дни консультаций, включая воскресные лекции. После этого Ольга обратилась к студентам с вопросом, который всегда задавала перед сессией:

– Пожалуйста, поднимите руку те, кто любит, чтоб его обманывали. Что, никто не любит? Вы знаете, и я этого не

люблю. Поэтому ответственно заявляю – со списыванием и шпаргалками будет покончено. Не скажу, что у меня на экзамене совсем нельзя списать. Наверно, можно. Но очень сложно! Шпаргалки – это бумажные мозги, поэтому я отношусь к ним брезгливо. И буду требовать от моих коллег такого же отношения. И потом, ведь у каждого в билете свои задачи и примеры. Их же надо решить – готовое решение списать не с чего. Поэтому давайте начинать учиться по-настоящему.

Слухи о новых веяниях на кафедре высшей математики быстро распространились по всему институту. И потому на Ольгиной открытой лекции не было свободных мест. Но даже присутствие ректора не волновало ее. Гораздо больше она беспокоилась, как воспримут новый материал студенты, – ведь это была ее первая лекция. До этого в ее группах прошли только практические занятия.

Ольга знала, что лектора, регулярно не общающегося с аудиторией, внимательно слушает менее трети студентов. Остальные воспринимают материал, в лучшем случае, минут пятнадцать, потом отвлекаются.

Избежать этого можно было только одним способом – постоянно обращаться к студентам, задавать вопросы, создавать проблемные ситуации, предлагать подумать над выводом теоремы всем вместе. Вызывать к доске самых активных, давая им возможность выполнить вместо нее очередную выкладку. И поощрять, поощрять, поощрять. Похвалой,

пятерками, обещанием освободить от очередной контрольной или даже зачета. Пробуждать здоровое стремление отличиться у одних и честолюбивые помыслы других.

Так она поступила и в этот раз. К работе была привлечена вся аудитория. Лекция оказалась фактически прочитана не ею, а самими студентами. Когда они понимали излагаемый материал и поставленные вопросы, поднимался лес рук. Теперь никто не назвал бы этих студентов пассивными. Несколько раз она приглашала первого поднявшего руку к доске, и тот с явным удовольствием делал за нее короткие выводы, легко справляясь с непростой теоремой.

По реакции студентов чувствовалось, что лекцию они усвоили и она им, не привыкшим к столь подробному и понятному изложению, понравилась. Ольга и сама осталась довольна своей лекцией. Теперь следовало выслушать советы и замечания коллег.

В ее ленинградском вузе тоже проводились подобные обсуждения. Обычно они проходили в спокойной дружеской обстановке. Тот, кого проверяли, знал, что это делается для его же блага. Коллеги подскажут, как лучше объяснить трудное место или решить задачу. А если и сделают замечание, то исключительно доброжелательным тоном. И непременно отметят все, что заслуживает похвалы.

Здесь с самого начала обсуждения чувствовались какая-то нервозность, напряжение. Первым взял слово Паршиков.

– Мне непонятно, – начал он возмущенно, – зачем лектор

выбрала такой трудный вывод основной теоремы? Ведь проверка знаний показала, что курс не владеет основами математики. Есть же более простой и доходчивый вывод, который лектору, по-видимому, неизвестен.

Ольга была потрясена. Ведь несколько дней назад он сам его посоветовал. Он же прекрасно знал, что ей известны оба вывода. Неужели можно так кривить душой?

Но она промолчала, ведь по протоколу положено было сначала выслушать мнение всех выступающих, а уже потом отвечать на вопросы и комментировать замечания.

– Мне не нравится, как Туржанская ведет записи на доске, – заявила Тихонова. – Мы привыкли писать формулы, располагая их по вертикали. Заполним столбик, затем справа начинаем заполнять следующий. Мне кажется, так удобнее. Преподаватель меньше ходит, меньше мелькает, так сказать, перед студентами. А Ольга Дмитриевна, записывая уравнения по горизонтали, вынуждена все время ходить вдоль доски, отвлекая студентов.

– Как вы считаете, – обратился к ней ректор, – лекция поставленной цели достигла?

– Ну, наверно, – неуверенно промямлила та.

– Нет, это не ответ, – настаивал ректор. – Достигла или нет? Достаточен методический и научный уровень лекции или недостаточен? Отвечайте однозначно.

– Достигла. Достаточен, – выдавила Тихонова.

– Вот и хорошо. А каково ваше мнение? – обратился он

к Паршикову. – Замечание ваше мне понятно, а вот мнение о лекции – нет.

– Считаю, что лекция цели достигла, но методический уровень оставляет желать лучшего, – выпалил тот.

– Ясно, – сказал ректор. – Кто еще желает выступить?

Желающих было много. Остальные выступавшие лекцию очень хвалили. Ольге стало даже неудобно выслушивать такие восторженные отзывы. Последним взял слова ректор.

– Я долго говорить не буду, – начал он. – Тут многое из того, что мне хотелось подчеркнуть, уже отмечено. Поэтому скажу одно: это лучшая лекция, которую мне довелось слышать в последнее время. Я побеседовал со студентами, и они того же мнения. Могу только порадоваться за кафедру, что на ней появился такой лектор. Теперь вам есть у кого учиться. Ваше слово, Ольга Дмитриевна. Последнее, – пошутил он.

– Начну с замечаний, – встала Ольга. Она не собиралась прощать Паршикову его свинство. – Откровенно говоря, меня удивил Александр Александрович. Ведь во время нашей беседы он мне посоветовал из двух выводов теоремы именно этот. И я последовала его совету. Поэтому мне, по меньшей мере, странно слышать из его уст, что я ошиблась. Тем не менее, считаю, что студенты в выводе разобрались. Это показали их ответы и работа у доски. Кстати, на предыдущем практическом занятии мы с ними повторили всю необходимую теорию.

– Извините, Ольга Дмитриевна, – остановил ее ректор. – Что вы на это скажете, Александр Александрович? Был такой разговор?

– Не помню, – спокойно ответил Паршиков.

– То есть как? – растерялась Ольга. – Я что же, его придумала?

– Ну, может, вы меня не так поняли.

– Ладно, оставим это, – прервал их полемику ректор под веселый шум аудитории. – Мне все ясно. Продолжайте, Ольга Дмитриевна.

– Теперь по поводу записей на доске. Когда вы пишете в столбик, Мария Ивановна, вы закрываете собой доску, пока его не заполните. Значит, или студенты не видят, что вы пишете, или вы вынуждены все время отходить, чтобы показать написанное. И в том, и в другом случае теряется время. Вы начинаете новый столбик, а они лихорадочно переписывают старый, чтобы успеть, пока не стерли. И, естественно, уже не вникают в ваше объяснение.

Да, когда лектор пишет по горизонтали, как ученик в тетради, он вынужден ходить вдоль доски. Но зато доска все время открыта, и студенты успевают делать записи.

В заключение Ольга поблагодарила всех выступавших за интерес, проявленный к ее лекции. На этом обсуждение закончилось.

Борьбу с прогулами Ольга повела не на жизнь, а на смерть. В конце каждого учебного дня ей на стол клали списки с фа-

миллиями прогульщиков. Верочке было поручено добыть их адреса и телефоны. Прикрепленные преподаватели в тот же день ставили родителей в известность о пропуске занятий их чадом и просили выяснить, где оно было в это время. Каждый прогульщик писал в деканате объяснительную. За три пропущенных занятия объявлялся выговор, и Ольга долго мотала лодырю нервы в своем кабинете.

Все эти усилия не пропали даром – количество прогулов резко пошло на убыль.

И забрезжил свет в конце тоннеля. Ольге удалось добыть-ся главного – хорошо учиться стало престижно. К концу мая успевающих в группах стало больше, чем двоечников. Число получавших зачеты непрерывно росло. Но и сроки поджимали – приближался июнь, а с ним и летняя сессия.

Глава 20. Сессия

Май стремительно летел к концу. Летняя сессия вставала на горизонте во весь рост. Ольга со страхом ожидала ее прихода. Необходимо было выдержать марку: не допустить к экзамену лентяев но таких набиралось отчаянно много. Ведь около половины студентов не получили зачета, без которого к экзаменам не допускали. А до них оставалось менее двух недель – сессия начиналась одиннадцатого июня.

А тут еще главный профсоюзный деятель кафедры старший лаборант Матусевич накатал на нее «телегу» в профком – за то, что она заставляет преподавателей работать по выходным. Ольге пришлось оправдываться.

– Я никого не принуждаю, – доказывала она, – все делается на добровольной основе. Но должны же мы исправить то, что напортачили. Или вы хотите, чтобы к сессии пришли с чудовищным количеством задолжников?

– Однако прежде обходились без воскресных работ, – возразил председатель профкома.

– Прежде не были известны факты, с которыми теперь пришлось столкнуться. Когда большинство студентов знает предмет на двойку. Или на них закрывали глаза. Но больше такого не будет. Повторяю: по воскресеньям работают только те, кто согласился сам, никого насильно не заставляем. Да, при этом на работу приходится выходить одному из ла-

борантов. За это ему будет предоставлен удвоенный выходной. По желанию его можно будет присоединить к отпуску. Это вынужденная мера. Но без нее нам с ситуацией не справиться.

– Ну, хорошо, Ольга Дмитриевна, – сдался председатель, – но постарайтесь с этим не затягивать. Как только наметится улучшение, воскресные работы прекращайте.

Само собой прекратим, думала Ольга, возвращаясь из профкома, только когда это будет? А теперь еще все билеты придется переделывать. Где взять время?

Когда доценты положили ей на стол экзаменационные материалы, она от возмущения потеряла дар речи. Такой откровенной халтуры ей еще не приходилось видеть. Часть билетов была написана от руки – с зачеркиваниями и поправками. Количество заданий у разных доцентов было разным, в некоторых билетах имелось всего по одной задаче. Как тут проверишь умение их решать?

Попытавшись решить первую же попавшуюся задачу, Ольга обнаружила в ее условии ошибку. А каково студенту, которому она досталась бы? – подумала она. Вот уж поломал бы голову, бедный.

Собрав доцентов, Ольга высказала им все, что думала. Вкатала выговор Щадринскому за повторную халтуру. Потребовала, чтобы в билетах было единообразие, чтобы все они были отпечатаны и содержали несколько задач и примеров. Поскольку на кафедре работала только одна маши-

нистка – секретарь Верочка, на которую свалилось печатание методичек, Ольга вынуждена была снова обратиться за помощью в деканат. Там ей согласились дать машинистку при условии, что рабочий материал той будет предоставлен не позже послезавтрашнего дня. Пришлось доцентам напрячься и за день все переделать. Причем Ольга предупредила, что если обнаружит в условиях задач хоть одну ошибку, поставит двойку не студенту, а доценту.

Все это возымело действие, и за неделю билеты были отпечатаны. Ознакомив ассистентов с их содержанием, она попросила проработать в группах самые сложные вопросы и задачи. Что и было незамедлительно исполнено.

К началу сессии все валились с ног от усталости и напряжения. Но их усилия начали приносить плоды – число задолжников стало неуклонно сокращаться. И к концу первой недели июня их остались считанные единицы.

За три дня до начала сессии Ольга вновь провела заседание кафедры. Необходимо было договориться о форме проведения экзаменов и едином подходе к выставлению оценок, чтобы исключить разнобой в этом крайне важном деле. В противном случае один экзаменатор гонял бы каждого студента минут по сорок, а другой, наоборот, не дослушав, выставлял оценку, стремясь поскорее уйти домой. Третий разрешал бы пользоваться учебниками и лекционными записями, не обращая внимания на шпаргалки и подсказки, а четвертый запрещал бы все это. Такого разнобоя нельзя было

допустить ни в коем случае.

– Хочу сообщить вам свои требования к проведению экзамена, – начала она, – и буду просить всех неукоснительно их соблюдать. В аудиториях, где будут проходить экзамены, оставить по пять столов, остальные сдвинуть. И отдельно – стол для экзаменаторов. Я не оговорила – экзамен будут принимать у одного студента двое экзаменаторов – доцент и ассистент, имеющий ученую степень. Тем самым мы исключим субъективизм при выставлении оценок. И заодно дадим возможность ассистентам сделать очередной шаг в подготовке к будущей должности. Ведь не век же им оставаться ассистентами – когда-нибудь и они станут доцентами. Вот пусть и учатся.

Во всех конфликтных ситуациях зовите меня. Втроем мы справимся с любой проблемой.

Кафедра молчала. Правда, молчание это было разным. Ассистенты в душе тихо радовались возможности поквитаться с самыми вредными доцентами типа Щадринского и Тихоновой. Те их постоянно попрекали плохими знаниями студентов, а сами палец о палец не ударяли, чтобы хоть как-то помочь. Да и студенты вечно жаловались, что плохо понимают их лекции.

Некоторые доценты злились, догадываясь, что ассистентами у них будут не те, с кем они «дружат», а совсем наоборот. И значит, поставить нужным людям желаемые баллы вряд ли удастся.

Чтобы исключить малейшую возможность сговора, Ольга сама наметила, кто с кем будет принимать экзамен. К Паршикову она посадила Сенечкина, постепенно становившегося ее правой рукой. Этот парень был всего на два года моложе ее. Все Ольгины начинания он безоговорочно поддерживал.

До прихода Ольги на кафедру Сенечкину постоянно доставалось от дружной тройки доцентов во главе с заведующим за излишнюю инициативу и неумемное стремление вывести все темные дела на чистую воду. Если бы они могли, Миша давно вылетел бы с кафедры. Но к нему трудно было придраться, и, кроме того, он практически один на кафедре занимался наукой. Как бы Паршиков отчитывался по науке, если бы не Сенечкин? Поэтому его терпели. Но шпыняли за малейшую провинность.

За Мишу горой стояли его друзья – тоже ассистенты – Коротков Денис и Забродина Галина. Вся эта тройка, почти одновременно защитившись, пришла на кафедру, когда был увеличен прием студентов и появились дополнительные ставки. Не будь их взаимной поддержки, каждого в отдельности доценты спокойно заклевали бы. Но стоило Паршикову или Щадринскому напасть на любого из них с придираками, часто вздорными, связанными с желанием показать, кто на кафедре хозяин, как остальные дружно открывали рты, отбивая все наскоки. И потому Ольга направила Забродину к Щадринскому, а Короткова – к Тихоновой. Зная об их взаи-

моотношениях, она не сомневалась, что ребята никаких злоупотреблений не допустят или, по крайней мере, сведут их к минимуму.

– Жуткое дело – недотраханная баба, – сетовал Гарик Лисянский, подвозя домой Паршикова и Тихонову. – Ей тридцать лет, мужика нет, энергию девать некуда, вот она и изгаляется. Как ее уговорить, не представляю.

– А ты чего тянешь? Тебе же было поручено ею заняться, – напустился на него Паршиков.

– Я пытался. Домой ее подвозил, на чай напрашивался. Учеников своих предлагал – думал, клюнет. Сказала, чтобы больше с подобным к ней не обращался. А чаю предложила дома попить. С женой.

– Значит, она сидела в твоей машине, и ты не знал, что делать? Вот болван! Руки у тебя для чего? Забыл, как их пускают в ход?

– Ага! Чтоб по морде получить, когда я за рулем. Нет уж, спасибо! Сам пробуй.

– Мальчики, вы зря спорите, – вмешалась Тихонова, – ее хоть недотрахай, хоть перетрахай – она останется такой, какая есть. Просто я знаю ее шефа, а она его любимая ученица. Борис Воронов – музейная редкость, даром что еврей. С ним никакой каши не сварить – и с этой его тоже. Лучше и не пытаться.

– А ты откуда его знаешь?

– Да когда-то у него на факультете повышения квалифи-

кации училась. Пахать приходилось еще так! Не то что теперь, ФПК – отдых на полгода. Помню, я так радовалась, что в Ленинграде проживу. Думала, по музеям схожу, погуляю. Погуляла, как же! Из-за стола не вылезала. Нет, братцы, тут надо что-то придумывать радикальное. А что – ума не приложу.

– Конечно, с его член-коррвской зарплатой и связями можно быть музейной редкостью. Пожил бы он здесь, да на доцентскую ставку – живо закряхтел бы. Слава богу, что я от вас сваливаю, – порадовался Паршиков, – резвитесь теперь без меня. Вот сессию пережить бы, и привет! Мне главное, чтобы мои бывшие ученички не пролетели. Вы же знаете, чьи они детки. Не дай бог пары получают – мне тогда головы не сносить.

– А что, ты уже и место нашел?

– Да вы же знаете – у меня брат двоюродный в торговом институте профсоюзом заведует. Обещал доцентскую должность. Там такая лафа, скажу я вам. Озолотиться можно. Одни мафиозные сынки учатся да дочки. Все в коже и золоте. С нашими никакого сравнения.

– Саша, ты же нас, друзей своих, не забывай. Как войдешь в силу, к себе заberi. Здесь же теперь не зарабатываешь.

– Так это когда будет. Кто же мне кафедру там даст. Там такие зубры сидят – не сдвинешь. Конечно, если в силу войду – само собой. Я добро не забываю.

Когда они уехали, Ольга пригласила Сенечкина, Заброди-

ну и Короткова к себе.

– Ребята, на вас вся надежда, – сказала она. – Не дайте этой компании повернуть свои делишки. Внимательнейшим образом выслушивайте все ответы. Не отлучайтесь ни на минуту. Надо выйти – останавливайте опрос. Чтобы без вас никто из них оценки не ставил. Сразу предупредите, и чуть что – ко мне. Загремят их протеже – сами захотят уйти. А вам доцентские места освободятся. Мне все равно с ними не сработаться – вы же видите. Главное, выяснить, кто их любимчики, не прозевать.

– Да мы всех их знаем, – засмеялся Сенечкин. – Мы же в их потоках практику вели. Как понаставим пар в аттестацию – сразу прибегают. Этому надо повисить, этой надо исправить, этот – да вы знаете, чей он!

– Ну и что, ставили?

– А как же! Если Паршиков – заведующий, попробуй не поставить. Да ему нашего согласия и не надо было, он же заведующий, сам мог ставить кому хотел и что хотел. Ему они все и пересдавали в обход нас. Эх, да что теперь вспоминать.

– Тем более, если их знаете. Не пропустите никого. При любой спорной оценке зовите меня немедленно. Мы этому разгулу блата рога обломаем. Меня Лисянский запугивал – мол, на кого руку поднимаю! Что ж, посмотрим, на кого.

– Нет, Ольга Дмитриевна, – посерьезнел Миша, – здесь все не так просто. У нас учатся кое-какие детки очень высокопоставленных родителей. Для них и сам ректор – прыщик

на ровном месте, а уж вы – вообще мелочь. Здесь надо действовать осторожно. Лучше бы вам с Леонидом Александровичем посоветоваться. Он в курсе, кто есть кто и как надо поступить в каждом конкретном случае.

– Так что, к ним особые требования предъявлять? В моем понимании это и есть разврат.

– Нет, просто вам нужны информация и совет. Можно, пока еще есть время, собрать всю эту братию и дать им персонально несколько консультаций. Заставить их выучить хотя бы основные вопросы. В нашем присутствии. Может, на экзамене они хоть что-то ответят. Дать им возможность сохранить лицо и обойтись минимальными потерями.

– А как же быть с этой троицей? Мы же тогда от них не избавимся.

– Но мы всех блатных и не вытащим. У них же их по два десятка – у каждого. Поговорите с ректором, Ольга Дмитриевна, – все равно вы в него упретесь. Кое-кто из блатных шел через него.

– Как-то мне все это не нравится.

– Кому же это нравится? Но это жизнь, Ольга Дмитриевна, от нее никуда не денешься. Посидим с ними, позанимаемся – как-нибудь выкрутимся.

Выслушав Ольгу, ректор помрачнел. Он долго смотрел в окно, потом решительно обернулся к ней:

– Да, Ольга Дмитриевна, человек шесть есть таких, которых трогать нежелательно. Но если ничего не будут знать,

ставьте два. Еще будут пересдачи, консультации. Отчислить их, конечно, не дадут.

– Что, так плохо?

– К сожалению, не все от меня зависит. Помню, я как-то прочел – в «Пионерской правде», между прочим, – что сына Рокфеллера отчислили за неуспеваемость из какого-то там колледжа. В том смысле, что вот какие плохие дети бывают у богачей. А я, знаете, о чем подумал? У нас бы этому сыну на блюдечке с голубой каемочкой – этот самый диплом. И еще бы спросили, куда доставить. Эх, лучше б не писали о таком.

– Ну, не знаю, я бы не доставила.

– Так вы же до поры до времени под крылом у Воронова сидели. Вот вас грязь и не касалась. А здесь другие условия. Ничего, Оленька, – так он вас, кажется, называл? – ничего, справимся. Не расстраивайтесь. Работайте пока спокойно.

Перед своим первым экзаменом Ольга волновалась, наверно, не меньше студентов. Но когда стало ясно, что неудов в группе не предвидится, ее радости не было предела. Она готова была перецеловать всех ребят. Под занавес на экзамен заглянул ректор. Посидел, послушал ответы и довольный, удалился. Первый экзамен удался.

Узнав, что ничего страшного их не ожидает, никто валить не собирается, студенты воспряли духом. В остальных группах Ольга поставила всего пять двоек. Причем не безнадежных – можно было надеяться, что экзамен их хозяева пересдадут.

После Ольгиного потока пришла очередь остальных.

Там двоек поставили больше. Но в целом не сдали экзамен с первого раза не более пяти процентов первокурсников. Это было существенно меньше, чем в зимнюю сессию. А ведь требования к знаниям студентов предъявлялись значительно выше.

– В жизни столько не занимались! – признавались студенты. – Зато зачетку не стыдно показать родителям. И стипендию будем получать. Не-ет, лучше учиться, чем лениться.

В этой бочке меда большой ложкой дегтя явилось происшествие в группе Тихоновой. Вместо приболевшего Короткова Ольга послала туда ассистентом Забродину. Во время экзамена там было поставлено семь двоек. Но при подведении итогов Ольга обнаружила в экзаменационной ведомости всего три неуда. Еще четыре куда-то испарились.

Вызвав Тихонову и Забродину к себе в кабинет, Ольга попыталась выяснить, как такое могло произойти. Галя Забродина подтвердила, что двоек было семь.

– Ничего подобного! – возмутилась Тихонова. – Вы, наверно, что-то перепутали. Не было у меня столько двоек.

– Как не было! – подскочила Галя. – Вот же мой список. Иванов, Патрушева, Василец и Панченко экзамен не сдали, а в ведомости у них «удочки» стоят. Да и другие студенты это подтвердят, кто в аудитории с ними сдавал.

– Зачем, когда должны сохраниться черновики? Давайте их посмотрим.

Вызвав Верочку, Ольга попросила принести черновики ответов студентов шестой группы. Но их на месте не оказалось.

– Мария Ивановна, где черновики? – Ольга медленно закипала.

– Откуда я знаю? – пожала плечами та. – Потерялись, наверно.

– Вы и в зачетки оценки поставили? – Ольга едва сдерживалась. Ну погоди, я тебя выведу на чистую воду.

– Конечно. Они же сдали.

– Да как вы можете! – закричала Забродина. – Я же помню, как они отвечали. Они же ничего не знали. Как вам не стыдно! Студенты же все видят! Как им в глаза после этого смотреть?

Тихонова, поджав губы, молчала.

– Так! – зловеще сказала Ольга. – Объявляю служебное расследование. Верочка, найдите этих студентов. Если ушли, звоните домой, требуйте ко мне в кабинет. – А вас, – обратилась она к Тихоновой и Забродиной, – попрошу написать подробно, что произошло. Во всех деталях. Номера их билетов, сколько задач решили, сколько не решили. Все-все.

– Не надо расследования, – не глядя на нее, процедила Тихонова, – они сначала не ответили, а потом я их оставила после экзамена, и они сдали на тройку.

– Но я же запретила это делать! Пишите объяснительную. Ведомости переделать. У студентов изъять зачетки и пока не

пересдадут, не возвращать. Или зачеркнуть оценку и написать «исправленному верить». Экзамен у них принимать в моем и вашем присутствии, Мария Ивановна. Не думала я, что секретарь партийной организации способна на подлог. Сейчас объявляю вам выговор. Но думаю, этим дело не ограничится.

– Да вы не представляете, с кем связываетесь! – бросила Тихонова и выскочила из кабинета.

– Вернитесь, я вас не отпускала! – закричала Ольга. Но той и след простыл.

– Побежала к покровителям. – Галя помрачнела. – Ольга Дмитриевна, идите немедленно к ректору. Сейчас начнется.

– Верочка, нашли этих четверых? – позвонила Ольга секретарю.

– Да, они на кафедре физики «хвосты» сдают.

– Срочно зови ко мне. Смотри, чтобы Тихонова их по дороге не перехватила.

– Да им уже сказали, они идут. Вот они.

В дверь постучали. С поникшими головами вошла вся четверка.

– Ну рассказывайте, как вы сдали математику. Какие оценки получили. Где ваши зачетки?

Ребята молча протянули ей зачетки.

– Что же вы молчите? Рассказывайте!

– А мы при чем? – не выдержал Слава Иванов. – Нам поставила Мария Ивановна – мы ушли. Может, она передума-

ла нам двойки ставить.

– Что вы делали сразу после экзамена?

– Пошли на физику «рубить хвосты». У нас задолженности по лабораторкам.

– А на нашу кафедру не возвращались? Марию Ивановну больше не видели?

– Нет. Там очередь на пересдачу большая. Мы заняли и боялись пропустить. Теперь уже не успеем.

– Значит, с Марией Ивановной вы больше не виделись?

– Нет, не виделись.

– Хорошо, идите. Я попрошу физиков принять у вас задолженности без очереди.

Когда они ушли, Ольга попросила Верочку и Галину в случае надобности подтвердить слышанное. И тут раздался звонок. Звонил ректор. Он просил Ольгу немедленно явиться к нему в кабинет.

– Началось! – подумала она. И не ошиблась.

В кабинете ректора сидела Тихонова, а он сам нервно вышагивал от стола к окну и обратно.

– Рассказывайте, Ольга Дмитриевна, что у вас приключилось. Вот Мария Ивановна жалуется, что вы аннулировали оценки, поставленные ею четверем студентам.

– Да, Леонид Александрович. Эти студенты экзамен не сдали. Забродина утверждает, что все они получили двойки.

– Но Мария Ивановна говорит, что после экзамена она их еще раз опросила и выставила всем тройки. В конце концов,

это ее право. Она доцент, и ей виднее, кто какую оценку заслуживает.

– Это ложь! Только что в присутствии Забродиной и секретаря все четверо сказали мне, что они после экзамена сразу пошли на кафедру физики, заняли очередь на пересдачу лабораторных работ и сидели там, не отлучаясь, так как боялись ее пропустить. Марию Ивановну они больше не видели и, значит, ничего ей не пересдавали. Можете их сами спросить – они сейчас на кафедре физики.

– Что скажете на это, Мария Ивановна?

– А что я скажу? Вы же знаете, чьи это дети. Сами за них просили.

– Но зачем же врать? Ну поставили бы им двойки. Пусть бы еще позанимались. Кафедра прекрасные консультации организовала – мне студенты сами говорили. Глядишь, и пересдали бы. Что ж вы за нулевые знания им тройки поставили? Что они теперь про нас с вами говорить будут?

– Что говорили, то и будут говорить. Можно подумать, что в первый раз! – обозлилась Тихонова. – Раньше вы иначе рассуждали.

– Да как вы смеете! – Ректор побагровел. – Я что, вас фальсифицировать оценки призывал? Я просил быть повнимательнее, а это не одно и то же. Объявляю вам выговор в приказе и отстраняю от экзаменов. В парткоме будете объясняться.

Когда за ней закрылась дверь, ректор сел и обхватил го-

лову руками.

– Ох, Ольга Дмитриевна, и тяжелую же задачу вы мне задали. Даже не знаю, как ее решу.

– Может, мне шефу позвонить? Он умеет решать любые задачи.

– Да нет, пока не надо. Там еще у Паршикова двое пролетели. Но у него хоть ума хватило не делать глупостей. А эта все выслужиться хочет. Это ж детки ее партийных боссов. Ничего, скажу, пусть еще позанимаются. Еще две пересдачи есть – должны справиться. В конце концов они же их за знаниями сюда послали. Ну без стипендии останутся, так им эта стипендия, как богачу милостыня.

– Значит, все шестеро, о которых вы тогда говорили, провалились?

– Все шестеро. Да они не дураки какие-нибудь, вполне могут заниматься. Просто, привыкли, что им и так все поставят. Папа позвонит – и поставят. В первый раз они так споткнулись. Вы бы на их аттестаты посмотрели – там одни пятерки. У троих медали. Ладно, обойдется. Вы идите, не переживайте. А с Тихоновой, видимо, расставаться придется. Хотя это будет непросто.

Мрачный Паршиков, сидя в буфете, делился своим горем с Гариком Лисянским. Там их отыскала разъяренная Тихонова. – Нет, какая гадина! – понесла она на Ольгу. – И эта Забродина-уродина туда же! Да с какой стати я должна все это терпеть! Я доцент – что хочу, то и ставлю. Почему на других

кафедрах доценты сами принимают экзамен? Чего она свои порядки наводит?

– Вообще-то ассистент на экзамене быть должен. В Положении о вузах это есть. Другое дело, что его никто не выполняет, – заметил Гарик.

– Вот именно! Нет, ребята, надо с ней что-то делать. Больше терпеть ее выходки я не намерена. Надо решать.

– А что ты сделаешь? – вмешался Паршиков. – Ты же сама говорила, что нам ее не сломать. Ректор за нее горой. И нашему профсоюзному главе она понравилась. Тут легче убить, чем унять.

– Что ж. Если ничего другого не остается... – задумалась Тихонова.

– Маша, ты что, спятила? – Гарик не на шутку перепугался. Он знал Тихонову и догадывался, кто за ней стоит. Для этих людей никакие моральные устои не существуют. Надо будет – человек исчезнет навсегда. И следа не останется.

– Не, ребята, меня здесь не было и разговора вашего я не слышал. – И он мгновенно смылся.

В конце концов, что ни делает Ольга, думал он, поднимаясь на второй этаж, все оборачивается на пользу кафедре. Ну прижала она нас малость, так ведь заслужили. И студенты совсем от рук отбились. Сейчас ведь другое дело. Нет, надо переходить в ее лагерь. Как заведующая, она на своем месте. Но угроза Тихоновой – это не шутка. Ольга крепко наступила ей на хвост, и теперь она ни перед чем не остановится.

Да и просто Олю жалко. Баба она славная, а на мордочку – чистый ангел. Нет, надо ее спасать. Надо срочно к ректору.

– Ну что еще? – Увидев Лисянского, ректор скривился, как от зубной боли. Уж эти математики! Нет от них никакого покоя. – Что опять стряслось?

Но выслушав Гарика, он потрясенно замолчал.

– Есть только один выход. – Гарик и сам был не рад этому разговору. Но отступать было некуда. – Надо Тихоновой подыскать такую должность, чтоб она осталась довольна. О которой она давно мечтает. Но чтобы к учебному процессу эта должность не имела никакого отношения. Маша не станет преследовать Ольгу, если та не будет ей мешать. Но когда ее загоняют в угол, она кусает. Может и смертельно уку- сить. Делайте что-нибудь, Леонид Александрович – тут мед- лить нельзя. Есть же у вас связи. Скажите, профессор Тур- жанская вузу нужна, очень нужна. Детки те экзамен сдадут – куда они денутся. А Ольгу надо защитить. И потом это такая женщина – чистая прелесть.

– Уж не влюбился ли ты, дамский угодник? Смотри у ме- ня!

– Да тут влюбляться, похоже, бесполезно. Чувствуется – пережила она какую-то драму, вот и глушит себя работой. Вы ничего не знаете о ее сердечных делах?

– Знаю, что безумно любила мужа, да прожили они вместе очень мало. Погиб, спасая чужого ребенка. А она до сих пор по нему убивается.

– Так ведь это когда было. Говорят, он погиб, так и не увидев свою дочь. Значит, это случилось лет восемь назад. Что, с тех пор так и живет одна?

– Так и живет. Ладно, Гарри Станиславович, ступай. Спасибо, что предупредил. Эту змею я с кафедры уберу. А ты Ольгу в обиду не давай и сам не мотай ей нервы. Она же для вас всех старается. Будет в институте порядок – добрая слава пойдет по городу, конкурсы возрастут. И ваши доходы тоже. Иди, не беспокойся, я все сделаю. Смотри, Ольге ни слова.

На следующий день приказ о выговоре Тихоновой вывешен не был. Сама она на работе не появилась. А еще через день им объявили, что Мария Ивановна переведена на ответственную работу в партийные структуры. Больше в институте ее не видели.

Глава 21. Вступительные экзамены

Сессия близилась к концу, а на горизонте забрезжили вступительные экзамены. Поэтому расслабляться было рано. И все-таки Ольга решила взять на две недели отпуск. По закону ей полагался двухмесячный, но в этом году полностью его отгулять никак не удавалось. Практически весь июль занимали вступительные экзамены и зачисление, а с первого сентября начинался новый семестр.

Заместителя, на которого с легкой душой можно было оставить кафедру, Ольга пока не видела. Она полностью доверяла Мише Сенечкину, но он был только ассистентом, хотя и кандидатом наук.

Институт объявил конкурс на две доцентские ставки, освобожденные Паршиковым и Тихоновой.

Для Гали Забродиной Ольга выбила ставку старшего преподавателя. В скором будущем должен был уйти на пенсию часто болевший доцент Зацепин. Ольга дала Гале слово, что тогда эта должность будет ее.

Так постепенно, преодолевая то одни, то другие трудности, она создавала коллектив единомышленников.

Из летней сессии они вышли достойно – с минимальными потерями. Теперь предстояло не менее трудное испытание на прочность – новый набор на первые курсы всех факультетов. И чтобы собраться с силами, она решилась на две неде-

ли оставить кафедру, назначив своим временным заместителем спокойного и рассудительного доцента Храмова. Виктор Васильевич Храмов имел сорокалетний стаж работы и был в прекрасных отношениях со всеми коллегами. Он умудрялся ладить даже с Паршиковым, одновременно не принимая участия в его сомнительных делишках.

Весь первый день отпуска Ольга обещала подарить дочке. Последние недели они виделись только по вечерам. Ольга приходила с работы смертельно уставшая, и у нее не оставалось сил даже выслушать Леночку. Наскоро поужинав, она еще долго работала при свете настольной лампы, пока усталость окончательно не валила ее с ног.

Иногда она просматривала научные журналы, взятые в библиотеке, вожделенно поглядывая на статьи и бумаги, терпеливо поджидавшие ее пера. Но на серьезную работу совсем не оставалось времени. И вот теперь, наконец, можно было хоть на несколько дней погрузиться в любимые уравнения и расчеты.

Но сначала – Леночка. В их первый день была суббота, поэтому в детский сад можно было не идти. Утро они решили посвятить походу в зоопарк. А после обеда – погулять по городу, послушать концерт в городском парке и поваляться вечером на диване, болтая о том, о сем. Воскресенье мама и дочка намеревались провести на пляже, о котором много слышали, но так ни разу и не посетили. И все время вместе, чтобы можно было наговориться вдоволь.

Но едва они сели завтракать, как раздался звонок. Явился Гена. Сообщение, что Лена с мамой идут в зоопарк, повергло его в глубокое уныние. Такое огорчение было написано на лице Леночкиного «братика», что Ольга, предложила мальчику идти с ними. Просияв, он бросился спрашивать разрешения у мамы.

Когда они уже выходили из дому, на них налетела Маринка, направлявшаяся к Леночке поиграть. Пришлось и ее брать с собой. Так всей компанией они и явились в зоопарк.

Там время пролетело незаметно. Они обошли все клетки, полюбовались плавающими по озеру птицами, поели мороженого и усталые, но довольные, полные впечатлений, вернулись домой.

«Как хорошо с детьми, – думала Ольга. – Как будто кислороду надышалась. Как они внимательны друг к другу! А Гена – ну просто галантный кавалер. Руку подает, когда Лена со ступеньки сходит. И где только научился?»

Она не знала, что теперь всему этому мальчиков учат уже в детском саду. А Гена, как губка, впитывал все, что могло ему пригодиться в общении с Леночкой. Только бы она была им довольна, только бы похвалила.

Он давно выучил таблицу умножения и все пытался решать примеры из Леночкиного задачника. Если числа были не очень большими, у него получалось. Но вот как она находит хитрый икс, который прячется то в скобках, то под каким-то корнем, – этого он понять никак не мог. А еще там

бывал и игрек. Нет, это было совершенно непостижимо.

– Но это же, как очень интересная игра! – пыталась объяснить ему Лена. – Вот икс укрылся от меня за буквами, но я его все равно найду. Смотри, я сейчас раскрою скобочки, и ему уже труднее будет прятаться. А теперь я его перенесу на другую сторону от знака «равно» – туда, где его дружок поджидает.

– А почему ты пишешь минус, а там был плюс? – не понимал Гена. – И здесь было два икса, а теперь за скобочкой один. Куда другой делся?

– Так ведь я икс вынесла за скобки и теперь его в скобках нет, – объясняла Лена. – А при переносе с одной стороны равенства на другую надо менять знак, такое правило. Вот теперь он, миленький, никуда от меня не денется. Сейчас я его компанию вниз под черточку отправлю – в знаменатель. И вот он, голенький, передо мной. Попался, голубчик. Давай-ка посмотрим ответ. О, все правильно! Видишь – ответ такой же, как у меня.

– А зачем его искать, этот икс, если есть ответ? Посмотри туда, и все.

– Так ведь интересно! Я с иксом как будто в прятки играю. Ты же любишь в прятки играть? Здесь икс от меня прячется, а я его нахожу. А ответ – чтобы проверить, правильно ли нашла. Я уже и икс с игреком могу находить.

– Неужели тебе это так нравится?

– Конечно! А иначе – зачем бы я решала? Это интерес-

нее даже мультиков. Мультик один раз посмотришь и уже знаешь, что дальше будет. А здесь в каждом примере новые хитрости. Но я хитрее, я этот икс все равно за ручку на свет выведу.

Но Гена этого никак понять не мог. И потому тихо ненавидел все иксы с игреками, вместе взятые.

Ольга от души веселилась, слушая их разговоры. Ее совсем не беспокоило, что Леночка так далеко ушла в своем развитии. Да, в математике она соображала лучше Гены и Марины, но зато Гена научился во Дворце пионеров играть в шахматы. А еще Гена сделался заядлым спортсменом. В свои семь лет он стал таким высоким и крепким, что ему смело можно было дать все двенадцать. На пушистом ковре Леночкиной комнаты мальчик не раз показывал своим подружкам разные приемы. По их дружному визгу и хохоту можно было догадаться, чем заканчивались попытки девочек его побороть.

Маринка тоже не отставала от друзей. Она с пяти лет изучала английский язык и к семи годам владела им вполне сносно. По ее настоянию Гена и Лена тоже записались в кружок английского при Дворце культуры строителей и начали ходить туда по воскресеньям. А еще у Маринки обнаружился поэтический дар. Совсем недавно ее друзья, изумленно открыв рты, выслушали Маринкин первый стих:

Мальчик Гена дружит с Леной,

Защищает Лену Гена.
Дружит Гена и с Мариной —
Очень славная картина!

– Мама, мама! Марина стих сочинила! Настоящий! Ты послушай! – влетела Леночка в комнату, где Ольга только-только приготовилась поработать над статьей. Но раз такое событие! Статью пришлось отложить.

Стишок Ольге понравился. И рифма на месте, и ритм, и чувства. У девочки определенно есть способности.

– Давайте записывать стихи Марины в тетрадь, – предложила она, – а когда наберется много, можно будет послать их на радио или в детский журнал. Может, услышим или напечатают где-нибудь.

– Давайте. Вот здорово! – Леночка немедленно достала чистую тетрадь и скомандовала:

– Диктуй, Мариночка. Я буду записывать.

В общем, окружением Леночки и ее теперешней жизнью Ольга была довольна. Девочка постоянно находилась под присмотром, не скучала и совсем перестала болеть. А впереди им светила поездка в Батуми, о которой они так мечтали. Вот только пережить бы вступительные экзамены.

Все Ольгины радужные мечты о двухнедельном отдыхе в сочетании с увлекательной работой над статьями были разбиты через три дня самым прозаическим образом. Позвонил Миша и расстроено сообщил:

– Ольга Дмитриевна, вас домогается зам по учебной работе Максим Максимыч Рябушкин. Он был просто потрясен, когда узнал, что вы в отпуске. Вы же председатель всей экзаменационной комиссии. Он вчера собрал совещание, а вас нет. Его чуть удар не хватил. Раскричался: «Да как она могла? Когда столько дел! Какой может быть отпуск – экзамены на носу!» – В общем, шуму было!

– Но меня же ректор отпустил. Я же не самовольно, – удивилась Ольга. – Целый месяц практически без выходных. В конце концов, я живой человек. И наука моя стоит, думала заняться. Статью никак не закончу.

– Ольга Дмитриевна, я все это ему сказал. И про работу без выходных, и про разрешение ректора. А он одно твердит: «Разрешил, потому что она просила. Но как она могла просить?»

В общем, Ольга Дмитриевна, он вас завтра ждет к десяти утра. Просил не опаздывать.

– Вот и отдохнула! – У Ольги от огорчения просто опустились руки. Но она заставила себя пересилить обиду и явилась в кабинет Рябушкина во всеоружии.

– Я знаю, что у математиков все готово к экзаменам, – заявил он, едва она открыла рот. – Но вы, наверно, забыли, что кроме математики есть еще физика и диктант. Вы ведь теперь за все отвечаете. Вы убедились, что там тоже все в порядке? Ведь нет. Вспомните свою речь на совете. Как вы все тогда красиво обрисовали. А сами, оказывается, даже ни

разу не собрали ответственных предметников, не проверили их готовность к экзаменам. Как прикажете это понимать?

– Но я думала, я думала... что выйду одиннадцатого и все успею, – жалобно пролепетала Ольга, чувствуя себя провинившейся школьницей. – Максим Максимович, я виновата. Простите меня! Я немедленно свяжусь с заведующими кафедр физики и филологии. Разрешите идти?

– Идите и через три дня доложите, что сделано и что осталось. А если возникнут проблемы, сразу обращайтесь.

Беседа с заведующим кафедрой физики показала, насколько Рябушкин был прав. Новых билетов физики не приготовили, а в старых тридцати содержалось по два вопроса теории и только одна задача. Задачи оказались настолько сложными, что далеко не всякий школьник смог бы их решить. Практически справиться с ними могли только те, кто знал их условия.

Все репетиторы кафедры, конечно, знали эти условия, поэтому их ученики имели громадное преимущество перед остальными абитуриентами. Ведь вы зубрить решение тридцати задач не очень трудно. Но вряд ли тот, кто научился решать только эти задачи, справился бы с любой задачей из школьной программы.

– И что здесь такого? – пожал плечами заведующий кафедрой физики в ответ на Ольгино возмущение. – Естественно, раз преподаватели составляют билеты, значит, они и задачи знают. У вас есть доказательства, что условия задач

известны абитуриентам? А если нет, так и нечего людей подозревать.

– Но если я захочу, соответствующие доказательства найдутся, – сдерживая ярость, парировала Ольга. – Валентин Моисеевич, вы прекрасно понимаете, о чем речь! Научить решать триста задач – это научить решать задачи. А научить платных учеников решать только тридцать задач, содержащихся в билетах, – это злоупотребление служебным положением! Вы же были на том совете, где я рассказывала о системе приема в ленинградском вузе. Ведь ректор тогда одобрил эту систему. Почему же вы ничего с тех пор не сделали? Сколько лет вы пользуетесь этими билетами? Смотрите, они уже пожелтели от времени.

– Но нам никто не приказывал ее внедрять. А вы вообще куда-то исчезли, – оправдывался заведующий.

– Поступим так, – устав от бессмысленного спора, решила Ольга. – Составлять новые билеты нет времени. Берите школьные задачки, и пусть каждый преподаватель подберет по десятку задач средней – я подчеркиваю! – средней трудности из разных тем. Все эти задачи с решениями прошу предоставить мне в течение трех дней.

Теоретические вопросы оставим, как есть, а задачи отпечатаем отдельно. И каждый абитуриент вытянет себе не менее трех задач из разных тем. Только так мы сможем объективно оценить их знания.

– А со старыми билетами что делать? – растерянно спро-

сил заведующий.

– А что хотите. Можете их вывесить для абитуриентов в качестве примеров. Но только с решениями. Иначе их мало кто решит.

Доложив проректору о проблемах у физиков, Ольга отправилась к филологам. Как она и предполагала, там ее ожидало то же самое: к экзамену русисты приготовили только один диктант. Его содержание, конечно, было известно всем заинтересованным лицам. В таких условиях проверить истинную грамотность абитуриентов, было практически невозможно. Объявив русистам, что она этот диктант отменяет, Ольга решила воспользоваться сборником диктантов, имевшимся в продаже. Теперь содержание письменной работы знала только она. Проректор и эту ее идею одобрил.

Обо всех своих начинаниях Ольга доложила на экстренном ученом совете, созванном по ее инициативе.

Институт загудел. Его коллектив раскололся на тех, кто поддерживал Ольгины начинания, и тех, кто был резко против. К сожалению, первые были в явном меньшинстве. Слишком многие сотрудники имели от вступительных экзаменов приличный доход, слишком крупные деньги платили им родители. Посыпались неприятности. В основном это были анонимные звонки в партком института. Неизвестные доброжелатели утверждали, что Туржанская хочет единолично распоряжаться набором. Кончилось тем, что обозленная наветами Ольга предложила самому Рябушкину по-

добрать содержание диктанта. Он засмеялся и выдвинул встречное предложение: – Поскольку все диктанты в этом сборнике примерно одинаковой трудности, давайте заготовим конверты с номерами страниц, где они начинаются. И предложим самим абитуриентам вытащить себе диктант.

– А что? Это идея! – обрадовался ректор. – Тем самым мы поднимем подорванное доверие в нашу честность. А то такие разговоры ходят – уши вянут.

На встрече с абитуриентами и родителями ректор рассказал, как будут проходить экзамены и что делается для их лучшей объективности. Ведь равные стартовые условия – благо как для будущих студентов, так и для самого института. Поскольку ничего не понимающий студент – несчастный человек.

Известия о новых порядках на вступительных в Политехническом быстро разлетелись по городу. Даже в местной газете появилась об этом небольшая статья. Открытость, с которой институт решил проводить прием, не могла не сыграть своей положительной роли. Теперь уже никто не упрекал экзаменационную комиссию в необъективности.

Для всех желающих были организованы десятидневные платные подкурсы. Их проводили лучшие преподаватели вуза, а не кто попало, как прежде. Теперь на этих занятиях никто не играл на последних скамейках в карты, не читал детективов и вся аудитория была забита слушателями под завязку. Многие из них потом утверждали, что получили зна-

ний больше, чем за год занятий с платным репетитором.

Наконец наступило шестнадцатое июля, когда по всей стране начались вступительные экзамены. Первой в их институте сдавали математику. Экзамен начинался в девять утра, но уже с семи часов у стен института толпились абитуриенты с родителями.

Конкурс даже среди медалистов оказался на удивление высоким – куда больше, чем в предыдущие годы. Все четыре лекционные аудитории, были заполнены абитуриентами. Каждый получил свое задание, и все задания были разными. А поскольку они состояли из задач и примеров, списать было не с чего. Шпаргалки теряли всякий смысл – ведь если ты не соображаешь, то никакая шпора не поможет. Помощь могла прийти только извне, но и эта возможность полностью исключалась – в углах аудиторий сидели бдительные наблюдатели.

Экзамен длился четыре часа. Но уже минут через сорок некоторые экзаменующиеся стали сдавать чистые листы – все примеры и задачи оказались им не по зубам. А ведь первые три задания были из программы начальной школы! Складывалось впечатление, что эти выпускники вообще не изучали математику. Ну согласитесь – если абитуриент не может разделить дробь на дробь, то куда уж дальше?

Так думала Ольга, просматривая сданные листы. Все они были тщательно зашифрованы, а абитуриенты предупреждены, что при малейшем подозрении на наличие условных зна-

ков работа рассматриваться не будет.

Через два часа в аудиториях осталась меньше половины экзаменующихся – остальные сдали совсем чистые листы или решили менее трети заданий, что соответствовало двойке. Стало ясно, что после первого же экзамена конкурс уменьшится наполовину. Тем не менее, он все равно остался довольно высоким: примерно два человека на место – больше, чем в других технических вузах города.

После выставления оценок некоторые преподаватели впали в глубокое уныние – ученики, которых они готовили к поступлению, загремели. Родители, не стесняясь, принялись крыть незадачливых репетиторов на конфликтной комиссии.

– Я такие деньги заплатила! – возмущалась мама рослого детины, распространяя вокруг себя запах дорогих духов. – Ваш доцент целый год с ним занимался. Что же он ничему ребенка не научил?

– Судите сами. – Ольга открыла работу ее сыночка. – Вы видите: ни один пример, ни одна задача не решены правильно. Везде допущены грубейшие ошибки. Кстати, как фамилия того доцента?

– Я назову ее, если он не вернет деньги, – заявила та. – Пусть только попробует не вернуть.

– Лучше бы ваш ребенок ходил на наши подкурсы – больше толку было бы.

– Я сначала хотела его туда отдать. Но ваши же из прием-

ной комиссии сказали, что это пустая трата времени. Мол, подкурсы ничего не дают.

– Интересно, кто вам такое сказал? – удивилась Ольга. – Знайте: у нас на подкурсах работают самые опытные преподаватели. Большинство абитуриентов, посещавших подкурсы, очень неплохо справилось с заданиями. Особенно те, кто не пропускал занятия.

– Что ж, если удастся отбиться от осеннего призыва, теперь будем туда ходить.

Расстроенная мамаша поднялась и, взяв сына за руку, покинула конфликтную комиссию.

Анализ результатов экзамена по математике показал, что пятерку, освобождающую от сдачи остальных экзаменов, получили менее трети медалистов. Некоторые не справились с простейшими заданиями. Ольга поручила ассистентам узнать номера школ, которые окончили эти липовые медалисты.

Лучше других математику сдали выпускники физико-математической школы, курируемой университетом. Все их отличники подтвердили свои медали. Сдав один экзамен, эти счастливицы стали студентами. Они так орали и прыгали у доски объявлений, что их немедленно послали мыть окна в аудиториях. Зато медалисты школ с углубленным изучением иностранных языков загремели все, как один.

И немудрено, думала Ольга, если у них математики – кот заплакал. Зачем им приспичило поступать в технический

вуз? Шли бы в университет на филологический или на факультет иностранных языков. И неужели школы не несут ответственности за непропорционально выданные медали? Ведь проваливший экзамен медалист – это же позор для школы.

– Эх, Ольга Дмитриевна! – удивлялся Миша ее непонятливости. – Неужели вам, умному человеку, нужно объяснять такие простые вещи? Можно подумать, что вы с Луны свалились, ей богу! Да никому нет дела до престижа школы. За медаль некоторые родители такие денежки отваливают – вам и не снилось какие. Ведь один экзамен – не три. Мне сказали: в одной престижной школе все четырнадцать выпускников одного класса получили медали. Представляете: все выпускники – медалисты.

– Неужели все их медали куплены?

– Те, которые у нас провалились – однозначно. Не за красивые же глазки они даны. Вы что же думаете – в школе не знали, как их выпускники решают задачи? Знали, конечно. Но были уверены, что уж один экзамен родители купить сумеют. Да просчитались – вашего вмешательства не учли.

Похоже, я иду против течения, думала Ольга. Интересно, удастся справиться с ним или закрутит меня в какой-нибудь водоворот?

– Жалуются на вас, – встретил ее ректор, – сильно жалуются. Что вы к чужому мнению не прислушиваетесь и самоуправством занимаетесь.

– Например? Пусть приведут конкретные примеры! – воз-

мутилась Ольга. – К чему голословные обвинения? Зачем вы их слушаете, Леонид Александрович?

– А кто вам сказал, что я их слушаю? Я их слышу, но не слушаю. Работайте как работаете, Ольга Дмитриевна. Человек, который чего-нибудь стоит, всегда имеет врагов. И чем больше стоит, тем враги круче. Работайте спокойно – я на вашей стороне. Кстати, родителям вы тоже понравились. Да и большинство преподавателей за вас. А в случае чего – смело обращайтесь ко мне, не молчите. Договорились?

– Договорились. Спасибо вам!

На экзамене по физике не обошлось без неприятностей. Ведь устный экзамен – это возможность обменяться информацией: кто кого готовил, кто за кого болеет, попросить за своего ученика или знакомого. И бороться с этим практически невозможно. Вот почему Ольга всегда была противником устных вступительных экзаменов. Она считала, что надо полагаться не на честность экзаменаторов, а в принципе исключить саму возможность подобных нарушений. Ведь все – люди, и даже самый принципиальный преподаватель в условиях вседозволенности может оступиться и поддаться на чью-то просьбу или пойти на поводу у собственных интересов.

Чтобы не дать возможности недобросовестным экзаменаторам завышать своим протеже оценки, Ольга потребовала подробно излагать ответы на листах. Она лично убедилась, что в билетах у физиков не было устных задач, поэтому от-

существование письменного ответа могло означать только одно: эту задачу абитуриент не решил, и значит, высокую оценку не заслужил. Все ее требования как экзаменаторам, так и абитуриентам были известны.

Ольга шла по коридору, когда ее едва не сбила с ног рослая девушка, выскочившая из аудитории с криком: «Четыре! Четыре!». К ней сейчас же бросились несколько парней и стали спрашивать, что попало, кому сдавала, как отвечала.

Ольга остановилась и прислушалась. То, что она услышала, поразило ее до глубины души.

– Ей богу, ничего не знала! – воскликнула девушка. – Ну, ничегошеньки! А вон та очкастая дура мне четыре поставила. Представляете?

– Что, и задачи не решила? – не поверили ребята.

– Не, ни одной! Плела, что попало. Она еще и подсказывала. Просто не верится, что сдала.

«Вот как они относятся к нам, когда мы идем на сделку с совестью, – подумала Ольга. Да они просто презирают нас. – Кому сдавала абитуриентка, только что покинувшая аудиторию?» – спросила она, заходя в аудиторию.

– Ну, мне. А что? – нимало не смущаясь, ответила черноволая женщина в очках, сидевшая за столом у окна.

– Покажите мне ее лист с ответом.

– Зачем? И кто вы вообще такая? Кто вам разрешил заходить в аудиторию во время экзамена? – В голосе женщины прозвучал вызов.

– Я председатель экзаменационной комиссии профессор Туржанская, – тихо произнесла Ольга, удовлетворенно наблюдая, как та бледнеет. – Повторяю: покажите мне лист с ответом этой абитуриентки.

Экзаменатор молча протянула ей лист.

– Но здесь ничего не решено. За что же вы ей четверку поставили?

Экзаменатор молчала.

– Вы бы слышали, что она про вас на весь коридор кричала, – с трудом сдерживая гнев, сказала Ольга. – Что дура очкастая мне ни за что четыре поставила. Я вас отстраняю от экзамена. Пройдите в мой кабинет и там объясните, за что вы поставили столь высокий балл.

Заметив, что к их разговору прислушиваются абитуриенты, Ольга быстро покинула класс. Девушка ее не знает, думала она, направляясь к себе. Значит, это не ее ученица. Чья-то просьба. Интересно, чем эта просьба подкреплена. За какую сумму можно так себя позорить?

– Что вы скажете в свое оправдание? – спросила она провинившуюся. – Я жду вашего объяснения.

Та продолжала молчать.

– Ну, хорошо, идите. – Ольге самой был противен этот разговор. – Не хотите отвечать мне, будете объясняться со своим заведующим. Но экзамены вы больше не принимаете, и выговор вам обеспечен.

После ее ухода Ольга надолго задумалась. Она отчетливо

понимала, что приобрела еще одного врага. Да, пожалуй, и не одного. Наверняка заведующий кафедрой физики в курсе дел своих подчиненных.

Ольга не сомневалась, что пойманная за руку экзаменатор отделается легким испугом. Ведь не одна она такая – другие просто поступают умнее и потому не попадают. А стоит их как следует прижать, такое выплывает – многие головы полетят. Но кто прижмет? Да и опасно. Нет, здесь надо действовать по-умному – постепенно. Ничего, вот закончатся экзамены, подведем итоги, и тогда станет ясно – что и как надо менять.

С этими мыслями она покинула кабинет и снова направилась к физикам. Там уже знали о происшедшем и потому встретили ее во всеоружии: в экзаменационных классах был порядок, смирные абитуриенты не галдели под дверью, а сидели в специально отведенной для этого аудитории, и сам заведующий кафедрой, переходя из класса в класс, наблюдал за ходом экзамена.

«И то ладно! – подумала Ольга. – Пойду-ка я домой – на сегодня хватит. Завтра проверю готовность русистов к диктанту, и можно будет потихоньку подводить итоги – сколько народу и с какими баллами имеем на сегодняшний день».

Диктант прошел на удивление гладко. Правда, грамотность абитуриентов повергла проверявших в шок – такого количества ошибок в работах абитуриентов прежде не наблюдалось. Как будто ребята слыхом не слыхивали, что от-

рицание «не» с глаголом пишется раздельно и что деепричастные обороты надо выделять запятыми.

Ольга помнила: когда она поступала в институт, двойку за сочинение ставили при наличии всего пяти ошибок. Если бы этим требованиям следовали и сейчас, то двойки пришлось бы ставить абсолютному большинству поступавших и институт остался бы без набора. Один абитуриент умудрился в слове «лаборатория» сделать шесть ошибок, а слово «длина» почти все писали с двумя «н».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.